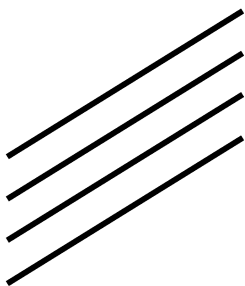

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Сотрудничество России и Китая в интересах обеспечения безопасности геополитического пространства ШОС: проблемы и перспективы

Москва
ИДВ РАН
2021

УДК 327(470+571+510)
ББК 66.4(2Рос)(5Кит)
С67

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Редакционная коллегия:

к.в.н. А.Ф. Клименко, к.п.н. Ю.В. Кулинец (отв. ред.-сост.)

С67 Сотрудничество России и Китая в интересах обеспечения безопасности геополитического пространства ШОС: проблемы и перспективы / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока; отв. ред.-сост. Ю.В. Кулинец. — М. : ИДВ РАН, 2021. — 176 с.

ISBN 978-5-8381-0396-3

В сборнике статей, подготовленном на основе аналитических материалов российских востоковедов, рассматриваются особенности современной обстановки в Восточной Евразии, основные вызовы безопасности на пространстве ШОС, а также вопросы российско-китайского сотрудничества по консолидации Организации. Особое внимание уделено рассмотрению политических и экономических проблем, анализу их влияния на обеспечение региональной безопасности. В книге показана новая роль ШОС в Евразии, проанализирована стратегия новой администрации США по отношению к России, Китаю и к государствам — членам Организации, динамика сопряжения китайской инициативы «Пояс и путь» с российским интеграционным проектом ЕАЭС, а также рассмотрены некоторые особенности борьбы с терроризмом на пространстве ШОС.

Ключевые слова: ШОС, Евразия, Россия, Китай, Центральная Азия, Восточная Азия, безопасность, политика, экономика.

Статьи отражают авторскую точку зрения, необязательно совпадающую с мнением издателя. Ответственность за достоверность опубликованных сведений несут авторы.

УДК 327(470+571+510)
ББК 66.4(2Рос)(5Кит)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies

**RUSSIAN-CHINESE
COOPERATION IN THE INTERESTS
OF THE SCO GEOPOLITICAL SPACE
SECURITY:
PROBLEMS AND PROSPECTS**

Moscow
IFES RAS
2021

*Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute of Far Eastern Studies
Russian Academy of Sciences*

Russian-Chinese cooperation in the interests of the SCO geopolitical space security: problems and prospects. Moscow, IFES RAS, 2021.

The collection of articles by Russian Orientalists focuses on the different aspects of the current situation in Eastern Eurasia, the main security challenges in the SCO space, there are also considered the issues of Russian-Chinese cooperation on the consolidation of the SCO. Special attention is paid to the consideration of the political and economic problems of the SCO, to the analysis of their impact on the regional security. The book shows the new role of the SCO in Eurasia, analyzes the strategy of the new US administration in relation with Russia, China and the SCO member states, the dynamics of conjunction of the Chinese Belt and Road initiative with the Russian integration project of the EAEU, and also considers some features of the anti-terrorism affores of the SCO.

Keywords: SCO, Eurasia, Russia, China, Central Asia, East Asia, security, politics, economic cooperation.

Содержание

I. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ОБСТАНОВКИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРАЗИИ И ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС

Клименко А.Ф.

Международно-политическая обстановка и основные
вызовы реализации проектов участников ШОС
на евразийском пространстве 9

Балакин В.И.

Новая роль ШОС в Евразии 26

Батюк В.И.

США и РИК. Политика администрации Байдена
в отношении России, Китая и Индии 37

Васильев Л.Е.

Особенности борьбы с терроризмом на пространстве ШОС
в современных условиях 51

Гордиенко Д.В., Морозов Ю.В.

Влияние американско-китайской деятельности в регионах мира
на интересы России 65

Денисов И.Е.

Концепция «Самодостаточная Индия» и ее возможное
влияние на региональную безопасность
на пространстве ШОС 77

Уянаев С.В.

Нынешние задачи и перспективы развития ШОС и РИК 92

II. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО КОНСОЛИДАЦИИ ШОС ПРИ РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ

Гордиенко Д.В.

Проблемы экономического сотрудничества ШОС
и их влияние на обеспечение региональной безопасности 107

Сафронова Е.И.

Роль и место России и Китая в решении политических
и экономических проблем ШОС 123

Мамахатов Т.М.

Динамика отношений России и Китая с государствами
Центральной Азии в области экономического
сотрудничества ШОС 136

Матвеев В.А.

Сопряжение проекта КНР «Один пояс, один путь»
с российским проектом ЕАЭС в условиях возрастающего
давления стран Запада: проблемы и перспективы 148

Кулинецв Ю.В.

Особенности политического взаимодействия России и Китая
в условиях пандемии COVID-19 на пространстве ШОС 162

Contents

I. FEATURES OF THE CURRENT SITUATION IN EASTERN EURASIA AND THE MAIN SECURITY CHALLENGES IN THE SCO SPACE

KLIMENKO Anatoly F.

The international political situation and the main challenges
of implementing the projects of the SCO members
in the Eurasian space 9

BALAKIN Vyacheslav I.

The new role of the SCO in Eurasia 26

BATYUK Vladimir I.

USA and RIC. Biden administration's policy towards Russia,
China and India 37

VASILIEV Leonid Ye.

Certain features of the fight against terrorism in the SCO
in modern conditions 51

GORDIENKO Dmitry V., Morozov Yuri V.

Impact of American-Chinese activities in regions of the world
on Russia's interests 65

DENISOV Igor E.

The concept of «Self-reliant India» and its possible impact on regional
security in the SCO region 77

UYANAEV Sergey V.

Current challenges and prospects for the development
of the SCO and the RIC 92

II. RUSSIAN-CHINESE COOPERATION ON CONSOLIDATION OF THE SCO IN SOLVING THE PROBLEMS OF ENSURING REGIONAL SECURITY IN DIFFERENT FIELDS

GORDIENKO Dmitry V.

Problems of economic cooperation of the SCO
and their impact on ensuring regional security 107

SAFRONOVA Elena I.

Role and place of Russia and China in solving political
and economic problems of the SCO 123

MAMAKHATOV Tlesh M.

Dynamics of relations between Russia and China with the Central
Asian states in the field of SCO economic cooperation 136

MATVEEV Vladimir A.

Coupling of the PRC's "One Belt, One Road" project with
the Russian EAEU project in the context of increasing pressure
from Western countries: problems and prospects 148

KULINTSEV Yury V.

Political interaction between Russia and China in the context
of the COVID-19 pandemic in the SCO space 162

І . ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ОБСТАНОВКИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРАЗИИ И ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС

DOI: 10.48647/IFES.2021.65.49.001

А.Ф. Клименко

МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА И ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ УЧАСТНИКОВ ШОС НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье анализируется ситуация на пространстве «Большой Евразии», раскрывается усиление геополитического противоборства и его влияние на состояние стабильности в этом регионе. Кроме традиционных рисков для участников ШОС, связанных с обострением отношений её ведущих членов — России и Китая — со странами Запада и нестабильностью ситуации в Афганистане, автор выделяет новую тенденцию создания участниками ШОС различных форматов политического и военного сотрудничества. Это ведёт не только к ослаблению позиций ШОС на международной арене, но и к разрушению самой структуры Организации как консолидирующей базы для дальнейшего развития сотрудничества на евразийском пространстве.

Не способствуют укреплению потенциала ШОС и сохраняющиеся противоречия между государствами-участниками этой организации, прежде всего в политической сфере и сфере безопасности.

В этих условиях обеспечение безопасности и стабильности, развитие экономического и гуманитарного сотрудничества на евразийском пространстве приобретают новые акценты: с одной стороны, противоречие между стоящей задачей ускорения экономического развития стран — участниц ШОС и кризисными явлениями внутри

Организации чрезвычайно затрудняют решение этой задачи. А с другой — «политическое балансирование» некоторых участников ШОС, неразборчивость в выборе «партнёров» в стремлении обеспечить себе выгодные позиции не способствуют консолидации этой организации, её нацеленности на решение поставленных задач. Поэтому вопрос о месте и роли ШОС в меняющемся мире остаётся чрезвычайно актуальным.

Положительно в целом оценивая ШОС в предоставлении её участникам возможности для обмена мнениями по различным кризисным ситуациям, автор обосновывает необходимость повышения дееспособности Организации в соответствии с обозначенными в Хартии ШОС направлениями деятельности. Но в первую очередь необходимо обратить внимание на укрепление консолидации участников и на усиление способности ШОС решать практические задачи в области экономического и гуманитарного сотрудничества, а также в сфере противодействия традиционным и нетрадиционным угрозам её участников.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, «Большая Евразия», Евразийский экономический союз, «Экономический пояс Шелкового пути», Большое евразийское партнёрство, консолидация, безопасность и стабильность.

Автор: Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: klimenko46@ifes-ras.ru

A.F. Klimenko

The international political situation and the main challenges of implementing the projects of the SCO members in the Eurasian space

Abstract. The article analyzes the situation in the “Greater Eurasia” space, reveals the strengthening of geopolitical confrontation and the impact of this process on the state of stability in this region. In addition to the traditional risks for the SCO members associated with the aggravation of relations between its leading members (Russia and China) with Western countries and the instability of the situation in Afghanistan, the author highlights a new trend in the creation of various formats of political and military cooperation by the SCO members. This leads not only to the weakening of the SCO's position in the international arena, but also to the destruction of the Organization's very structure as a consolidating base for the further development of cooperation in the Eurasian space.

The continuing contradictions between the member states of the organization, especially in the political and security spheres, do not contribute to the strengthening of the SCO's potential.

In these conditions, the provision of security and stability, the development of economic and humanitarian cooperation in the Eurasian space acquire new accents: on the one hand, the contradiction between the task of accelerating the economic development of the SCO member states and the crisis phenomena within the SCO makes it extremely difficult to solve this task. And on the other hand, the “political balancing” of certain SCO members, the illegibility in choosing “partners” in an effort to secure favorable positions does not contribute to the consolidation of this organization, its focus on solving the tasks. Therefore, the question of the SCO's place and role in the developing world remains extremely relevant.

In general, the author positively assesses the SCO in providing its participants with an opportunity to exchange views on various crisis situations, and justifies the need to improve the organization's capacity in accordance with the areas of activity outlined in the SCO Charter. But first of all, it is necessary to focus on strengthening the consolidation of the participants and on strengthening the SCO's ability to solve practical problems in the field of economic and humanitarian cooperation, as well as in the field of countering traditional and non-traditional threats of its participants.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, Greater Eurasia, Eurasian Economic Union, Silk Road Economic Belt, Greater Eurasian Partnership, consolidation, security and stability.

Author: Anatoly Filippovich KLIMENKO, Candidate of Military Sciences, Leading researcher at the Center for the Study of Problems of North-East Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (e-mail: klimenko46@ifes-ras.ru).

Шанхайская организация сотрудничества традиционно находится в сфере внимания экспертного сообщества. На её различных форумах регулярно рассматриваются проблемы обеспечения безопасности и стабильности, экономического и гуманитарного сотрудничества, которые в последнее время в связи с кардинальными изменениями в мировой системе приобретают новые акценты. Для ШОС, по мнению многих экспертов, возникают две группы рисков.

Первая из них вызвана обострением отношений ведущих членов ШОС — России и Китая — с западными странами на фоне возрастающего геополитического соперничества между ними. При этом «политическое балансирование» других участников ШОС, их неразборчивость в выборе «партнёров» в стремлении обеспечить себе выгодные позиции не способствует консолидации этой организации. Поэтому вопрос о роли, месте и задачах ШОС в сфере международного сотрудничества в меняющемся мире остаётся весьма актуальным, поскольку это тесно связано с повышением экономического могуще-

ства Организации и благосостояния граждан. Об этом напомнил президент России В.В. Путин: «Наши общие проекты в рамках Евразийского экономического союза нацелены на то, чтобы обеспечить рост экономики и благосостояния граждан... Уверен, они станут надёжными инфраструктурными каркасами Большого евразийского партнёрства» [Послание Президента...].

Вторая группа рисков связана с нестабильностью ситуации в Афганистане и смещением её на север страны. Это сохраняет угрозу безопасности не только для центральноазиатских участников ШОС, но также для России, Китая и Ирана.

Противоречие между стоящей перед ШОС задачей ускорения экономического развития стран-участниц, с одной стороны, и провоцируемыми объединенным Западом кризисными явлениями — с другой, чрезвычайно затрудняет решение этой важной задачи и, в свою очередь, актуализирует поиск методов её решения.

В создавшихся условиях перед ведущими членами ШОС и их партнёрами возникает важная исследовательская задача по активизации поиска возможных вариантов решения важных стратегических проблем: обеспечение благоприятных условий для экономического развития стран — участниц ШОС в процессе сопряжения проектов построения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и «Экономического пояса Шёлкового пути» (ЭПШП), а на этой базе — формирование Большого евразийского партнёрства (БЕП). Рассмотрим эти вопросы более подробно.

ШОС как координационный центр сопряжения ЭПШП с ЕАЭС и становления Большого евразийского партнёрства

Прошло более пяти лет с того момента, как Индия стала постоянным членом ШОС. Сегодня Индия, Китай и Россия по своему потенциалу — политическому и экономическому — по праву становятся ведущими государствами в этой организации. Это ещё больше повысило роль и значимость ШОС, но вместе с тем и ответственность этих государств за дееспособность Организации, ведущими членами которой они являются. А задачи перед ШОС стоят грандиозные. Вспомним, как эти задачи зарождались.

В 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул две идеи — создания «Экономического пояса Шелкового пути» и идею формирования вместе со странами АСЕАН Морского шелкового пути XXI века

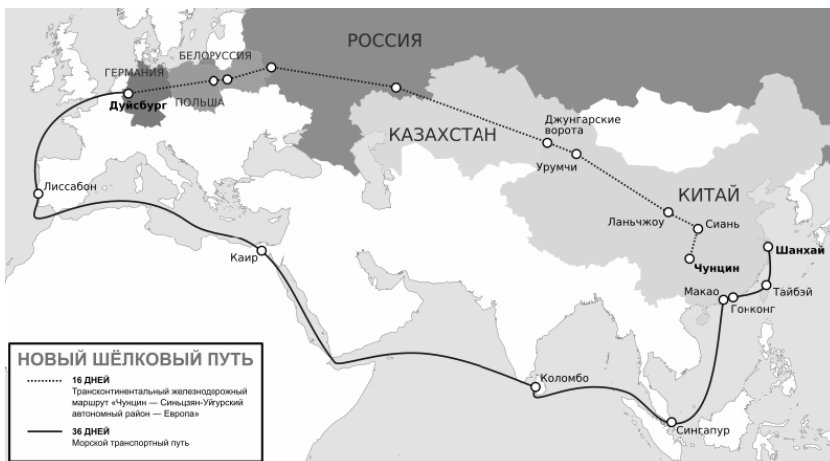

Рис. 1. Новый шёлковый путь.

Источник: Новый шёлковый путь. URL: <https://regnum.ru/pictures/2229489/4.html> (дата обращения: 07.05.2021).

(рис. 1). А в 2015 г. в КНР был опубликован документ «Видение и действия, направленные на продвижение совместного строительства ЭПШП и Морского Шелкового пути XXI века», объединённых в проект «Один пояс, один путь» [Видение и действие...].

В документе указывается, что цель данного проекта состоит в том, чтобы содействовать свободному передвижению экономических товаров и услуг, эффективному распределению ресурсов и глубокой интеграции рынков, а также стимулированию экономического взаимодействия стран, расположенных вдоль «Пояса и пути». Проект направлен также на развитие более масштабного регионального сотрудничества и совместного создания открытых, толерантных, сбалансированных и взаимовыгодных рамок его осуществления.

Годом ранее, в 2014 г., Россия, Белоруссия и Казахстан подписали договор о создании Евразийского экономического союза, в который через год вступили Армения и Киргизия. А в июне 2016 г. на Санкт-Петербургском экономическом форуме президент России В. Путин выступил с инициативой формирования Большого евразийского экономического партнерства на основе сопряжения ЕАЭС и ЭПШП (рис. 2).

Выступая в апреле 2021 г. с посланием Федеральному собранию, наш президент вновь обратился к этой теме, подчеркивая её важность:

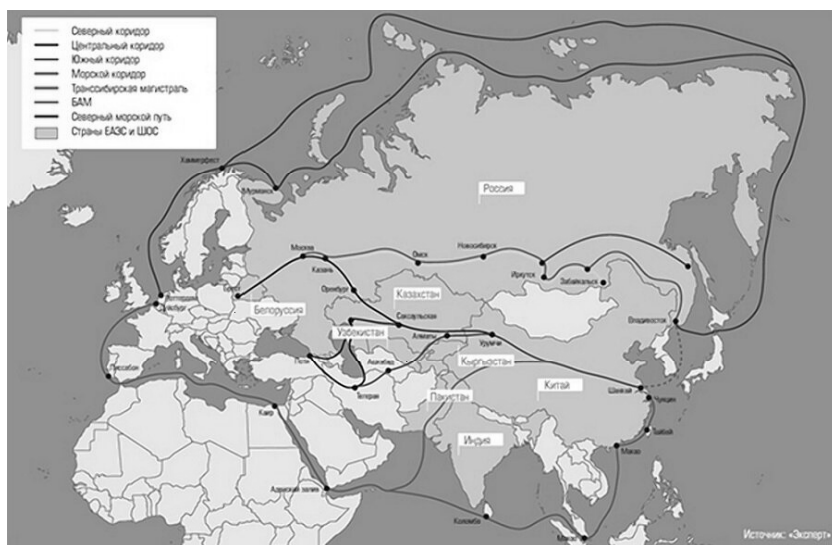

Рис. 2. Сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути.

Источник: Инфографика: Сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. URL: <https://eurasia.expert/infografika-so-pryazhenie-eaes-i-eps/> (дата обращения: 07.05.2021).

«Последовательно и в приоритетном порядке мы расширяем контакты с ближайшими партнёрами по Шанхайской организации сотрудничества... Наши общие проекты в рамках Евразийского экономического союза нацелены на то, чтобы обеспечить рост экономики и благосостояния граждан. При этом здесь появляются новые интересные направления, такие как развитие транспортно-логистических коридоров. Уверен, они станут надёжными инфраструктурными каркасами Большого евразийского партнёрства. Российские идеи этого открытого объединения уже осуществляются на практике, в том числе за счёт сопряжения с другими интеграционными процессами. Всё это не умозрительные геополитические построения, а сугубо прикладные инструменты решения задач национального развития» [Послание Президента...].

Оценивая изображенные на рис. 2 транспортные коридоры, нельзя не упомянуть ещё один международный транспортный коридор Север—Юг (МТКСЮ), который, как известно, инициировали Россия, Индия и Иран (кстати, Иран начал процедуру своего присоединения к ЕАЭС). Тегеран предлагает свой порт Чабахар на юго-восто-

Рис. 3. Транспортный коридор Север—Юг расширенной ЕАЭС.

Источник: Яндекс.Картинки. URL: <https://cont.ws/uploads/pic/2018/9/kaspijsk-01.png>; <https://cont.ws/uploads/pic/2018/9/kaspijsk-01.png> (дата обращения: 07.05.2021).

ке страны в качестве связующего звена с Индией. В ИРИ всё чаще обсуждаются инвестиции в местные железные дороги и порты, предпринимаются активные попытки расширить торговые связи с Индией и Пакистаном, а также с Турцией [Иран предложил...].

Коридор Север—Юг позволит соединить Индийский океан и Персидский залив с Каспийским морем и обеспечит маршрут в страны Северной Европы через территорию России (рис. 3). В дальнейшем к проекту МТКСЮ присоединились почти все участники ШОС и ряд стран Ближнего Востока.

Сегодня идущие в Европу грузы из Индии доставляются морем в Санкт-Петербург за 40 дней. Новый транспортный маршрут из Индии в Россию через Иран и Азербайджан позволит это сделать в два раза быстрее. При этом стоимость перевозки сократится почти на 30 %. Для находящегося под западными санкциями Ирана вступление в Евразийский экономический союз и тесное экономическое сотрудничество с его участниками также будет не лишним.

Индия, в свою очередь, заинтересована в развитии коридора Север—Юг через Иран в страны Центральной Азии для расширения своего стратегического присутствия в регионе и, по свидетельству СМИ, готова финансировать строительство транспортной инфраструктуры в Иране и управлять построенными на его территории объектами [Белов П.]. А для России через Иран откроется прямой выход к Индийскому океану и упростится сообщение с Индией.

Важно отметить, что территории стран — членов ЕАЭС входят в географическое пространство ШОС, охватывающее большую часть Евразии (рис. 4). А все 18 участников ШОС являются важными экономическими субъектами, которые расположены вдоль показанных на рисунке экономических коридоров ЭПШП, зафиксированных в названном выше документе «Видение и действия, направленные на продвижение совместного строительства — Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». Это обстоятельство будет способствовать общему развитию экономик стран Центральной, Западной, Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии. В результате на основе взаимной выгоды и взаимодополнения сфор-

Рис. 4. Стратегия развития ШОС и ЕАЭС в ближайшем будущем.

Источник: URL: <https://yandex.ru/images/Стратегия%20развития%20ШОС%20и%20ЕАЭС%20в%20ближайшем%20будущем%20картина&lr=10761&rpt=simage&source=wiz> (дата обращения: 06.05.2021).

мируется рациональное разделение труда между разными странами, что окажет содействие корректировке их экономической структуры, повышению экономической мощи и качества жизни.

Поскольку все упомянутые страны в той или иной мере причастны к проектам ЭПШП и ЕАЭС и входят в ШОС, эта организация может сыграть важную роль в их сопряжении.

Как известно, ещё на старте деятельности ШОС её учредители приняли Меморандум между правительствами государств-участников об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и о запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций. В этом документе изложены основные цели их сотрудничества. Среди них: расширение масштабов торговли и инвестиций; улучшение торгового и инвестиционного климата; создание соответствующих условий для постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий; эффективное использование имеющейся инфраструктуры в области транспорта и коммуникаций; дальнейшее развитие транзитного потенциала; взаимодействие в сфере торговли услугами и, наконец, формирование механизмов регионального экономического сотрудничества.

Практически названные цели коррелируются с целями, изложенными в документе КНР «Видение и действия, направленные на продвижение совместного строительства ЭПШП и Морского Шелкового пути XXI века». Поэтому неслучайно ШОС, имеющая серьезный потенциал для превращения в основную площадку взаимодействия по линии ЭПШП — ЕАЭС, становится центральным институтом потенциального проекта создания сообщества «Большой Евразии». Совершенствование и институционализация ШОС могут создать благоприятные условия для экономического развития, сотрудничества и обеспечения безопасности Большого евразийского партнёрства.

Международно-политическая ситуация и роль ШОС в обеспечении становления Большого евразийского партнёрства

А теперь обратимся к чрезвычайно актуальной сегодня проблеме безопасности на евразийском пространстве ШОС. За время существования Организации подписано более 300 важных документов по

этой проблеме, проведено более десятка учений по борьбе с терроризмом. В сферах борьбы с наркотрафиком и финансированием терроризма, обеспечения безопасности границ, крупных международных мероприятий и кибербезопасности были созданы механизмы многостороннего сотрудничества и достигнуты определённые результаты. Это свидетельствует о том, что ШОС становится стабилизатором мира и безопасности в Евразии. И это очень важно.

Сегодня мы видим усиление геополитического противоборства вокруг Евразийского материка. В связи с ростом потребления природных ресурсов Восточная часть этого материка, особенно Центральная Азия, Сибирь и Ближний Восток, где сосредоточена основная их часть, становится главным притягательным субъектом мировой политики и, естественно, США.

В поздравительном послании президента США Байдена президенту Казахстана говорится: «Моя администрация нацелена на углубление нашего стратегического партнерства и продолжение диалогового процесса «С5+1» [США приступили...]. Этот формат с участием Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана и США был установлен в 2015 г. для обсуждения экономики, экологии и безопасности на уровне региона.

«Америке пора разработать более обширную стратегию для этого региона, приняв во внимание стремительные геополитические изменения в Евразии», — напоминают Байдену помощники из его администрации. Вышеуказанные страны, особенно Узбекистан и Казахстан добиваются немалых успехов в переходе от постсоветской государственности. Поэтому «Вашингтону очень важно налаживать прочное сотрудничество с этими странами на всех уровнях, не ограничиваясь сопротивлением Китаю. Казахстан способен помочь Вашингтону в афганском вопросе после ухода оттуда США. Он может оказать содействие в противостоянии ядерным амбициям Ирана, а также в сдерживании Турции, которая заглядывается на транскаспийский регион. Внешняя политика Америки вступает в исторический этап на фоне усиления Пекина. И Центральная Азия может стать ключом, который поможет США восстановить свое мировое лидерство», — заключают американские эксперты [там же].

США пытаются влиять и на других, в первую очередь, крупных акторов, и особенно — на растущую во всех отношениях Индию, пытаясь втягивать их в зону своего влияния. Индия, поддерживая с американцами взаимовыгодные отношения, осознаёт, что дружить с США придётся против России и Китая. Поэтому она держит опре-

делённую дистанцию во взаимоотношениях с Америкой, подтверждением чему является её членство в ШОС и БРИКС.

До недавнего времени одним из основных союзников Америки в Южной Азии был Пакистан, у которого отношения с США ухудшились. И, видя попытки США на сближение с Индией, он тоже начал сближение с ШОС. Результат мы видим на манёврах «Кавказ-2020» [Мануков С.].

Однако США и их союзники не оставляют попыток раскачивать ситуацию в нашем уязвимом центральноазиатском «подбрюшье». И если регион окажется под доминантой Вашингтона, крест будет поставлен на проекте «Большой Евразии» и на всей архитектуре безопасности континента. Доминированию США в регионе и его «афганизации» с вытекающими отсюда угрозами страны ШОС, и в первую очередь Россия, Китай и Индия как ведущие государства этой организации, должны противопоставить усиление стратегического взаимодействия и чёткую координацию своих действий.

В этом плане нельзя не согласиться с высказанным министром иностранных дел России С. Лавровым в интервью китайским СМИ предложением «сформировать максимально широкую коалицию стран, которые будут принципиально противодействовать незаконной практике односторонних санкций» [Россия и Китай переходят...]. К этим словам можно лишь добавить, что проще это сделать, опираясь на формат Шанхайской организации сотрудничества.

Вместе с тем здесь уместным было бы напомнить о возникающей проблеме консолидации участников ШОС. Зарождается тенденция создания различных форматов их политического и военного сотрудничества, что ведёт не только к ослаблению позиций ШОС на международной арене, но и к разрушению самой Организации как консолидирующей базы для дальнейшего развития сотрудничества на евразийском пространстве.

Как известно, в марте 2021 г. прошёл саммит «Тюркского совета», учреждённого по инициативе Турции в 2009 г. На саммите «Тюркский совет» был переименован в «Организацию тюркоязычных государств», что придало ей международный статус. Помимо Турции, в нее вошли Азербайджан, Казахстан, Киргизия и Узбекистан. Главной целью этой организации изначально стояло развитие всестороннего сотрудничества, однако долгое время страны мало касались политики. Но в 2019 г. президент Турции Р. Эрдоган заявил о желании видеть одну нацию в шести государствах (включая Туркмению).

Довольно острым можно считать вопрос создания «единой армии Турана», которой, по словам экспертов, противится Н. Назарбаев. Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев в одном из своих выступлений призвал начать модернизацию тюркской цивилизации. Лидер Узбекистана Шавкат Мирзиев и вовсе объявил о новом этапе в истории объединения. Тюркские страны, по его словам, готовы вместе проходить любые испытания и угрозы [Против кого...].

Доктрина «Великого Турана» охватывает пространство от Турции до китайского Синьцзян-Уйгурского автономного района включительно под названием Восточный Туркестан. Сюда же включены российские Татарстан, Башкортостан и Якутия (рис. 5). Таким образом, Турция стремится заполнить геополитический вакуум, образовавшийся после распада СССР. Насколько удачной окажется эта попытка — покажет время.

Вместе с тем нельзя не видеть, что геополитическая доктрина «Великий Туран» предполагает разные форматы взаимодействия — от

Рис. 5. Геополитическая доктрина «Великого Турана».

Источник: Геополитическая доктрина «Великого Турана». URL: <https://pbs.twimg.com/media/DaVhX4LW0AEfsgB.jpg> (дата обращения: 07.05.2021).

«мягкой силы» до военного и военно-технического сотрудничества. В перспективе пантюркизм может привести к созданию военного союза тюркоязычных государств.

Но вот мнение нашего министра иностранных дел С. Лаврова: «...Если же говорить о “Великом Туране” как наднациональном образовании, не думаю, что Турция преследует такую цель. Не вижу, как в реальности страны, бывшие частью СССР и ставшие независимыми государствами, могут эту идею в каком-то виде поддерживать» [Лавров не думает, что...].

А вот факты: 2018 год. Подписано соглашение о военном и военно-техническом сотрудничестве между Турцией и Казахстаном (между прочим, члена НАТО с членом ОДКБ). Такое же соглашение подписано в разгар карабахской войны 2020 г. между Анкарой и Ташкентом. 200 офицеров армии Казахстана прошли обучение в военных вузах Турции, и такое же обучение прошли турецкие офицеры в аналогичных вузах Казахстана. Цель — изучение постсоветских военных уставов, практическая работа в русскоязычной среде, а также подготовка специалистов разведки, спецназа, подразделений пропаганды и генерального штаба.

По сообщениям СМИ некоторые турецкие «выпускники» казахстанских вузов были замечены в Азербайджане во время карабахской войны. И почти все упомянутые страны — это члены ШОС с различным статусом, и даже ОДКБ. А мы молчим и ждем «отрезвления», слушая миролюбивую риторику казахстанских политиков [Ставер А.]. Необходимо же делать выводы и вырабатывать меры по противодействию подобным тенденциям внутришосовского сепаратизма.

С. Лавров на той же встрече с представителями китайских СМИ также подчеркнул, что «нужно укреплять свою самостоятельность, в том числе противодействуя американской политике по ограничению возможностей нашего общего развития». А оказывается, не только американской, но и политике некоторых наших союзников и партнёров. И роль ШОС в этом нельзя недооценивать. А для этого необходимо уделять самое пристальное внимание консолидации участников этой организации.

И, наконец, сложная международно-политическая обстановка, в которой будут осуществляться экономические проекты ЕАЭС и ЭПШП, и построение сообщества Большого евразийского партнёрства нуждаются в обеспечении условий безопасности и стабильности на евразийском пространстве, совпадающим с ареалом ШОС.

Поэтому именно на ШОС лежит ответственность за решение этой непростой задачи, которая прописана в Хартии этой организации. Для этого потребуются всемерно укреплять её взаимодействие с ОДКБ, почти все члены которой одновременно являются и участниками ШОС.

Выводы и рекомендации

1. На ШОС возложена ответственная задача сыграть роль важнейшей платформы и координационного центра в сопряжении проектов Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути». Таким образом, ШОС должна стать важнейшим институтом международного сотрудничества на евразийском пространстве и базой построения сообщества «Большого евразийского партнёрства», что входит в противоречие с американской евроатлантической стратегией.

2. Ситуация, сложившаяся на пространстве «Большой Евразии», характеризуется усилением геополитического противоборства, деструктивно влияющим на региональную безопасность. Кроме традиционных рисков для участников ШОС, связанных с обострением отношений её ведущих членов — России и Китая — со странами Запада и нестабильностью ситуации в Афганистане, отмечается новая проблемная тенденция — создание участниками ШОС различных форматов политического и военного сотрудничества вне самой организации.

3. В этих условиях обеспечение безопасности и стабильности, развитие экономического и гуманитарного сотрудничества на евразийском пространстве для ШОС приобретают новые акценты: с одной стороны, противоречие между стоящей задачей ускорения экономического развития стран — участниц этой организации и кризисными явлениями внутри неё чрезвычайно затрудняет решение этой задачи. А с другой — «политическое балансирование» некоторых участников ШОС, их неразборчивость в выборе «партнёров» в стремлении обеспечить себе выгодные позиции не способствуют консолидации ШОС, её нацеленности на решение поставленных задач. Поэтому вопрос о месте и роли ШОС в меняющемся мире остаётся чрезвычайно актуальным.

4. России и Китаю как ведущим членам ШОС нужно активнее использовать все доступные политико-дипломатические средства для сглаживания противоречий между постоянными членами ШОС в ус-

ловиях изменяющегося мира в малопредсказуемую сторону. Необходимо обратить самое серьёзное внимание на повышение дееспособности Организации в соответствии с обозначенными в её Хартии направлениями деятельности. В первую очередь — на укрепление консолидации участников и на усиление способности ШОС решать практические задачи в области экономического и гуманитарного сотрудничества, а также в сфере противодействия традиционным и нетрадиционным угрозам её участникам. Консолидация ШОС является основным условием и залогом решения стоящих перед Организацией задач.

5. Ни Россия, ни Китай не стремятся к заключению военно-политического союза. Но попытки западных «партнеров-соперников» и в дальнейшем наращивать давление на РФ и КНР способны подтолкнуть их к такому союзу. Поэтому задача состоит в том, чтобы на основе обобщения накопленного опыта вывести всестороннее стратегическое партнерство Москвы и Пекина на более высокий, «предсоюзнический» уровень и тем самым обеспечить сдерживание потенциальных агрессоров от непродуманных шагов, увеличить вклад в дело обеспечения безопасности двух стран, интересов всестороннего развития и поддержания мира во всем мире. [Некоторые вопросы развития российско-китайского партнёрства...].

6. В создавшихся условиях перед ведущими членами ШОС, коими являются Россия и Китай, возникает важная исследовательская проблема — активизировать в рамках ШОС поиск возможных вариантов решения стоящих перед этой организацией стратегических задач, выдвинутых их руководителями — президентом В.В. Путиным и председателем Си Цзиньпином, — сопряжение Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шёлкового пути», а на этой базе — формирование Большого евразийского партнёрства.

Библиографический список

Белов П. Россия и Индия соединяют континенты. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4653230?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbr/ (дата обращения: 12.03.2021).

Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века». URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1257296.htm/> (дата обращения: 10.03.2021).

Иран предложил «выгодную альтернативу» Суэцкому каналу. URL: https://eadaily.com/ru/news/2021/03/28/iran-predlozhil-vygodnuyu-alternativu-sueckomu-kanalu?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com/ (дата обращения: 12.04.2021).

Клименко А.Ф. Некоторые вопросы развития российско-китайского партнёрства в сфере безопасности в современных условиях. / Китай в мировой и региональной политике. Выпуск XXV: ежегодное издание/ сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 51—65 (дата обращения: 04.03.2021).

Лавров не думает, что Турция стремится создать Великий Туран. URL: <https://tass.ru/politika/10746249/> (дата обращения: 11.04.2021).

Мануков С. Главный антиамериканский союзник. URL: <https://expert.ru/2018/01/10/glavnyij-antiamerikanskij-soyuznik/> (дата обращения: 18.04.2021).

Послание Президента Федеральному Собранию. 21 апреля 2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65418/> (дата обращения: 25.04.2021).

Против кого Реджеп Эрдоган строит «Тюркский мир»? URL: <https://zen.yandex.ru/media/fondsk.ru/protiv-kogo-redjep-erdogan-stroit-tiurkskii-mir-606d8b067c13ff313f5e721e/> (дата обращения: 12.04.2021).

Россия и Китай переходят от обороны к контратаке. URL: https://ria.ru/20210323/diplomatiya-1602378042.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbr/ (дата обращения: 20.04.2021).

США приступили к разжиганию нового костра у Российских границ. URL: <https://zen.yandex.ru/media/vecher/ssha-pristupili-k-razjiganiyu-novogo-kotra-u-rossijskih-granic-6055a794a331e8626777b55c/> (дата обращения: 12.03.2021).

Ставер А. Армия Великого Турана против ОДКБ. URL: <https://universe-tss.su/main/politika/world/93596-armija-velikogo-turana-protiv-odkb.html> (дата обращения: 26.04.2021).

References

Belov P. (2021). Rossiya i Indiya sovedinyayut kontinenty [Russia and India connect continents]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4653230?utm_referrer=https://zen.yandex.com/ (accessed: 12.03.2021) (In Russian).

Videniye i deystviye, napravlennyye na prodvizheniye sovmestnogo stroi-tel'stva «Ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti» i «Morskogo Shelkovo-go puti 21-go veka» [Vision and action to advance the joint construction of the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1257296.htm/> (accessed: 10.03.2021) (In Russian).

Иран предложил «выгодную альтернативу» Суэцкому каналу [Iran offered a «profitable alternative» to the Suez Canal]. URL: https://eadaily.com/ru/news/2021/03/28/iran-predlozhil-vygodnuyu-alternativu-sueckomu-kanalu?utm_referrer=https://zen.yandex.com/ (accessed: 12.04.2021) (In Russian).

Klimenko A.F. (2020). Nekotoryye voprosy razvitiya rossiysko-kitayskogo part-nerstva v sfere bezopasnosti v sovremennykh usloviyakh [Some issues of the

development of the Russian-Chinese partnership in the field of security in modern conditions]. / Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Vypusk KhKhV: ezhegodnoye izdaniye/ sost., otv. red. E.I. Safronova. M.: IDV RAN, 2020. S. 51–65/ (accessed: 4.03.2021) (In Russian).

Lavrov ne dumayet, chto Turtsiya stremitsya sozdat' Velikiy Turan [Lavrov does not think that Turkey seeks to create Great Turan]. URL: <https://tass.ru/politika/10746249> (accessed: 11.04.21.2021) (In Russian).

Manukov S. (2021). Glavnyy antiamerikanskiy soyuznik [Major anti-American ally]. URL: <https://expert.ru/2018/01/10/glavnyij-antiamerikanskiy-soyuznik/> (accessed: 18.04.2021) (In Russian).

Poslaniye Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu. 21 aprelya 2021 goda [Message from the President to the Federal Assembly. April 21, 2021]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65418/> (accessed: 25.04.2021) (In Russian).

Protiv kogo Redzhep Erdogan stroit «Tjurkskiy mir»? [Against whom is Recep Erdogan building the “Turkic world”?]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/fondsk.ru/protiv-kogo-redjep-erdogan-stroit-tiurkskii-mir-606d8b067c13ff313f5e721e/> (accessed: 12.04.2021) (In Russian).

Rossiya i Kitay perekhodyat ot oborony k kontratake [Russia and China Shift from Defense to Counterattack]. URL: https://ria.ru/20210323/diplomatiya-1602378042.html?utm_referrer=https://zen.yandex.com/ (accessed: 20.04.2021) (In Russian).

SShA pristupili k razzhiganiyu novogo kostra u Rossiyskikh granits [US starts lighting new bonfire near Russian borders]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/vecher/sshapristupili-k-razzhiganiyu-novogo-kostra-u-rossiiskih-granic-6055a794a331e8626777b55c/> (accessed: 12.03.2021) (In Russian).

Staver A. (2021). Armiya Velikogo Turana protiv ODKB [Army of Great Turan against the CSTO]. URL: <https://universe-tss.su/main/politika/world/93596-armiya-ve-likogo-turana-protiv-odkb.html/> (accessed: 26.04.2021) (In Russian).

В.И. Балакин

НОВАЯ РОЛЬ ШОС В ЕВРАЗИИ

Аннотация. Следует отметить, что Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) с неизбежностью должна стать одной из основных опор будущего мирового порядка, что подтверждается достижениями в институциональном развитии данной организации и превращением ее в реальный стабилизирующий фактор регионального, а со временем глобального развития. Мировой кризис, однако, стал мощным катализатором интеграционных процессов на континенте Евразия, особенно это сказалось на резком сокращении инвестиционных возможностей западных инвесторов, что привело к остановке многих проектов в регионе, оставшихся, по сути дела, без внешней подпитки.

Вместе с тем ШОС постепенно начинает демонстрировать свой потенциал в качестве эффективного инструмента для активизации региональной интеграции, способной обеспечить независимое развитие евроазиатских государств. ШОС является международной организацией общей компетенции, которая изначально делает упор на вопросы обеспечения безопасности и поддержания мира в Евразии, то есть в значительной степени гарантирует региональную динамику развития. ШОС стремится развивать политические отношения на основе равноправия, тесного взаимодействия, принятия согласованных решений, придерживаясь концепции неделимости общей безопасности, на основе взаимного доверия. Страны — члены ШОС в полной мере реализуют принцип общей выгоды, опирающейся на реальные преимущества географической близости, значительной экономической взаимной дополняемости, и при этом стремятся к оптимизации инвестиционной и торговой деятельности.

Кроме того, для России весьма перспективной выглядит постепенная эволюция ШОС в некий противовес коллективному Западу прежде всего в идеологической сфере, поскольку все страны — члены данной организации представляют собой традиционные общества и в данной связи вряд ли поступятся своей духовной идентичностью.

Ключевые слова: ШОС, мировой кризис, Евразия, региональная безопасность, инвестиционная деятельность, Россия, коллективный Запад.

Автор: Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, доцент ВАК, ведущий научный сотрудник Центра исследований проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru prof_bvi@mail.ru

V.I.Balakin

The new role of the SCO in Eurasia

Abstract. Its ought to mark that Shanghai cooperation organization (SCO) inevitability has to become one of the main support for future world order and its confirmed achievements in institutional development of this organization and its transformation to real stabilizing factor for regional temporary and global development. But world crisis has become powerful catalyst of integration processes on the Eurasia continent especially that has been told on sharp abbreviation investment possibilities of western depositors which entailed the stopping of many projects in the region remaining in main point without any outside financing.

At the same time SCO little by little has begun to demonstrate its own potential as effective instrument for making active regional cooperation able to protect independent development of Eurasian states. SCO is international organization of general competence which primordially lay emphasis on the question of security and support of peace in Eurasia that in other words this organization in considerable degree guarantee regional dynamics of development. SCO strives for developing political relations on the basis of equality, tight interaction, passing of adjusting decisions, keeping to the conception of common security indivisibility, on the basis of mutual trust. SCO member countries largely realize the principal of common advantage, leaning against concrete preferential points of geographical neighboring, mutual economic supplementary and the same time they strive to the optimization of investment and commercial activity.

More-over for Russia greatly perspective one has been looked gradual evolution of SCO into some counterpoise for collective West especially in ideological sphere since all SCO member countries present themselves traditional societies and in that connection hardly waive own spiritual identities.

Keywords: SCO, world crises, Eurasia, regional security, investment activity, Russia, collective West.

Author: Vyacheslav I. Balakin, Ph. D. (Law), Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences

(e-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru prof_bvi@mail.ru)

Конструирование процессов в рамках евро-азиатского пространства становится для России приоритетной задачей, поскольку здесь Москва выглядит одним из несомненных лидеров с учетом того факта, что ШОС представляет собой сегодня одну из ведущих международных организаций. Данная организация приобрела существенные позиции и авторитет на континенте Евразия за счет формирующегося взаимного доверия между государствами-участниками, взаимовыгодного сотрудничества, равноправия в отношениях, уважения культурного многообразия, стремления к совместному развитию. В последнее время прослеживается тенденция создания региональных геополитических блоков и группировок не только на глобальном уровне, но и в Евразии, где тенденция к регионализации рассматривается в качестве диалектического взаимодействия разнонаправленных процессов, ведущих к фрагментации хозяйственного пространства. Российская Федерация в силу своего предшествующего имперского опыта и цивилизационной ориентации продолжает и сегодня оставаться инициатором и гарантом объединения территории Евразии в интересах прежде всего упорядочивания сложившейся экономической инфраструктуры [Godehardt, s. 4]. Исходя из наиболее реальных перспектив развития современной ситуации на континенте Евразия, у России постепенно формируется новая роль, продиктованная неспособностью бывших республик Советского Союза создать собственную адекватную государственность, что является абсолютно необходимым для преодоления периферийного положения региона.

Вместе с тем, как представляется, баланс дезинтеграционных и консолидирующих факторов все же позволяет спрогнозировать возможность формирования на евро-азиатской территории геополитического центра силы, основными лидерами которого выступают Китай и Россия, что позволит им обеспечить устойчивое развитие на основе собственных производственных и интеллектуальных ресурсов. Достаточно быстро меняющаяся структура геополитических связей в Евразии порождает значительную нестабильность, что явно отражается на структуре международных отношений, меняет характер взаимодействия в цепи «глоба-

лизм, регионализм, национальная экономика, локальное образование». Таким образом, обеспечение нормального функционирования системы международного сотрудничества в рамках «мегарегиона», каковым является Евразия, объективно стимулирует потребность в создании новых звеньев, которые защищали бы региональную стабильность на континентальном уровне, и здесь весьма серьезной становится роль национальных государств [Simons, p. 81]. Жесткая борьба в рамках мегарегиона Евразия становится все более острой, особенно между странами, претендующими на геополитическое лидерство, что прежде всего касается российско-китайских отношений, поскольку оба государства заинтересованы в обеспечении региональной безопасности и повышении степени стабильности на региональном уровне. Однако последнее может быть достигнуто только при реальном уважении интересов партнера, прежде всего при реализации евро-азиатских интеграционных проектов, а также при создании устойчивых региональных альянсов, которые могут быть сформированы на ситуативной основе.

На современном этапе евро-азиатские государства реально осознают необходимость запуска интеграционных процессов на качественно иной основе, где как главный принцип выступает национальный суверенитет, часто понимаемый исключительно как форма взаимодействия в интересующих каждую конкретную страну рамках. Вместе с тем, несмотря на то что ШОС изначально создавалась в качестве организации, нацеленной на обеспечение региональной безопасности, реальная геополитическая ситуация сегодняшнего дня вынуждает эту организацию сосредотачивать значительные усилия на экономических проблемах, а также активно включаться в борьбу с реакционными идеологическими течениями. Оценивая экономическое взаимодействие государств — участников ШОС, можно констатировать, что сегодня сложились достаточно благоприятные условия для развития их хозяйственных связей, постоянно улучшается внутренний инвестиционный климат, и это позволяет разрабатывать достаточно эффективные проекты даже при участии стран-нечленов. ШОС позиционирует себя в качестве открытой организации, привлекающей к сотрудничеству все заинтересованные государства, которые иногда не связаны организационной дисциплиной, что чаще всего объясняется разными уровнями развития их экономик [Ёсида, с. 57]. Так называемая интеграция интеграций в Евразии представляет собой наиболее адекватный ответ, который Россия дает на развитие сложившихся здесь хозяйственных тенденций, поскольку такой подход является ничем иным, как движением в перспективное будущее,

подтверждением чего служит тот факт, что более сорока стран мира пытаются установить исключительно плодотворные контакты с Шанхайской организацией сотрудничества.

ШОС как геополитическое ядро Евразии

При видимом повышении международного авторитета ШОС заметно усиливается внимание к данной организации со стороны коллективного Запада, что вызвано значительными опасениями в отношении успешности реализации западной политики в Центральной и Южной Азии, а также американскими попытками сохранить свое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сегодня можно реально охарактеризовать ШОС в качестве международной организации общей компетенции с заметным уклоном в вопросы обеспечения безопасности и поддержания мира в Евро-Азиатском регионе, явно ориентирующуюся на объединение государств континента Евразия с тем, чтобы продвигать их национальные интересы на мировой арене. В начале третьего десятилетия XXI в. ШОС представляет собой ключевую структуру международной политики на евро-азиатском пространстве, поскольку природные ресурсы стран — членов данной организации во много раз превышают аналогичные показатели существующих объединений в мире. Геополитическая роль ШОС за счет богатства природными ресурсами увеличивается прежде всего исходя из того факта, что региональные и локальные проблемы начинают приобретать международный характер, когда стремительно набирает силу тенденция к формированию тесных интеграционных связей в рамках одного или нескольких территориальных образований [Чжао, с. 2]. Следует также отметить, что ШОС становится все более авторитетной организацией практически во всех сферах жизнедеятельности граждан евро-азиатских стран, включая противодействие нетрадиционным угрозам, с которыми сегодня в той или иной степени сталкиваются государства-члены.

ШОС активно противодействует нетрадиционным угрозам, включая дискриминационные меры, препятствующие развитию цифровой экономики и коммуникационных технологий. В настоящее время происходят глубокие и сложные изменения в международной и региональной ситуации в сфере безопасности, последовательно переплетаются традиционные и нетрадиционные угрозы в данной сфере, постепенно набирают зрелость механизмы исполнения законов в борьбе с международным терроризмом. Пространство ШОС отлича-

ется высоким уровнем координации её членов в противостоянии угрозам извне, что явно не оставляет возможности проникновения в названную зону ответственности крупным террористическим группировкам. Совместные антитеррористические военные учения в рамках ШОС со всей очевидностью сдерживают третьи силы от негативного влияния и обеспечивают высокий уровень борьбы с наиболее экстремистскими проявлениями враждебных групп [Heising, p. 83]. На этом фоне и Россия, и Китай подчеркивают необходимость укреплять двусторонние отношения, но вместе с тем российская сторона все-таки стремится построить такие отношения в Евразии, которые бы дали возможность не допустить проникновение в регион сил, нарушающих национальные интересы двух стран.

Государства Евразии рассматривают расширение влияния Китая на евро-азиатском пространстве как объективную неизбежность с учетом китайского потенциала в качестве крупного инвестора, который укрепляет их геополитические позиции в диалоге с Россией в рамках ШОС и на всем евро-азиатском пространстве в целом. Вместе с тем проблема цивилизационной идентичности России действительно вызывает серьезные противоречия на территории Евразии в связи с нежеланием коллективного Запада признать за Москвой статус великой державы, а это означает, что для подтверждения культурного и политического своеобразия российской государственности ее так называемая принадлежность к «славянскому миру» практически ничего не дает, так как Российскую Федерацию населяет множество этносов и это создает емкую интегрирующую формулу некоего реально функционирующего единства. Чтобы сформулировать содержание единства российской нации, необходимо переработать стратегию государственной национальной политики нашей страны, особенно желательно осознать, почему до сих пор народ, составляющий более 80 процентов населения России, не получил естественного статуса государствообразующего, а ведь это связано с русской культурой и историческим самосознанием, что по факту делает Российскую Федерацию открытым сообществом, принимающим в себя людей с самой разной кровью, но считающих русскую культуру своей. Государственная национальная политика России имеет собственную концепцию развития, ориентированную на согласование интересов всех народов нашей страны, и основывается на принципах построения суверенного федеративного государства, а также направлена на активизацию всестороннего международного сотрудничества с государствами ШОС и континента Евразия. Вряд ли стоит подвергать сомнению институ-

циональные достижения в развитии Шанхайской организации сотрудничества, которая, однако, еще не состоялась в качестве геополитической структуры, хотя Китай постоянно пытается перенести акцент на экономическое измерение деятельности ШОС вплоть до форсированного формирования зоны свободной торговли и глубокой хозяйственной интеграции всех заинтересованных стран — участник интеграционного процесса [Peterson, p. 137].

ШОС как геополитическое ядро Евразии начала формироваться после вступления в её члены Индии и Пакистана, когда была утверждена антинаркотическая стратегия, концепция сотрудничества в области охраны окружающей среды и документ, определяющий направления работы с молодежью. Постепенно становится видимым повышение значимости и авторитета ШОС, наглядно происходит усиление внимания к этой организации со стороны международной общественности, особенно после того как Россия и Китай сделали акцент на экономической деятельности Шанхайской организации сотрудничества, что выразилось в конкретных шагах по реализации сопряжения ЕАЭС и концепции «Один пояс, один путь». Российско-китайское геополитическое сотрудничество позволяет укреплять внутреннюю антизападную устойчивость ШОС, обеспечивающую экономическую стабильность Центральной Азии, расширяющую инструменты формирования евро-азиатской международной площадки [Jakubowicz, s.10]. Следует подчеркнуть, что Россия и Китай постоянно подтверждают свою неизменную поддержку процессов укрепления равной и неделимой безопасности в Евразии на основе принципов верховенства международного права, невмешательства во внутренние дела и мирного урегулирования споров. Вместе с тем Россия и Китай имеют свои собственные стратегические интересы, напрямую связанные с национальной безопасностью каждого из этих государств. Например, для российской стороны — это защита ее южных рубежей, а для китайской — поддержание стабильности в беспокойном Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

ШОС как опора нового регионального порядка в Евразии

Новый региональный порядок в Евразии выстраивается на основе геополитической конкуренции двух осей: российско-китайской и индоевропейской, которые до последнего времени уравнивали друг друга, но в современных условиях после присоединения

Индии и Пакистана к ШОС явно обрекают Европу на вторичную роль с точки зрения влияния на евро-азиатском континенте. Для евро-азиатского пространства всегда была характерна диалектика соперничества и сотрудничества государств данного региона, когда происходит геополитический сдвиг в результате объективного укрепления связей между Россией, Китаем, Индией и Ираном. Судя по всему, отношения внутри евро-азиатского континента в обозримой перспективе будут только укрепляться по линии взаимодействия между указанными странами, особенно в торгово-экономической сфере, включая, кроме того, различные системы региональной безопасности, а также транспортные связи. Китай остается приоритетным направлением углубления стратегического партнерства, в основе которого лежит отсутствие фундаментальных противоречий между Москвой и Пекином, что наверняка позволит в перспективе нарастить то же экономическое взаимодействие [Moriga, с. 71]. Особенно важно подчеркнуть, что четырехстороннее сотрудничество формирует в Евразии устойчивость на основе различных измерений — политического, экономического, дипломатического и военного, а это демонстрирует реальное единение евро-азиатских государств, критически относящихся к политике Вашингтона и желающих последовательно укреплять свои позиции на международной арене.

Геополитическая ситуация в Евразии сегодня характеризуется ужесточением условий роста и развития, обостряющимся дефицитом ресурсов и связанным с этим соперничеством между центрами мировых цивилизаций, инспирированным западной цивилизацией после разрушения единого евро-азиатского пространства, которое занимал Советский Союз. Современные реалии таковы, что в одиночку обеспечить свою безопасность и отстоять свои национальные интересы евро-азиатские государства объективно не в состоянии, а потому объективно речь идет о заключении многосторонних союзов и блоков, а также соглашений, направленных против коллективного Запада, что позволит России расширить зону политического манёвра. Таким образом, ШОС представляет собой мощный фактор современного интеграционного порядка на континенте Евразия, что в реально складывающихся условиях становится все более актуальной темой в связи с необходимостью противостоять опасным кризисным явлениям в рамках евро-азиатского пространства [Schulze, s. 9]. Ответ Запада на единение Евразии выглядит как стремление отодвинуть пределы роста для себя за счет нового геополитического передела мира с целью предпринять более широкое вовлечение в производство природных

ресурсов развивающихся стран, увеличить объемы и ассортимент товарной массы и услуг в обратном направлении с тем, чтобы навязать населению новые потребности, от которых в перспективе трудно безболезненно отказаться. Работа коллективного Запада с населением евро-азиатских государств нацелена на создание условий, когда Россия будет вынуждена отказаться от собственного суверенитета и начнет превращаться в некий послушный инструмент, обеспечивающий процесс взаимодействия Европейского союза и Восточной Азии, а также формирование автономных механизмов совместного развития на континенте Евразия в XXI в.

На этом фоне Евразия, наполненная различного рода противоречиями как экономического, так и политического характера, реально нуждается в динамичных преобразованиях, которые должны быть ориентированы на крупные геополитические проекты, главным из которых может стать проект создания «Большой Евразии». Евро-азиатская архитектура сегодня выстраивается под воздействием новых векторов стратегического сотрудничества евро-азиатских государств, что обосновывается факторами неизбежного замедления темпов развития Евросоюза, который все более зависит от политики США. Современные международные отношения на континенте Евразия показывают, что военные и торговые методы давления со стороны Вашингтона на своих сателлитов являются наступательными мерами сдерживания конкурентов, включающими провокации, диверсии и дезинформацию. Глобальным фоном геополитической ситуации в Евразии сегодня становится стремление США не допустить российско-китайского сближения, являющегося резким концептуальным сдвигом для американской внешней политики, поскольку Вашингтон всегда уделял огромное внимание прочности своих позиций на евразийском континенте [Engstrom, p. 120]. С началом XXI в. стала отчетливо видна устойчивая тенденция сдвига «эпицентра» американской стратегической активности к глубинным материковым частям континента Евразия, что скорее всего вызвано конкуренцией за природные ресурсы, ибо даже такая мощная держава, как США, не совсем уверена в устойчивости мирного соперничества и постепенно смещает акцент на применение военной составляющей.

Главным направлением деятельности ШОС в Евразии является диалог по поводу обеспечения устойчивого регионального развития, которое невозможно без кардинального решения проблемы водоснабжения, представляющей собой основную угрозу экономической безопасности и причину возникновения межнациональных конфлик-

тов. Кроме того, эти и другие объективные разногласия между Россией, Китаем, Индией и Ираном реально дестабилизируют политическую обстановку на евро-азиатском пространстве, и в данной связи перед ШОС встает трудный выбор: превратиться в заурядную консультативную организацию либо трансформироваться во влиятельное региональное сообщество, которое преобразит в XXI в. геополитический ландшафт на континенте Евразия. Через ШОС Россия вполне может активно и жестко защищать свои национальные интересы на евро-азиатском пространстве, включая использование сохраняющих свое значение военно-силовых факторов, а также определение ясной стратегии своего поведения на международной арене. Вместе с тем целесообразно активизировать усилия по строительству так называемого имперского единства, для чего необходимо категорически не допустить вступления Украины, Грузии и Молдавии в структуры НАТО, выработать четкую интегрированную политику по отношению к попыткам отдельных стран ОДКБ заигрывать с коллективным Западом и отступать от согласованных с Россией геополитических позиций. Сегодняшняя российская геополитика в формате ШОС не должна быть вялой и двусмысленной, ибо в современной Евразии реально прислушиваются только к последовательно сильным государствам, не оставляющим никаких шансов для «многовекторного шантажа» [Shimamura, p. 51].

Библиографический список

Ёсида, Дзинкан. Тай Росиа кэйдзай сэйсай соти эйкё [Влияние экономических санкций на Россию] // Каннихонкай кэйдзай кэнкюсё. Ниигата, 2018. С. 51—70. (на япон.).

Мория, Масаюки. Хогосэйсаку [Политика протекционизма] // Сякай Гаккай. Vol. 11. Токио, 2019. С. 65—75. (на япон.).

Симамура, Томоко. Шанхай кёрёку кико сосэцу но кэйи то мокутэки [Процесс создания ШОС и его цели] // ERINA REPORT No.37. Ниигата, 2016. С. 4—58. (на япон.).

Чжао Хуашэн. Оуя итайхуа: шисин синь сяньши [Евроазиатская интеграция: приспособление к новым реальностям] // Циньхуа дасюе чжунсинь. Пекин, 2020. 5 с. (на кит.).

Engstrom, Jeffrey. Systems Confrontation and System Destruction Warfare. RAND corporation. Santa Monica. USA, 2018. 128 p.

Godehardt, Nadine. China und Rußland: Gegensätze in Zenntralasien [Китай и Россия: конфронтация в ЦА] // Focus. Nummer 11. Institut für Asien Studien. Hamburg, 2018. 8 s. (In German).

Heising, Jan. Geheimgesellschaften und ihre macht im 20 jahrhundert order [Тайные общества и их власть в XX веке]. Trilaterale Kommission. Bilderberger, CFR, UNO. Burggen, 2021. 164 s. (In German).

Jakubowicz, Sibylle. Ist die chinesische Volkswirtschaft offen? [Открыта ли китайская экономика?] Working Paper. Tübinger Diskussionsbeiträge, No.73. 2020. 18 s. (In German).

Peterson, Nicole. Russian Strategy Intentions. Department of Defense. U.S. Government. Washington DC, 2019. 151 p.

Schulze, Vincent-Gregor. Arktisstrategien Überblick [Обзор арктических стратегий]. Aftrag des Deutschen Arktisbüros. Dänemark, 2017. 16 s. (In German).

Simons, Greg. New Cold War and the Crisis of the Liberal Global Order. University of Canterbury. New Zealand, 2019. P. 77—93.

References

Engstrom, Jeffrey (2018). Systems Confrontation and System Destruction Warfare. RAND corporation. Santa Monica. USA, 128 p.

Godehardt, Nadine (2018). China und Rußland: Gegensätze in Zenntralasien. Focus. Nummer 11. Institut für Asien Studien. Hamburg, 8 s. (In German).

Heising, Jan (2021). Geheimgesellschaften und ihre macht im 20 jahrhundert order. Trilaterale Kommission. Bilderberger, CFR, UNO. Burggen, 164 s. (In German).

Jakubowicz, Sibylle (2020). Ist die chinesische Volkswirtschaft offen? Working Paper. Tübinger Diskussionsbeiträge, No.73, 18 s. (In German)

Moriya, Masayuki (2019). Hogoseisaku [Protectionism Policy]. Syakai Gakkai. Vol.11. Tokyo, Pp.65—75. (In Japanese).

Peterson, Nicole (2019). Russian Strategy Intentions. Department of Defense. U.S. Government. Washington DC, 151 p.

Schulze, Vincent-Gregor (2017). Arktisstrategien Überblick. Aftrag des Deutschen Arktisbüros. Dänemark, 16 s. (In German).

Shimamura, Tomoko (2016). Shanghai kyoryoku kiko sosetsu no keiyi to kadai [The Process of SCO Creating and its aims]. ERINA REPORT No. 37. Niigata, Pp. 4—58. (In Japanese).

Simons, Greg (2019). New Cold War and the Crisis of the Liberal Global Order. University of Canterbury. New Zealand, Pp.77—93.

Yoshida, Jinkan (2018). Tai Roshia keizai seisai sochi eikyo [The Influence of Economic Sanctions toward Russia]. Kannihonkai keizai kenkyusyo. Niigata. P. 51—70. (In Japanese).

Zhao Huasheng (2020). Ouya yitaihua: shixing xin xianshi [Eurasian Integration: Adapting to New Realities]. Qinhuia daxue zhongxin. Beijing, 5 p. (In Chinese).

В.И. Батюк

США И РИК. ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ БАЙДЕНА В ОТНОШЕНИИ РОССИИ, КИТАЯ И ИНДИИ

Аннотация. Нынешняя американская администрация рассматривает Россию и Китай в качестве основных противников на международной арене. Вот почему политика администрации Байдена направлена на изоляцию и разобщение тех государств, которые рассматриваются в Вашингтоне как враждебные. До сих пор, однако, действия американского руководства способствовали, напротив, сближению РФ и КНР на антиамериканской основе. Кроме того, Соединенные Штаты оказались не в состоянии предоставить Индии статус полноценного союзника США, вследствие чего индийская сторона сохраняет достаточно тесные связи и с Россией, и с Китаем. Несмотря на существующие между странами группы РИК разногласия и проблемы, имеются и очень важные факторы, объединяющие Россию, Индию и Китай. Эти великие державы не согласны встраиваться в американоцентричный мир на правах младших партнеров — а ничего иного объединенный Запад предложить не готов.

Несогласие с однополярной структурой миропорядка в любой обозримой перспективе будет обеспечивать общность подходов Пекина, Москвы и Нью-Дели к важнейшим проблемам мировой политики. Как представляется, в настоящее время у официального Вашингтона отсутствуют реальные возможности для того, чтобы вбить клин в отношения между Россией, Индией и Китаем. И важнейшая причина — изменения в соотношении экономических сил в мире. Сейчас Китай, а не Америка, является крупнейшей в мире экономикой — и с этим обстоятельством приходится считаться и тем странам, которые формально остаются американскими союзниками. И теперь

уже Китай может завлекать и реальных, и потенциальных союзников Соединенных Штатов перспективами экономического сотрудничества.

Ключевые слова: военное противостояние, противники на международной арене, демократические ценности, сдерживание, выборочное сотрудничество.

Автор: Батюк Владимир Игоревич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРАН). E-mail: ctas@inbox.ru

V.I. Batyuk

USA and RIC. Biden administration's policy towards Russia, China and India

Abstract. The current US administration sees Russia and China as the main opponents in the international arena. That is why the Biden administration's policy is aimed at isolating and separating those states that are considered hostile in Washington. So far, however, the actions of the American leadership have, on the contrary, contributed to the rapprochement of the Russian Federation and China on an anti-American basis. In addition, the United States was unable to grant India the status of a full-fledged ally of the United States, as a result of which the Indian side retains fairly close ties with both Russia and China.

Disagreement with the unipolar structure of the world order in any foreseeable future will ensure the common approaches of Beijing, Moscow and New Delhi to the most important problems of world politics. It seems that at present, official Washington has no real opportunities to drive a wedge into relations between Russia, India and China. And the most important reason is the changes in the balance of economic forces in the world. Now China, not America, is the world's largest economy — and this circumstance has to be taken into account by those countries that formally remain American allies. And now China can attract both real and potential partners.

Keywords: military confrontation, international adversaries, democratic values, deterrence, selective cooperation.

Author: Vladimir I. BATYUK, Doctor of Science in History, Senior Research Fellow, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN) (E-mail: ctas@inbox.ru).

Идея о формировании «треугольника» Россия—Индия—Китай (РИК) была выдвинута в декабре 1998 г. во время визита в Индию Е.М. Примакова, который в то время был министром иностранных дел РФ. И хотя эта идея была тогда воспринята достаточно скептически и в Пекине, и в Нью-Дели, в дальнейшем она была фактически

реализована, но уже в формате БРИКС, а также в формате Шанхайской организации сотрудничества, куда Индия вступила в 2017 г.

В рамках диалога РИК три великие державы обсуждают такие важнейшие для них вопросы, как терроризм, наркотрафик из Афганистана, обеспечение безопасности региона, торгово-экономические отношения с Центральной Азией, обеспечение энергоресурсами, влияние трех стран на мировую политику. В то же время этот индийско-китайско-российский «треугольник» не является равнобедренным: если российско-китайские отношения можно охарактеризовать как «стратегическое партнерство», то в индийско-китайских отношениях существуют серьезные разногласия, включая и территориальные проблемы [Го Чанчао, с. 202—209].

И хотя этот трехсторонний диалог идет непросто, сам факт его наличия означает серьезную трансформацию баланса сил в мире — не в пользу объединенного Запада. Неудивительно, что в последние годы США и их союзники предприняли серьезные усилия, направленные на то, чтобы вбить клин и в российско-китайские, и в китайско-индийские отношения.

Политика администрации Байдена в отношении КНР

Новая американская администрация, пришедшая к власти в январе 2021 г., сохраняет критический настрой по отношению к итогам деятельности своей предшественницы. В то же время, несмотря на это негативное отношение к политике 45-го президента Соединенных Штатов, администрация Байдена унаследовала от внешнеполитической стратегии Трампа вывод о том, что главными противниками Америки на международной арене будут не какие-то негосударственные акторы, вроде ИГИЛ (организация запрещена в России), а такие враждебные великие державы, как Китай и Россия. При этом новая демократическая администрация делает ставку на противостоянии этим «авторитарным» противникам Америки с помощью союзников, разделяющих ее демократические ценности.

В своем выступлении перед сотрудниками Государственного департамента США президент Байден назвал Китай «наиболее серьезным соперником», который бросает вызов процветанию, безопасности и демократическим ценностям Америки [Remarks by President Biden on America's Place in the World, 2021]. В Азиатско-Тихоокеанском регионе новая демократическая администрация, по словам Бай-

дена, продолжит военное противостояние с Китаем в Южно-Китайском море и будет развивать отношения с военно-политическими союзниками США в АТР, включая Японию, Южную Корею, Австралию и Индию, то есть страны, которые с точки зрения Вашингтона являются зрелыми демократиями.

В документе, озаглавленном «Временное стратегическое руководство по национальной безопасности», который был утвержден президентом Байденом в начале марта 2021 г., говорилось, что «наши демократические союзы позволяют нам выступать единым фронтом, вырабатывать единое видение и объединять наши силы для продвижения высоких стандартов, установления эффективных международных правил и привлечения к ответственности таких стран, как Китай. Вот почему мы будем подтверждать, инвестировать и модернизировать Организацию Североатлантического договора (НАТО) и наши союзы с Австралией, Японией и Республикой Корея, которые, наряду с другими нашими глобальными альянсами и партнерствами, являются величайшим стратегическим активом Америки» [Interim National Security..., p. 10].

Еще в 2007 г., выступая в индийском парламенте, тогдашний премьер-министр Японии Синдзо Абе выдвинул предложение о формировании «пространства двух океанов» (Тихого и Индийского). Довольно скоро и американские лидеры оценили весь потенциал этой инициативы о формировании Индо-Тихоокеанского региона (ИТР).

Но идею «Индо-Тихоокеанского партнерства» невозможно реализовать без союзников. В ноябре 2017 г. на полях Восточноазиатского саммита (ВАС) в Маниле прошла рабочая встреча дипломатов США, Японии, Индии и Австралии. В дальнейшем такие встречи проходили достаточно регулярно. В итоге был сформирован Четырёхсторонний диалог по вопросам безопасности (*Quad, Quadrilateral Security Dialogue*) в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В соответствии с официальными заявлениями членов «четверки», ее цель — развивать тесное партнёрство в сфере безопасности на основе общих ценностей и интересов, среди которых: верховенство закона, свобода навигации, уважение территориальной целостности и суверенитета, мирное урегулирование споров, свободные рынки, свобода торговли. И всему этому с точки зрения Вашингтона, Токио, Канберры и Нью-Дели бросает вызов экспансионистская политика Пекина [Торопчин Г., 2020].

Как заявил советник президента Байдена по вопросам национальной безопасности Дж. Салливан, новая администрация будет и

дальше развивать формат «четверки» и опираться на него в своей политике в Индо-Тихоокеанском регионе. По его словам, администрация Байдена намерена в этом отношении сохранять «преемственность и пытаться укрепить и продолжить шаги, которые были предприняты предыдущей администрацией» [ТАСС, 30 янв. 2021].

Нужно сказать, что слова у новой администрации не разошлись, в данном случае, с делами: уже 12 марта 2021 г. был проведен саммит «четверки» в онлайн-формате. Было еще раз подтверждено намерение строить «свободный, открытый, инклюзивный, здоровый Индо-Тихоокеанский регион, который опирается на демократические ценности и свободен от принуждения» [Quad Summit 2021].

Судя по всему, администрация Байдена видит важнейшую цель своей внешней политики прежде всего в продвижении американских демократических «ценностей» — и в качестве средства укрепления отношений с союзниками, и в качестве средства идеологического нажима на КНР. Так, в ходе встречи госсекретаря Э. Блинкена и советника президента по вопросам национальной безопасности Дж. Салливана с членом политбюро ЦК Компартии Китая, курирующим вопросы внешней политики, Ян Цзечи и министром иностранных дел КНР Ван И 18—19 марта 2021 г. прозвучала жесткая американская критика в отношении китайской политики в Синьцзяне, Гонконге, на Тайване, обвинения в кибератаках на США, а также заявления об «экономическом принуждении» со стороны Китая в отношении американских союзников.

В то же время провозглашенное байденовской администрацией «стратегическое соревнование» с Китаем не означает полный разрыв связей с этой страной. Как подчеркивается во Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности, «мы также признаем, что стратегическая конкуренция не препятствует и не должна препятствовать сотрудничеству с Китаем, когда это отвечает нашим национальным интересам... Мы будем приветствовать сотрудничество китайского правительства по таким вопросам, как изменение климата, глобальная безопасность здравоохранения, контроль над вооружениями и нераспространение, где переплетаются наши национальные судьбы» [Interim National Security..., 2021].

В какой мере, однако, реалистичны эти американские планы сдерживания КНР? Нам представляется, что в Вашингтоне не в полной мере учитывают те перемены, которые произошли в мире за последние десятилетия.

В настоящее время баланс экономических сил в мире резко изменился — и не в пользу США. Теперь уже Китай, а не Америка, является крупнейшей в мире экономикой — и с этим обстоятельством приходится считаться и тем странам, которые формально остаются американскими союзниками.

Так, 15 ноября 2020 г. в Ханое было подписано соглашение о Всестороннем региональном экономическом партнерстве (Regional Comprehensive Economic Partnership), целью которого является создание крупнейшей в мире зоны свободной торговли с примерно 2,2 млрд потребителей и объемом ВВП в 28 трлн долл., что составляет более 32 % от общего мирового объема ВВП. Это соглашение подписали те страны, которые являются военно-политическими союзниками США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, включая Японию, Южную Корею, Австралию, Новую Зеландию, Сингапур, Филиппины и Таиланд [Joint Leaders' Statement, 2020].

Хотя Индия не подписала это соглашение, Китай остается крупнейшим внешнеэкономическим партнером Нью-Дели, и там не собираются (несмотря на военно-политические проблемы между двумя азиатскими гигантами, о чем подробнее будет сказано ниже) отказываться от преимуществ экономического сотрудничества с Китаем.

Полтора месяца спустя американская глобальная система союзов получила новую «пробоину» ниже ватерлинии. 30 декабря 2020 г. было заключено инвестиционное соглашение между ЕС и КНР. Очевидно, что это соглашение — большой шаг на пути формирования зоны свободной торговли между Евросоюзом и Китаем. Хотелось бы отметить в этой связи, что переговоры между США и ЕС о формировании трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства были сорваны, а из Транстихоокеанского торгового партнерства Соединенные Штаты вышли при администрации Трампа.

Возникает вопрос: будут ли в этих условиях американские «союзники» в Европе и в Азии добросовестно выполнять свой союзнический долг перед Соединенными Штатами, особенно в условиях, когда американская политика сдерживания может нанести ущерб взаимовыгодным экономическим связям с КНР? Так, по некоторым данным, уже сейчас многие американские союзники в АТР без всякого энтузиазма воспринимают американские идеи о размещении американских ракет средней дальности на их территории.

Иными словами, в нынешних условиях для Соединенных Штатов будет крайне трудно сдерживать один лишь Китай, не говоря уже о «двойном сдерживании» КНР и РФ.

Политика администрации Байдена в отношении РФ

Новая американская администрация рассматривает Россию в качестве своего противника на международной арене, причем речь идет именно об идеологическом противоборстве. Так, в своем выступлении в Госдепартаменте США Дж. Байден заявил: «Американское руководство должно встретить этот новый момент развития авторитаризма, включая растущие амбиции Китая в соревновании с Соединенными Штатами и решимость России нанести ущерб и разрушить нашу демократию» [Remarks by President Biden on America's Place in the World, 2021].

В отличие от своей предшественницы, нынешняя американская администрация особый упор делает на взаимодействии со своими союзниками по НАТО в деле противостояния России. Выступая на Мюнхенской конференции по безопасности 19 февраля 2021 г., президент Байден сказал: «Путин стремится ослабить <...> европейский проект и наш альянс НАТО. Он хочет подорвать трансатлантическое единство и нашу решимость, потому что Кремлю гораздо легче запугивать и угрожать отдельным государствам, чем вести переговоры с сильным и тесно сплоченным трансатлантическим сообществом».

Следует отметить, что администрация Байдена не собирается при этом разрывать все связи с Россией. Как подчеркнул американский президент в Мюнхене, «мы не можем и не должны возвращаться к рефлексивной оппозиции и жестким блокам холодной войны. Конкуренция не должна препятствовать сотрудничеству по вопросам, затрагивающим всех нас. Например, мы должны сотрудничать, если хотим победить COVID-19» [Remarks by President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference].

И первые шаги нынешней американской администрации в целом соответствуют этой «двухколейной» стратегии в отношении России: сдерживание в сочетании с выборочным сотрудничеством в тех областях, где США могут получить выгоду от взаимодействия с Москвой. И действительно, с одной стороны, одним из первых шагов президента Байдена на международной арене стало решение о продлении на пять лет действия Договора СНВ-3; кроме того, американский президент выразил готовность провести встречу с В.В. Путиным. А с другой стороны, 2 марта и 15 апреля 2021 г. было объявлено о введении новых санкций в отношении России.

Вряд ли эти санкции смогут повлиять на российскую политику, и трудно отделаться от впечатления, что в Вашингтоне стремились «по-

слать сигнал» Москве, избежав в то же время нанесения действительно серьезного ущерба России — идет ли речь о достройке «Северного потока-2» или о внешнем долге РФ.

Этот осторожный подход администрации Байдена к вопросу о санкциях против России уже вызвал критику в Соединенных Штатах. Так, 40 сенаторов-республиканцев подписали письмо с осуждением отказа Белого дома от введения более жестких антироссийских санкций [Senators: Biden Admin Must Impose Sanctions, 2021].

Как представляется, одна из причин столь осторожного подхода администрации Байдена к «русскому вопросу» объясняется тем, что в американских правящих кругах отдают себе отчет в том, что жесткий прессинг в отношении России приведет к дальнейшему российско-китайскому сближению — причем на антиамериканской основе. Следует отметить в этой связи, что в настоящее время американский истэблишмент, по всей видимости, отказался от своего снисходительно-равнодушного отношения к возможным последствиям этого сближения.

Свидетельством этого сдвига в восприятии российско-китайского партнерства стал опубликованный в январе 2021 г. доклад адъюнкта Джорджтаунского университета А. Кендэлл-Тэйлор и старшего советника Республиканского института Д. Шульмана «Управляя углубляющимся российско-китайским партнерством». В нём констатируется серьезное укрепление российско-китайского партнерства в различных областях — от военного сотрудничества до новейших технологий, что, как полагают авторы доклада, может в перспективе нанести серьезный ущерб международным позициям Соединенных Штатов [Kendall-Taylor A, Shullman D., p. 1—2].

Косвенным свидетельством тому, что в Вашингтоне внимательно ознакомились с этим докладом, стало назначение Андреа Кендэлл-Тэйлор на пост руководителя российского направления в Совете безопасности США.

Политика администрации Байдена в отношении Индии

Развитие американо-индийских отношений в последние годы стало одним из очень немногих успехов американской внешней политики в постбиполярном мире. После окончания холодной войны Соединенные Штаты «открыли» для себя Индию — крупнейшую в

мире либеральную демократию и, кроме того, динамично развивающуюся страну, чье влияние в мире непрерывно растет. «Вежливое пренебрежение», характерное для американского подхода к Индии, сменилось живым и неподдельным интересом.

За последние годы существенно вырос объем поставок американских вооружений и военной техники в Индию; на новый уровень вышло взаимодействие между вооруженными силами двух стран, включая совместные военные манёвры, участие индийских ВМС в борьбе с пиратством в Аденском заливе и сотрудничество в борьбе с международным терроризмом. Большую роль в укреплении американо-индийского сотрудничества сыграло и принятое уже при президенте Б. Обаме решение снять американские санкции против индийской оборонной и космической промышленности. В Индии, разумеется, не могли не обратить внимания на заявление Обамы в ходе его визита в Индию в ноябре 2010 г. об американской поддержке повышению международного статуса этой страны и, в частности, предоставления Дели места постоянного члена Совета Безопасности ООН.

В последние годы американо-индийские военно-политические связи стали еще более интенсивными. В декабре 2019 г. Соединенные Штаты провели в Вашингтоне второй министерский диалог в формате «2+2» с участием госсекретаря и министра обороны США и их индийских коллег, в ходе которого обе стороны подтвердили статус Индии как крупного оборонного партнера США и углубили сотрудничество в области безопасности на море, оперативной совместимости и обмена информацией. Хотя формат «2+2» служит главным механизмом диалога между Соединенными Штатами и Индией, существует более тридцати двусторонних диалогов и рабочих групп, охватывающих все аспекты человеческой деятельности — от сотрудничества в области космоса и здравоохранения до торговли энергией и высокими технологиями.

На рекордном уровне находятся поставки американских вооружений и военной техники в Индию. Индийская сторона приобретает такие американские системы, как патрульные противолодочные самолеты «Посейдон Р-8», военно-транспортные самолеты С-130Js и С-17, ударные вертолеты АН-64 и военно-транспортные вертолеты СН-47. В феврале 2021 г. Индия согласилась приобрести вертолеты Apache АН-64 и вертолеты морской авиации МН-60R стоимостью 3,1 млрд долл. Индийское руководство рассматривает возможность приобретения других американских систем вооружения [Statement of Admiral Philip S. Davidson, p. 13—14].

В то же время с точки зрения администрации Байдена Индия является, так сказать, союзником второго сорта. Вот что говорится во Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности: «Помимо наших основных альянсов, мы также удвоим усилия по созданию партнерских отношений во всем мире, потому что наша сила умножается, когда мы объединяем усилия для решения общих проблем, распределения расходов и расширения круга сотрудничества <...> Мы будем углублять наше партнерство с Индией и работать вместе с Новой Зеландией, а также Сингапуром, Вьетнамом и другими государствами — членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) для достижения общих целей» [Interim National Security..., p. 10].

Иными словами, Индия для США — это не полноценный союзник, а партнер уровня Вьетнама. В этой связи следует отметить, что в Соединенных Штатах существуют серьезные сомнения в полноценности индийской демократии [Mounk Y., 2021]. В условиях, когда, как уже было сказано, байденовская администрация уделяет особое внимание «демократическим ценностям», Индии не приходится рассчитывать на повышение своего статуса до уровня «основных» союзников Соединенных Штатов.

Неудивительно, что Индия не видит достойного ее места в американоцентричном мире. В Нью-Дели прекрасно понимают, что главная причина дружеских жестов США — попытка Вашингтона обеспечить геополитическую изоляцию КНР, создав вокруг материкового Китая буферную зону из союзных и партнерских государств, в которой Индия играла бы не последнюю роль. Индия этого совершенно не желает, поскольку отношения с КНР в сфере экономики слишком важны для нее, чтобы вступать в прямую конфронтацию с Пекином. Так, по итогам 2020 г. Китай, опередив США, стал главным торговым партнером Индии.

Между двумя азиатскими гигантами существуют, однако, очень серьезные проблемы, в том числе и территориальные. Кроме того, российско-китайское сближение вызывает озабоченность у Нью-Дели [Го Чанчао, с. 207]. Индия хотела бы укрепить свои позиции *vis-à-vis* КНР, в том числе и за счет укрепления отношений с третьими странами (вот почему она активно участвует в деятельности «четверки»), но при этом Индия не хочет стать американским инструментом сдерживания Китая.

Очевидно, что для Индии также важны связи с Россией — и в экономической сфере, и в сфере высоких технологий. Достаточно ска-

зять, что Индия — единственная страна, с которой у России действует долгосрочная программа сотрудничества в области вооружений. Только Индии Россия оказала содействие в разработке проекта атомной подводной лодки, передала атомную подводную лодку в аренду и поставила самолет АВАКС российско-израильского производства. Для Индии был модернизирован тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал Горшков», получивший индийское название «Викрамадитья». Совместными усилиями создана высокоэффективная крылатая ракета «Брамос» и разрабатывается боевой истребитель пятого поколения. Предоставление высокоточного сигнала в целях обороны и безопасности российской глобальной навигационной спутниковой системой ГЛОНАСС предусмотрено только для Индии. Вооруженные силы Индии на 70 % оснащены боевой техникой российского производства или произведенной в Индии по российским лицензиям [Ивашенцов Г., 2020]. Вряд ли Нью-Дели согласится отказаться от этих связей с Москвой только потому, что в Вашингтоне они кому-то не нравятся.

Что касается российско-китайского сближения, то в ходе своего визита в Нью-Дели в апреле 2021 г. министр иностранных дел РФ С.В. Лавров особо подчеркнул, что РФ и КНР не преследуют цель создания *военного* союза. В свою очередь министр иностранных дел Индии С. Джайшанкар подчеркнул, что создание некоего «азиатского НАТО» будет контрпродуктивным [Выступление и ответы..., 2021].

Заключение

Несмотря на существующие между странами группы РИК разногласия и проблемы, имеются и очень важные факторы, объединяющие Россию, Индию и Китай. Эти великие державы не согласны встраиваться в американоцентричный мир на правах младших партнеров — а ничего иного объединенный Запад предложить не готов.

Несогласие с однополярной структурой миропорядка в любой обозримой перспективе будет обеспечивать общность подходов Пекина, Москвы и Нью-Дели к важнейшим проблемам мировой политики. Важнейшим обстоятельством, сближающим Россию, Индию и Китай, являются и перемены в системе мирохозяйственных связей. КНР — это важнейший торгово-экономический партнер и для Российской Федерации, и для Республики Индия, и экономический интерес будет способствовать взаимному сближению стран группы РИК.

Как представляется, в настоящее время у официального Вашингтона отсутствуют реальные возможности для того, чтобы вбить клин в отношения между Россией, Индией и Китаем. И важнейшая причина — изменения в соотношении экономических сил в мире.

Но дело даже не только в экономическом потенциале стран группы РИК. Ни Россия, ни Индия, ни Китай не обуславливают взаимодействие со своими международными партнерами их приверженностью так называемым «демократическим» или каким-то иным «ценностям». Они не вмешиваются во внутренние дела других стран, не устраивают «цветных революций», не занимаются «сменой режимов». И это обстоятельство, безусловно, повышает конкурентоспособность этих стран на международной арене.

Библиографический список

В Белом доме назвали формат «четверки» основой политики США в Индо-Тихоокеанском регионе // ТАСС. 30 янв. 2021 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunaodnaua-panoama/10583855> (дата обращения: 02.04.2021).

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Республики Индия С.Джайшанкармом по итогам переговоров, Нью-Дели, 6 апреля 2021 г. URL: https://www.mid.ru/ru/vizity-ministra/-/asset_publisher/1CoYBGcCUgTR/content/id/4665966/pop_up?_101_INSTANCE_1CoYBGcCUgTR_viewMode=print&_101_INSTANCE_1CoYBGcCUgTR_qrIndex=1 (дата обращения: 05.04.2021).

Го Чанчао. РИК (Россия—Индия—Китай) в системе международных отношений: достижение и проблемы. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 2. С. 202—209. DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-202-209

Ивашенцов Г. Успехи и перспективы российско-индийских отношений. // Российский совет по международным делам. 19 января 2020 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/uspekhi-i-perspektivy-rossiysko-indiyskikh-otnosheniy/> (дата обращения: 31.03.2021).

Торопчин Г. Quo vadis, Quad? История и перспективы «четырёхугольника». // Российский совет по международным делам. 28 января 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/quo-vadis-quad-istoriya-i-perspektivy-chetyryekhugolnika> (дата обращения: 05.04.2021).

Interim National Security Strategic Guidance. March 2021. President Joseph R. Biden, Jr. 23 p.

Joint Leaders' Statement on the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP). URL: <https://rcepsec.org/wp-content/uploads/2020/11/RCEP-Summit-4-Joint-Leaders-Statement-Min-Dec-on-India-2.pdf> (дата обращения: 30.03.2021).

Kendall-Taylor A, Shullman D. Navigating the Deepening Russia-China Partnership. — The CNAS Transatlantic Security Program. January 2021. 36 p.

Mouk Y. Democracy on the Defense. Turning Back the Authoritarian Tide // Foreign Affairs. March/April 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-02-16/democracy-defense> (дата обращения: 12.04.2021).

Quad Summit 2021: Why is China Rattled? // Financial Express. Updated: Mar 14, 2021. URL: <https://www.financialexpress.com/defence/quad-summit-2021-why-is-china-rattled/2212544/> (дата обращения: 14.04.2021).

Remarks by President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference. February 19, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19/remarks-by-president-biden-at-the-2021-virtual-munich-security-conference/> (дата обращения: 14.04.2021).

Remarks by President Biden on America's Place in the World. February 04, 2021. U.S. Department of State Headquarters. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (дата обращения: 12.04.2021).

Senators: Biden Admin Must Impose Sanctions on Russia's Nord Stream II Pipeline. URL: <https://www.barrasso.senate.gov/public/index.cfm/2021/3/senators-biden-admin-must-impose-sanctions-on-russia-s-nord-stream-ii-pipeline> (дата обращения: 14.04.2021).

Statement of Admiral Philip S. Davidson, U.S. Navy Commander, U.S. Indo-Pacific Command Before the Senate Armed Services Committee on U.S. Indo-Pacific Command Posture. 09 March 2021. 41p.

References

V Belom dome nazvali format “chetverki” osnovoj politiki SShA v indotihookeanskom regione [The White House called the format of the “quartet” the basis of US policy in the Indo-Pacific region] // TASS Jan. 30, 2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10583855> (accessed: April 4, 2021). (In Russian).

Vystuplenije i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannyh del Rossijskoi Federatzii S.V. Lavrova v hode sovmestnoi press-konferentzii s Ministrom inostrannyh del Respubliki Indija S. Jaishankarom, New Delhi, 6 aprelja 2021 [Foreign Minister Sergey Lavrov's statement and answers to media questions at a joint news conference following talks with Minister of External Affairs of India Subrahmanyam Jaishankar, New Delhi, April 6, 2021]. URL: https://www.mid.ru/ru/vizity-ministra/-/asset_publisher/ICoYBGcCUgTR/content/id/4665966/pop_up?_101_INSTANCE_ICoYBGcCUgTR_viewMode=print&_101_INSTANCE_ICoYBGcCUgTR_qrIndex=1 (accessed: April 12, 2021). (In Russian).

Go Chanchao (2019) RIK (Rossija-Indja-Kitaj) v sisteme mezhdunarodnyh otnošenii: dostizhenija i problemy [RIC (Russia — India — China) in the system of international relations: achievements and problems] // Vestnik Moskovskogo gosudarst-

vennogo oblastnogo universiteta. Serija: istoricheskije nauki. 2019. № 2. S. 202—209. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-202-209.

Ivashentzov G. (2021) Uspehi i perspektivy rossijsko-indijskih otnoshenij [Successes and prospects of Russian-Indian relations]. // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. January 19, 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/uspekhi-i-perspektivy-rossiysko-indiyskikh-otnosheniy/> (accessed: March 31, 2021). (In Russian).

Toropchin G. (2020) Quo vadis, Quad? Istorija i perspektivy “chetyrechugolnika” [History and prospects of the “quadrilateral”] // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. January 28, 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/quo-vadis-quad-istoriya-i-perspektivy-chetyryekhugolnika> (accessed: April 05, 2021). (In Russian).

Interim National Security Strategic Guidance. March 2021. President Joseph R. Biden, Jr. 23 p.

Joint Leaders’ Statement on the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP). URL: <https://rcepsec.org/wp-content/uploads/2020/11/RCEP-Summit-4-Joint-Leaders-Statement-Min-Dec-on-India-2.pdf> (accessed: March 30, 2021).

Kendall-Taylor A, Shullman D. (2021) Navigating the Deepening Russia-China Partnership. The CNAS Transatlantic Security Program. January 2021. 36 p.

Mounk Y. Democracy on the Defense. Turning Back the Authoritarian Tide. // Foreign Affairs. March/April 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-02-16/democracy-defense> (accessed: April 12, 2021).

Quad Summit 2021: Why is China Rattled? // Financial Express. Updated: Mar 14, 2021. URL: <https://www.financialexpress.com/defence/quad-summit-2021-why-is-china-rattled/2212544/> (accessed: April 14, 2021).

Remarks by President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference. FEBRUARY 19, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19/remarks-by-president-biden-at-the-2021-virtual-munich-security-conference/> (accessed: April 14, 2021).

Remarks by President Biden on America’s Place in the World. February 04, 2021. U.S. Department of State Headquarters. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (accessed: April 12, 2021).

Senators: Biden Admin Must Impose Sanctions on Russia’s Nord Stream II Pipeline. URL: <https://www.barrasso.senate.gov/public/index.cfm/2021/3/senators-biden-admin-must-impose-sanctions-on-russia-s-nord-stream-ii-pipeline> (accessed: April 14, 2021).

Statement of Admiral Philip S. Davidson, U.S. Navy Commander, U.S. Indo-Pacific Command Before the Senate Armed Services Committee on U.S. Indo-Pacific Command Posture. 09 March 2021. 41 p.

Л.Е. Васильев

ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей борьбы с терроризмом на пространстве ШОС в современных условиях. В работе отмечаются основные угрозы и факторы, влияющие или способные повлиять на дестабилизацию обстановки в регионе.

Автор приходит к выводу о том, что в настоящее время основными угрозами безопасности на пространстве ШОС является нестабильная обстановка в Афганистане, деятельность международных террористических организаций, сепаратистские настроения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая и некоторых районах государств Центральной Азии, а также сложные отношения в треугольнике Китай—Индия—Пакистан.

В статье установлено, что основными причинами возникновения и деятельности террористических организаций в регионе стали: ослабление государственной власти и дискредитация ее институтов; социально-экономический кризис и резкое падение жизненного уровня основной массы населения; широкая пропаганда ислама и политические амбиции религиозных лидеров.

Рассматривая решение проблемы возникновения пограничных китайско-индийских конфликтов, автор отмечает, что руководство обоих государств прекрасно понимает всю серьезность ситуации и свою ответственность за принятие тех или иных решений. Вполне очевидно, что в данном случае экономическая составляющая превалирует над возможными военными успехами.

В целом в статье утверждается, что общее направление в отношении решения проблем безопасности на пространстве ШОС позиционируется с деятельностью самой Организации в этой сфере и основывается на том положении, что с глобальной террористической угрозой необходимо бороться сообща, на подлинно коллективной основе.

Ключевые слова: ШОС, региональная безопасность, терроризм, сепаратизм.

Автор: Васильев Леонид Евгеньевич, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: levdvina@mail.ru

L. Ye. Vasiliev

Certain features of the fight against terrorism in the SCO in modern conditions

Abstract. The article is devoted to analyzing the features of the fight against terrorism in the SCO in modern conditions. The article highlights the main threats and factors that influence or can influence the destabilization of the situation in the region.

The author comes to the conclusion that currently the main threats to security in the SCO are the unstable situation in Afghanistan, the activities of international terrorist organizations, separatist sentiments in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China and certain regions of the Central Asian states, as well as complex relations in the India-Pakistan-China triangle.

The article finds that the main reasons for the emergence and activity of terrorist organizations in the region were the weakening of state power and the discrediting of its institutions, the socio-economic crisis, a sharp drop in the living standards of the majority of the population, widespread propaganda of Islam, and the political ambitions of religious leaders.

Considering the solution to the problem of the emergence of the Sino-Indian border conflicts, the author notes that the leadership of both states is well aware of the seriousness of the situation and their responsibility for making certain decisions. It is quite obvious that in this case, the economic component prevails over possible military successes.

In general, the article states that the overall direction of solving security problems in the SCO is positioned in line with the activities of the organization itself in this area and is based on the position that it is necessary to fight the global terrorist threat together on a truly collective basis.

Keywords: SCO, regional security, terrorism, separatism.

Author: Leonid Ye. VASILIEV, Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail:levdvina@mail.ru).

Афганистан — основной источник нестабильности в регионе

Одним из главных источников распространения нестабильности, терроризма и экстремизма на пространстве ШОС в настоящее время продолжает оставаться Афганистан.

Основными процессами, определяющими его внутривнутриполитическую обстановку, являются:

- слабость центрального афганского правительства, его стремление решать внутренние проблемы страны опираясь в основном на иностранный воинский контингент, тотальная коррупция среди чиновников;
- нерешенность проблем внутриафганского урегулирования;
- непрекращающееся вооруженное противостояние правительственных сил и сил оппозиции;
- присутствие различных террористических и экстремистских группировок на территории страны и неспособность национальных силовых структур эффективно противостоять этим группировкам.

Кроме того, на наш взгляд, на развитие ситуации в Афганистане в ближайшей перспективе будет играть также и демографический фактор. Это обусловлено тем, что, несмотря на непрекращающуюся войну, которая длится более 40 лет, население Афганистана после 1980 г. к 2019 г. более чем удвоилось — с 15 млн до 35,78 млн человек. При этом в его составе молодежи в возрасте от 0 до 14 лет — 40,92 %, а в возрасте 15—24 лет — 21,85 %, что в сумме составляет более 60 % населения страны. При этом необходимо учитывать, что от повсеместной безработицы (официально четверть рабочей силы является безработной), массовой нищеты населения более всего страдает именно молодежь. Так, согласно официальной статистике, почти половина безработных (45,6 %) — люди моложе 25 лет [Семушин].

Такое положение ведет к большому риску массового перехода неустроенной молодежи от мирной жизни к жизни в условиях войны. Это обусловлено тем, что участие в войне, причем на любой стороне конфликта, дает возможность молодым людям получить хоть какие-то средства к существованию.

Террористические организации, действующие в Афганистане, представляют собой две разновидности: первая из них в своей деятельности в плане материально-технического снабжения и людского

пополнения опирается на местные афганские ресурсы (назовем их «Афганские террористические организации», АТО), а вторая (назовем их «международные террористические организации», МТО) — получает средства для своей деятельности из-за рубежа. При этом МТО распространяют свою деятельность не только на территорию Афганистана, но и на смежные с ним государства. К первому типу террористических организаций относится в первую очередь Исламское движение «Талибан» (ИДТ), а также территориальные отряды афганских моджахедов. Ко вторым — «Аль-Каида», ИГИЛ, Исламское движение Узбекистана (ИДУ) и др. (все организации запрещены в России).

ИДТ является самой многочисленной террористической организацией, действующей на территории Афганистана. Примерная численность его отрядов составляет около 50 тыс. боевиков, и оно контролирует более 40 % территории страны [Маринин]. Главной целью движения является приход к власти и восстановление «Исламского эмирата Афганистан».

При этом следует отметить, что противостояние американского воинского контингента и их союзников в Афганистане с ИДТ, и тем более предполагаемый его полный разгром, к чему стремился и о чем не раз заверял Пентагон, «успешно» провалилось. Отсутствие прогресса во внутриафганском урегулировании и стремление Вашингтона сократить финансовые расходы в этой стране, которые ежегодно составляют более 5 млрд долл., заставило американцев начать диалог с ИДТ.

Вследствие этих причин 29 февраля 2020 г. впервые в истории ведущая мировая держава и крупная террористическая группировка подписали равноправный договор. Суть договора состоит в том, что США выводят свои войска из Афганистана в обмен на отказ талибов от связей с «Аль-Каидой» (запрещена в России) [Гашков].

Соглашение пока выполняется. Так, если численность войск США и НАТО в Афганистане в некоторые периоды достигала почти 150 тыс. человек, то, по заявлению и.о. главы Пентагона К. Миллера в январе 2021 г., в настоящее время там находятся 2500 американских военнослужащих [Материалы федерального агентства].

Вместе с тем следует отметить, что, по мнению некоторых экспертов, ситуация, сложившаяся в стране в настоящее время, совсем не так однозначна и для движения «Талибан» (запрещено в России). Талибы после окончательного вывода американских войск должны будут либо продемонстрировать выдающиеся успехи в борьбе с правительственными войсками, либо их ожидает внутренний раскол с

непредсказуемыми последствиями. Причем, как отмечают эксперты, само существование ИДТ и его противостояние с правительством свидетельствует о расколе внутри афганского общества.

Что касается возможной экспансии талибов в Центральную Азию (ЦА) и другие государства на пространстве ШОС, то можно достаточно уверенно сказать, что в настоящий момент это вряд ли возможно. Данное предположение объясняется, прежде всего, нехваткой у талибов ресурсов, а также чуждым странам региона этническим составом ИДТ.

Таким образом, главной угрозой региональной безопасности, исходящей с территории Афганистана, является «Исламский халифат», основу которого составляет «Исламское государство Ирака, Аш-Шама и Хорасана» (ИГИЛ-К, запрещена в России). Численность организации — около 4 тыс. человек. Цель движения — установить исламский халифат на территориях Афганистана, Пакистана и Центральной Азии, а также противостоять шиитам.

Второй по значимости и международной по своей форме террористической организацией, действующей на территории Афганистана, является Исламское движение Узбекистана (запрещено в России). Главной целью движение ставит создать на территории Центральной Азии исламское государство с центром в Ферганской долине. Примерная численность движения составляет от 500 до 1000 человек.

Кроме того, в последнее время появилась еще одна угроза безопасности внутри Афганистана — противостояние шиитов и суннитов. Следует отметить, что сунниты представляют большинство населения Афганистана — 84,7—89,7 %. Шиитов гораздо меньше — 10—15 %. В настоящее время шииты (которых, естественно, поддерживает Иран) тайно помогают афганским талибам. Однако это происходит только потому, что талибы воюют с американцами. После ухода американцев из Афганистана отношения между ними могут кардинально поменяться.

Уже сейчас цели и программы отдельных террористических организаций, действующих в Афганистане, имеют ярко выраженную антишиитскую повестку. Поэтому не исключено, что пришедшие к власти талибы (большинство которых сунниты) в состоянии эйфории от своих побед могут приступить к изгнанию или даже истреблению афганских шиитов. Такое развитие ситуации неминуемо приведет к резкому обострению отношений между Ираном и Афганистаном, что, в свою очередь, вызовет серьезное изменение обстановки на пространстве ШОС [Семушин].

Основные угрозы безопасности в Центральной Азии

В настоящее время можно с уверенностью констатировать, что в государствах ЦА пока сохраняются очаги социально-политической, экономической и этнической напряженности; наблюдается дефицит доверия к органам государственной власти; отсутствуют устоявшиеся механизмы упреждения и разрешения конфликтных ситуаций, что, в свою очередь, обуславливает возникновение террористических и экстремистских организаций в регионе.

Кроме того, помимо внутривнутриполитических, в этих государствах существует еще и ряд внешнеполитических факторов, которые также могут сыграть серьезную роль в возможной дестабилизации обстановки в ЦА.

В настоящее время данный регион представляет довольно значимый геополитический интерес для ведущих мировых акторов и выступает и как объект, и как субъект их глобальной политики во всех ее основных проявлениях. Кроме того, наличие залежей нефти и газа, запасов урана, золота, других цветных металлов и редкоземельных элементов в сочетании с удобством прокладки международных коммуникаций привлекает многие мировые державы. Особый интерес к региону объясняется также его «геополитическим положением и коммуникационными возможностями» [Тулеев].

При этом главным лозунгом, «оправдывающим» проникновение западных государств во главе с США в ЦА, выбран лозунг оказания помощи центральноазиатским государствам в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Однако, как показала история развития событий в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии, под прикрытием борьбы с терроризмом США преследуют вполне конкретные собственные геополитические интересы. Более того, существует достаточно фактов, когда в определенных ситуациях США и их союзники по НАТО открыто помогают «своим» террористам, а также используют результаты их деятельности, если им это выгодно. Руководству центральноазиатских государств не стоит обольщаться риторикой западных лидеров, а ставить во главу угла собственные национальные интересы.

Одной из потенциальных горячих точек ЦА является Ферганская долина, где на сравнительно небольшой территории (22 тыс. кв. км) сегодня проживает порядка 14,5 млн человек. Здесь расположены три области Узбекистана, в которых проживает треть его населения; три

области Киргизии, в которых проживает примерно половина населения этой республики, а также Согдийская область Таджикистана (треть населения страны).

Плотность населения в долине составляет более чем 650 человек на 1 кв. км, что сопоставимо с самыми густонаселенными районами Индии и Китая. Такая плотность и ежегодный прирост населения существенным образом обострит старые проблемы Ферганской долины — нехватку пахотной земли и дефицит оросительной и качественной питьевой воды.

Вышеизложенное говорит о том, что Ферганская долина — самый потенциально нестабильный район ЦА. Она представляет собой район, где проживает значительное количество людей трех разных национальностей, вынужденных сосуществовать между собой в условиях нищеты и нехватки ресурсов. Уже сейчас многие аналитики отмечают наблюдающуюся в последние годы стремительную радикализацию жителей Ферганской долины.

К основным экстремистским организациям, действующим в Центральной Азии, следует отнести: «Исламское движение Узбекистана», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения»), ИГИЛ, Исламский джихад (Джамаат моджахедов), «Партию исламского возрождения Таджикистана». Автономные ячейки международной террористической организации «Братья мусульмане», такие как «Общество социальных реформ», «Комитет исламского призыва», «Дава Исламийя» и др., действуют в Казахстане, Киргизии и Таджикистане. Террористические организации «Акромиды», «Адолат уюшмаси», «Ислом лашкарлари» («Воины ислама») действует в Узбекистане, организация «Товба» («Покаяние») имеет сторонников и активистов в Киргизии и Узбекистане (все эти организации запрещены в России).

Более того, в последнее время, как отмечается некоторыми экспертами, в ЦА стала проявляться новая тенденция к криминализации деятельности радикальных исламистов и, наоборот, исламской радикализации обычных бандитов. Причем надо отметить, что в этом направлении наиболее активно ведет себя ИГИЛ (запрещена в России), которая обладает и большими ресурсами, и масштабами своей деятельности по сравнению с другими террористическими организациями, действующими в регионе.

Вызовы региональной стабильности на пространстве ШОС, возникающие в рамках отношений в треугольнике Китай—Индия—Пакистан

К основным проблемам в рамках отношений в треугольнике Китай—Индия—Пакистан, которые могут привести к дестабилизации обстановки на пространстве ШОС, следует отнести в первую очередь проблему Кашмира, а также известные сложности отношений Индии и Китая в пограничных областях.

При этом следует учитывать, что в ходе индо-пакистанского диалога по Кашмиру стороны сохраняют существенные разногласия по этой проблеме. Индия настаивает на том, что, хотя кашмирский вопрос и обсуждается в ходе переговоров с Пакистаном, судьба Джамму и Кашмира решена окончательно и ревизии не подлежит. Одновременно Индия, как и ранее, дает понять, что ее удовлетворило бы сохранение статус-кво, то есть нынешний раздел Кашмира по так называемой линии контроля. Официальная позиция Пакистана иная: он не согласен на раздел по этой линии, выступает против ее легитимации на постоянной основе и разрешения таким способом спорной проблемы [Белокриницкий]. При этом ряд исламских организаций, расположенных как на территории Кашмира, так и на территории Пакистана, сделали ставку на террор.

Наиболее крупная исламская экстремистская организация «Харакат-уль-Муджахедин», что переводится как «Движение борцов за веру» (запрещена в России), действующая в Джамму и Кашмир, базируется в Пакистане. Название соответствует целям, которые ставят перед собой лидеры организации: защита интересов мусульман во всем мире.

Важно отметить, что «Харакат-уль-Муджахедин», во-первых, занимает крайне негативную позицию относительно любых мирных контактов Индии и Пакистана по поводу решения кашмирского вопроса и, во-вторых, выступает за передачу Исламабадом ракетных технологий другим мусульманским странам.

Помимо данной организации, на территории Индии действуют и более мелкие террористические организации, такие как: «Армия освобождения Кашмира», «Джайиш-и-Мухаммад», «Лашкар-и-той-иба». «Аль-Джихад», «Муслим джанбаз форс», «Исламский фронт». Активную поддержку мусульманским экстремистским организациям в Кашмире оказывают также афганские моджахеды — в основном талибы (вышеуказанные организации запрещены в России).

В самом Пакистане также осознают серьезную опасность деятельности террористов на своей территории. Так, первый заместитель министра иностранных дел Исламской Республики Пакистан А. Чодри заявил, что «терроризм — это основная угроза безопасности Пакистана». При этом следует учитывать, что, помимо своих «доморожденных» исламских экстремистов и сепаратистов, в Пакистане осели и бывшие афганские боевики, вытесненные с территории Афганистана. Трансформировавшись в пакистанских повстанцев, эти экстремисты дали толчок формированию движения «Талибан Пакистана» (запрещено в России).

Следует отметить, что в настоящее время террористическая угроза в Пакистане не снижается. Продолжают активно действовать террористические организации в Хайбер-Пахтунхва и Белуджистане — беднейших провинциях на границе с Афганистаном, а также в Пенджабе и Синде. Талибы присутствуют в районах Кучлак, Кветта, Кила-Абдулла и других приграничных территориях.

Пакистанская сторона считает, что представители России, Китая, Индии и Пакистана должны сесть за один стол переговоров для совместного решения этой проблемы. При этом Исламабад надеется, что ШОС, членами которого не так давно стали Индия и Пакистан, может стать хорошей площадкой для настраивания индо-пакистанского диалога [Толстухина].

Говоря о проблемах в пограничных отношениях Индии и Китая, следует отметить, что на северо-восточном участке индийско-китайской границы расположена большая часть территорий, вопрос о принадлежности которых до сих пор сторонами не урегулирован. Несмотря на договоренности по «линии фактического контроля», вооруженные столкновения на границе продолжают. Последние из них произошли в мае и сентябре 2020 и в январе 2021 г.

Нужно учитывать также, что оба государства долгое время испытывают взаимные опасения стратегического характера. Индия недовольна тесными связями Китая с Пакистаном, а также ростом китайского влияния на других ее соседей. Со своей стороны КНР с большой настороженностью относится к развитию стратегического партнерства между Индией, США и Японией, которое считает угрозой для себя. Следует учитывать, что китайско-индийские приграничные споры тесно связаны со всем комплексом взаимоотношений в азиатском регионе, затрагивая интересы Пакистана, Ирана, Непала, Бутана, Афганистана, государств Центральной Азии и России.

Руководство обоих государств прекрасно понимает всю серьезность ситуации и свою ответственность за принятие тех или иных ре-

шений. Не напрасно в октябре 2019 г. на неформальном саммите на высшем уровне было официально заявлено: «При всех сложностях и неизбежных тактических потерях, консолидация Индии и Китая, несомненно, отвечала бы долгосрочным интересам обеих стран. Выгоды от стратегического сближения Пекина и Нью-Дели многочисленны и слишком очевидны, чтобы не стать предметом размышлений стратегов по обе стороны Гималаев» [Кадомцев].

Борьба с проявлениями сепаратизма и терроризма в СУАР

Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) имеет важное геостратегическое значение для Китая как в политическом, так и в экономическом плане. В случае эскалации его конфликтного потенциала и возникновения в нем прямого вооруженного конфликта будет нанесен удар не только по экономике, но и по развивающимся отношениям Китая с исламским миром, в том числе с такими государствами, как Пакистан, Иран, Афганистан, арабские государства и республики Центральной Азии.

В настоящее время, по официальной статистике КНР, численность населения СУАР превышает 21,8 млн человек, из них 46,5 % составляют уйгуры, 39 % — китайцы (ханьцы), а остальные — в основном тюркоязычные народы мусульманского вероисповедания: казахи, дунгане, киргизы, узбеки и др. [СУАР]

Следует отметить, что уйгурский сепаратизм тесно связан с исламским религиозным экстремизмом, который основными способами борьбы против центральной власти избрал террористические методы. Причем уйгурские сепаратисты утверждают, что их народ на протяжении всей современной истории подвергался дискриминации со стороны китайцев.

К основным крупным (численностью несколько тысяч боевиков) экстремистским исламским организациям, действующим на территории СУАР, можно отнести: «Исламское движение Туркестана», «Исламское движение Узбекистана», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (все эти организации запрещены в РФ). Структура таких и связанных с ними организаций, как правило, включает в себя религиозно-политический центр, центр оперативного управления, мобильные бандформирования, подразделения разведки и контрразведки, а также органы, отвечающие за пропаганду и материально-техническое обеспечение.

Новой тенденцией в действиях экстремистов становятся их попытки распространить свои радикальные идеи за пределы Синьцзян-Уйгурского автономного района и тем самым представить уйгурскую проблему как глобальную общенациональную проблему всего Китая. Однако такие действия уйгурских радикалов вызывают в основном негативную ответную реакцию как со стороны китайцев в отношении уйгуров, так и со стороны других тюркских и мусульманских народов Китая. Тем не менее совершенно очевидно, что китайские власти всерьез обеспокоены вопросами обеспечения безопасности внутри страны и выделяют на антитеррористическую деятельность значительные силы и средства.

Если оценивать эффективность политики противостояния экстремизму и сепаратизму в СУАР, проводимую китайским руководством, то уверенно можно заявить, что эта политика дает значительные положительные результаты. *Во-первых*, экономика Синьцзяна выросла в разы. По данным агентства Синьхуа, с 1978 по 2020 г. подушевой доход уйгуров вырос в 100 раз, а средняя продолжительность их жизни — с 30 лет в 1949 г. до 72,3 года сегодня.

Во-вторых, практически все мусульманские государства мира либо не критикуют, либо открыто поддерживают Китай в его политике противостояния исламским экстремистам. В 2018—2020 гг. возникло «недопонимание» в отношениях Китая и Турции. Однако подписание ряда инвестиционных соглашений с Пекином на общую сумму около 50 млрд долл. заставило и Р. Эрдогана поступиться «мужественным образом защитника мусульман» всего мира [Бобров].

Но главный аргумент в пользу политики КНР заключается в отсутствии на территории СУАР терактов на протяжении последних четырех лет. Критики Китая, как правило, игнорируют накопившиеся проблемы, терзавшие Синьцзян десятилетиями. Стремление разрешить ситуацию привело к тому, что китайское руководство приняло меры, направленные на снижение экстремистских, националистических и сепаратистских настроений, и эти меры на деле доказали свою эффективность.

Основные направления сотрудничества государств региона в обеспечении безопасности на пространстве ШОС

В Стратегии развития до 2025 г. Шанхайской организации сотрудничества говорится, что особое внимание в деятельности Орга-

низации будет уделяться сотрудничеству по вопросам противодействия деятельности международных террористических организаций; налаживанию взаимодействия с соответствующими международными организациями и региональными объединениями; а также выявлению лиц, возвращающихся на территорию государств — членов ШОС после прохождения подготовки или участия в вооруженных конфликтах на стороне международных террористических организаций [Материалы Секретариата ШОС].

Основными направлениями этой работы должны стать:

- предотвращение перемещения боевиков из Сирии и Ирака в Афганистан;
- недопущение установления ИГИЛ (запрещена в России) контроля над террористическими организациями, дислоцирующимися на афганской территории;
- борьба с наркотрафиком с территории Афганистана;
- вопросы оказания помощи Афганистану в восстановлении экономики и достижении национального примирения.

Важным моментом в обеспечении безопасности и стабильности на пространстве ШОС в долгосрочной перспективе является то, что Организация может стать новой площадкой для китайско-индийского и индийско-пакистанского диалогов. Достаточно очевидно, что в настоящее время Индия и Пакистан пытаются найти новые пути решения векового конфликта в Кашмире. При этом они, скорее всего, надеются, что опыт и содействие в решении проблемы со стороны России, Китая и других стран — членов ШОС помогут справиться с ней или существенно смягчить её либо, возможно, найти новые пути разрешения конфликта.

В целом государства ШОС исходят из того, что с глобальной террористической угрозой надо бороться сообща, на подлинно коллективной основе, при центральной координирующей роли ООН и соблюдении норм международного права, без «двойных стандартов». Их принципиальная позиция состоит в том, что основу эффективной стратегии по пресечению угроз, исходящих от крупнейших террористических группировок во главе с ИГИЛ (организация запрещена в России), должна в итоге составить международная коалиция, действующая на полностью легитимной основе решений ООН, твердо приверженная в своих действиях нормам международного права. Государства — члены ШОС принципиально не приемлют односторонние акции некоторых государств, поскольку такие акции не способны решить существующие в мире проблемы.

Библиографический список

Белокрыницкий В. Пакистан — Индия: конфронтационная стабильность? // Международные процессы. Т. 4. № 2. Май—август 2006 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pakistan-indiya-konfrontatsionnaya-stabilnost-1/viewer> (дата обращения: 16.06.2021).

Бобров М. Раздавленные прогрессом. Как китайское государство пытается сделать из уйгуров идеальных граждан // Новая газета. 23.11.2020. URL: <https://kloop.kg/blog/2020/11/24/> (дата обращения: 16.06.2021).

Борьба с терроризмом в Индии. URL: <https://spec-naz.org/index.php?/> май 2017 г. (дата обращения: 16.06.2021).

Гашков И. Достался ли Афганистан талибам? Что ждет страну после ухода американцев // Материалы ТАСС. 17.03.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-raporama/> (дата обращения: 16.06.2021).

Кадоццев А. Индия и Китай: ссора или охлаждение? // Международная жизнь. 11.06.2020. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/> (дата обращения: 16.06.2021).

Маринин Д. Особенности развития военно-политической ситуации в Афганистане // Зарубежное военное обозрение. 2020. № 4. URL: <http://factmil.com/publ/strana/afganistan/> (дата обращения: 16.06.2021).

Материалы Федерального агентства новостей. 18.01.2021. URL: https://archi.ru/press/issue_present.html?id=2296/ (дата обращения: 16.06.2021).

Материалы Секретариата ШОС. URL: <http://www.infoshos.ru/> 2015 г.

Семушин Д. Транснациональный терроризм в Афганистане и фактор демографии URL: <https://eadaaily.com/ru/news/> (дата обращения: 16.06.2021).

Синьцзян-Уйгурский автономный округ. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 16.06.2021).

Толстухина А. Терроризм — основная угроза безопасности Пакистана // Международная жизнь. 09.01.2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/16698> (дата обращения: 16.06.2021).

Тулеев М. Международный терроризм в странах Центральной Азии: региональные особенности. URL: <https://articlekz.com/article/18220> (дата обращения: 16.06.2021).

References

Belokrinitsky V. (2006) Pakistan — Indiya: konfrontatsionnaya stabil'nost'? [Pakistan and India: confrontational stability?] International Processes. Vol. 4. No. 2. May—August. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pakistan-indiya-konfrontatsionnaya-stabilnost-1/viewer> (accessed: 16 June, 2021). (In Russian).

Bobrov M. (2020) Razdavlennye progressom. Kak kitajskoe gosudarstvo pytaetsya sdelat' iz ujugurov ideal'nyh grazhdan. [Crushed by progress. How the Chinese state is

trying to make Uighurs ideal citizens]. «Novaya Gazeta» November 23 URL: <https://kloop.kg/blog/2020/11/24/> (accessed: 16 June, 2021). (In Russian).

Bor'ba s terrorizmom v Indii. [Fighting terrorism in India] URL: <https://spec-naz.org/index.php?/>, May 2017 (accessed: 16 June, 2021). (In Russian).

Gashkov I. Dostalsya li Afganistan talibam? CHto zhdet stranu posle uhoda amerikancev [Did the Taliban get Afghanistan? Country's future after the Americans leave]. TASS materials. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/> (accessed: 16 June, 2021). (In Russian).

Kadomtsev A. Indiya i Kitaj: ssora ili ohlazhdenie? [India and China: contention or setback?] «International Life». URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/> (accessed: 16 June, 2021). (In Russian).

Marinin D. Osobennosti razvitiya voenno-politicheskoj situacii v Afganistane [Features of the development of the military-political situation in Afghanistan]. «Foreign Military Review» No. 4, 2020. URL: <http://factmil.com/publ/strana/afganistan/> (accessed: 16 June, 2021). (In Russian).

Materialy Federal'nogo agentstva novostej [Materials of the Federal News Agency] (accessed on 18.01.2021). (In Russian).

Materialy Sekretariata SHOS (2015) [Materials of the SCO Secretariat]. URL: <http://www.infoshos.ru/> (accessed: 24 June, 2015). (In Russian).

Semushin D. (2019) Transnacional'nyj terrorizm v Afganistane i faktor demografii [Transnational terrorism in Afghanistan and the demographic factor]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/> (accessed: 16 June, 2021). (In Russian).

Tolstukhina A. (2017) Terrorizm — osnovnaya ugroza bezopasnosti Pakistana [Terrorism as the main threat to the security of Pakistan]. «International Life» (accessed: 16 June, 2021). (In Russian).

Tulejev M. (2016) Mezhdunarodnyj terrorizm v stranah Central'noj Azii: regional'nye osobennosti [International terrorism in the countries of Central Asia: regional features]. URL: <https://articlekz.com/article/18220/> (accessed: 16 June, 2021). (In Russian).

Sin'cзыan-Ujgurskij avtonomnyj okrug [Xinjiang Uyghur Autonomous Region]. (2021) URL: <https://ru.wikipedia.org/> (accessed: 16 June, 2021). (In Russian).

Д.В. Гордиенко, Ю.В. Морозов

ВЛИЯНИЕ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНАХ МИРА НА ИНТЕРЕСЫ РОССИИ*

Аннотация. В стратегических и доктринальных документах США, Китая и Российской Федерации излагаются взгляды военно-политического руководства этих стран на то, как каждая страна представляет свои основные приоритеты в области внешней политики и обеспечения глобальной и региональной безопасности. Это позволит сформулировать интересы России, США и Китая. В работе рассмотрены интересы России, США и Китая в регионах мира и определены приоритеты деятельности России в Европе, Центральной Азии и на Кавказе, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Арктике, Африке, на Ближнем и Среднем Востоке и в Латинской Америке, а также проведена их сравнительная оценка с интересами США и Китая.

Предложенный подход к оценке влияния возможных последствий деятельности США и Китая на реализацию интересов России позволяет выявить приоритеты политики Российской Федерации в различных регионах мира. Сделан вывод о том, несовпадение интересов США и Китая с интересами России имеет важное значение для реализации текущей экономической и военной политики Российской Федерации.

Ключевые слова: Китай, США, Россия, национальные интересы, приоритеты региональной политики.

Автор: Гордиенко Дмитрий Владимирович, доктор военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН. E-mail: gordienko@ranepa.ru;

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-014-00009.

Морозов Юрий Васильевич, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН.
E-mail: morozovyury51@yandex.ru.

D.V. Gordienko, Yu.V. Morozov

The impact of American-Chinese activities in regions of the world on Russia's interests*

Abstract. The strategic and doctrinal documents of the United States, China and the Russian Federation set out the views of the military-political leadership of these countries on how each country presents its main priorities in the field of foreign policy and ensuring global and regional security. This will make it possible to formulate the interests of Russia, the United States and China. The paper examines the interests of Russia, the United States and China in the regions of the world and identifies the priorities of Russia's activities in Europe, Central Asia and the Caucasus, the Asia-Pacific region, the Arctic, Africa, the Middle East and Latin America, comparative assessment with the interests of the United States and China.

The proposed approach to assessing the impact of the possible consequences of the activities of the United States and China on the realization of Russia's interests makes it possible to identify the priorities of the Russian Federation's policy in various regions of the world. It is concluded that the discrepancy between the interests of the United States and China and the interests of China is of great importance for the implementation of the current economic and military policy of the Russian Federation.

Keywords: Russia, China, India, national interests, priorities of regional policy.

Author: Dmitry V. GORDIENKO, Doctor of Sciences (Military), Professor, Leading Researcher, Institute for Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: gordienko@ranepa.ru);

Yuri V. Morozov, Candidate of Sciences (Military), Leading Researcher, Institute for Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: morozovyury51@yandex.ru).

Для того, чтобы оценить негативное влияние деятельности США и КНР в регионах мира на национальные интересы России, необходимо уточнить их содержание в соответствии с её целями и возможностями в этих частях планеты. Так, к основным интересам России в *Арктике* относятся: разработка полезных ископаемых в арктическом шельфе РФ; социально-экономическое развитие арктических и приарктических территорий страны и усиление арктической группировки.

* The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project No. 19-014-00009.

ровки войск (сил) ВС РФ в целях обеспечения их военной безопасности; расширение транзита грузов по российскому Северному морскому пути (СМП) из Азии в Европу и обратно.

Ключевыми внешнеполитическими интересами России в *Европе* являются: нейтрализация деятельности в регионе блока НАТО во главе с США; отмена санкций со стороны Евросоюза с одновременным сохранением доминирующего положения на его рынке нефтегазовых продуктов; недопущение возобновления военного конфликта на Украине [Фролов].

Основными российскими интересами в *Центральной Азии и в Закавказье* являются: сохранение своего влияния на государства этих регионов; разработка полезных ископаемых; использование избыточных региональных трудовых ресурсов путем их привлечения в Россию; усиление экспансии российских предприятий и банков во внутренний рынок стран этого региона; недопущение возникновения военных конфликтов в Закавказье и пресечение наркотрафика в Россию из Центральной Азии; расширение транзита российских грузов через их территорию в другие регионы мира.

Внешнеполитическими интересами России в *Азиатско-Тихоокеанском регионе* (АТР) являются: социально-экономическое развитие территорий Дальнего Востока и Сибири; включение России в региональную архитектуру безопасности и региональную экономическую интеграцию в АТР, реализация сохранившихся старых кооперационных связей России с рядом стран региона и расширение выгодного транзита для российской продукции в другие регионы мира.

Ключевыми интересами России в *Африканском регионе* являются: расширение рынков сбыта; противодействие установлению гегемонии одной страны в данной географической области и обеспечение военной безопасности в ряде стран региона; предотвращение политической радикализации исламских течений в регионе [Гордиенко. Африканский компонент...].

К основным интересам России на *Ближнем и Среднем Востоке* относятся: установление мира в Сирии и закрепление там своего влияния; использование инвестиционного потенциала ряда стран региона в своих экономических интересах; реализация в регионах российских энергетических проектов, усиление экспорта вооружения и военной техники в государства Ближнего Востока; борьба с экспортом в Россию «трех сил зла». Основными интересами России в *Латиноамериканском регионе* являются: расширение рынков сбыта; противодействие установлению гегемонии США, обеспечение военной

безопасности строящегося канала в Никарагуа [Гордиенко. Ближневосточный компонент..., Гордиенко. Латиноамериканский компонент...].

Деятельность США в регионах мира, негативно влияющая на реализацию интересов России

Нынешняя американская администрация Белого дома рассматривает Россию в качестве своего основного соперника на международной арене [Remarks by President Biden].

Поэтому говоря о политике Соединенных Штатов в *Арктике*, негативно влияющей на реализацию интересов России, освоение ею природных ресурсов этого региона и реализация перевозок по Северному морскому пути (СМП), по мнению Белого дома, является слишком доходным и долгосрочным интересом Москвы, чтобы позволить ей реализовывать эти направления деятельности в Арктике [Морозов, 2015].

В *Европейском регионе* к неизменным чертам американской политики на российском направлении следует отнести расширение НАТО как первоосновы европейской системы безопасности после «холодной войны», которое стало для США основным инструментом политики безопасности в Евразии. В связи с чем в 2007 г. В. Путин на Мюнхенской конференции сделал предупреждение руководству альянса, чтобы остановить его расширение. Однако руководство НАТО сочло его риторику отголоском эпохи холодной войны [Выступление Президента России]. И годом спустя Брюссель под давлением Вашингтона в разрез этому предупреждению пообещал принять в свои ряды Украину и Грузию — тем самым перейдя незримую «красную линию» в отношениях с Россией [Bucharest Summit Declaration]. Поэтому присоединение Крыма Россией в 2014 г. стало поворотным моментом американской политики в отношении Украины, которая, по мнению американского руководства, может стать надежным партнером в сдерживании России. Для этого Вашингтон усилил военное сотрудничество с Украиной в рамках программы НАТО «Партнерство во имя мира» с акцентом на реформу армии и на расширение возможностей по защите от так называемой «российской агрессии».

Стратегия США в *Центральной Азии* и *Закавказье* в географическом смысле далека от первостепенных интересов США. Тем не менее, политическая деятельность США в этих регионах Евразии спо-

собствовала тому, что члены ОДКБ Армения и Казахстан активно участвуют в программе НАТО «Партнерство во имя мира», что противоречит интересам Российской Федерации в сфере безопасности на постсоветском пространстве [“Relations With Kazakhstan”, “Relations With Armenia”].

Отдельным пунктом являются риски для России, связанные с присутствием вооруженных сил США в Афганистане, так как Пентагон планирует сохранить за собой после вывода основных сил из ИРА военные базы, чтобы использовать их для мониторинга ситуации в регионе [Морозов, 2020].

Для Вашингтона политическая, экономическая и военная конкуренция с Москвой и Пекином на *Африканском континенте* является одним из важных направлений в его внешней политике. Американская сторона фокусируется на наращивании военного потенциала своих партнёров в Африке, создании «оборонительных институтов» без участия в них других международных акторов, включая Российскую Федерацию и КНР. Поэтому Вашингтон намерен оказывать содействие проамериканским странам континента в решении их проблем. Также он заявил, что Соединённые Штаты проводят сотни мероприятий по сотрудничеству в области обеспечения военной безопасности в регионе. При этом конкурентная борьба между США и Россией на Африканском континенте охватывает не только политическую, экономическую и военную сферы, но и информационную [Гордиенко. Африканский компонент...].

Основные направления антироссийской политики США в *Латиноамериканской Америке* направлены на недопущение военного присутствия Российской Федерации в этом регионе мира и, в частности, в акватории и на прилегающей территории строящегося силами Китая Трансокеанского канала. Кроме того, администрация Д. Байдена продолжает реализацию стратегии, нацеленной на предотвращение реализации Россией экономических проектов на континенте и развитие её многосторонних контактов с латиноамериканскими государствами в науке и в гуманитарной области. Поэтому реализация этой политики и стратегии Вашингтоном существенно ограничивает политическую, экономическую и военную деятельность России и влияет на продвижение ее интересов в этом регионе мира [Гордиенко. Латиноамериканский компонент...].

Существенной военной угрозой для безопасности России является *развертывание США и их союзниками по периметру её границ системы стратегической ПРО* [Морозов, 2020].

Анализ развития американской стратегической системы ПРО позволяет выявить наличие ряда военных угроз для Российской Федерации в среднесрочной перспективе. *Во-первых*, военно-стратегическая опасность от этой системы проявится уже к 2023—2025 гг., когда США будут иметь не менее 2400 ракет-перехватчиков всех видов базирования против 700 развернутых носителей стратегических наступательных вооружений (СНВ) РФ (согласно договору СНВ-3).

И, *во-вторых*, до 90 % американских ракет-перехватчиков к 2030 г. будет сосредоточено на более чем 80 кораблях, способных развернуться в акваториях, прилегающих к территории России. При этом они смогут находиться в непосредственной близости к районам действий российских РПЛСН, что ведет к нарушению баланса сил в ракетно-ядерной сфере.

Помимо этого, для оказания военного давления на Россию США создали сеть военных баз не только по её периметру, но и по всему миру (рис. 1).

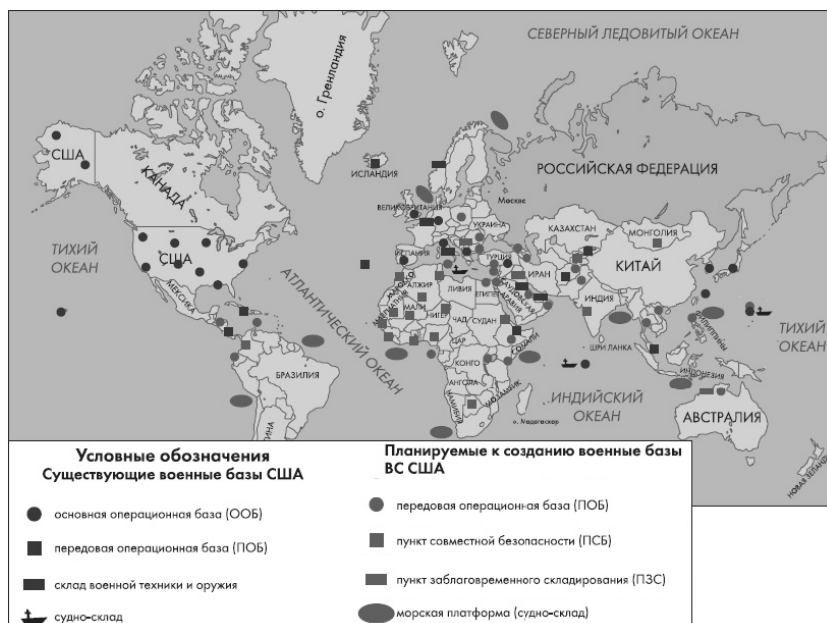

Рис. 1. Сеть существующих и планируемых военных баз США.

Источник: URL: <https://iohotnik.ru/wp-content/uploads/5/0/e/50efd70e4ed3612d41df590e14787645.jpeg>

Деятельность Китая в регионах мира, негативно влияющая на реализацию интересов России

В последнее время стратегическое партнерство с Китаем является одним из важнейших приоритетов внешней политики Российской Федерации. Но столь стремительное сближение с Поднебесной таит в себе для России и многочисленные риски.

Так, в *Арктическом регионе* Пекин склонен к солидарности с Вашингтоном по поводу интернационализации Северного морского пути. Для этого в 2018 г. Пекин обнародовал «Белую книгу» о своей арктической стратегии, в которой заявил о праве на участие в управлении Арктикой и о включении ее в свой глобальный проект «Один пояс — один путь». В связи с чем Китай активно строит ледоколы, которые нужны ему для освоения СМП.

В других регионах мира Пекин активно стремится к тому, чтобы усилить свое геоэкономическое и геополитическое присутствие в *Евразии* и в первую очередь на территории Сибири и Дальнего Востока, т. е. в районах, где находится главная «сырьевая кладовая» России.

Поэтому, по оценкам ряда российских экспертов, Россия фактически предоставила всю сырьевую базу Дальнего Востока и Восточной Сибири для эксплуатации китайской стороне.

Очевидно, что в ближайшие десять лет экономическое сотрудничество между Москвой и Пекином будет продолжаться по принципу «российское сырье — китайские технологии». Кроме того, в сфере военно-технического сотрудничества с Россией Китай активно использует нелегальное копирование российской продукции военного назначения, внося в нее незначительные изменения. Поэтому Поднебесная начинает играть все более значительную роль на мировом рынке, предлагая покупателям более дешевые копии российского оружия, тем самым составляя конкуренцию российскому военно-промышленному комплексу (ВПК).

Таким образом, Российская Федерация к середине XXI века может превратиться в важнейшую сырьевую базу для Китая и стать «сырьевым придатком» уже не западных развитых стран, а одной державы — КНР.

Говоря о деятельности Китая в *Центральной Азии*, негативно влияющей на интересы России, то там Пекин реализует стратегию, состоящую из двух ключевых пунктов: обеспечение себя энергоресурсами и расширение рынков сбыта для своих товаров.

Кроме постсоветского пространства у Китая и России много конкурентных точек пересечений и в других регионах планеты, где Поднебесная тоже не желает уступать Москве и позволяет быть лишь на второстепенных ролях, осуществляя некоторую помощь китайским проектам.

Решать задачи в области экспансии в страны Африки руководство КНР намерено в том числе за счет организации массовой миграции китайцев на этот континент с целью создания там многочисленных диаспор. Все эти действия также сужают возможности России по продвижению своих интересов в странах Африки [Гордиенко. Африканский компонент...].

Государства, расположенные на *Ближнем и Среднем Востоке*, являются крупнейшими поставщиками нефти в Китай. При этом важнейшую роль в обеспечении потребностей КНР в этом виде энергетического сырья играют Саудовская Аравия и Иран.

Стратегическими партнерами для КНР в рамках Большого Ближнего Востока являются Иран и Сирия. При этом один из приоритетов тактического уровня китайских правящих кругов заключается в том, чтобы ограничить политическую, экономическую и военную деятельность России не только в Сирии, но и в других государствах этого региона мира [Гордиенко. Ближневосточный компонент...].

Для Китая главным геополитическим и геоэкономическим плацдармом в *Латинской Америке* при осуществлении здесь различных проектов являются Куба, Никарагуа и Венесуэла. При этом политическая и экономическая деятельность КНР часто сопровождается конкурентной борьбой с российскими компаниями, что негативно влияет на потенциал России по продвижению своих интересов в этом регионе мира [Гордиенко. Латиноамериканский компонент...].

Таким образом, результаты проведенного анализа деятельности США и Китая в регионах мира, негативно влияющей на реализацию интересов России, позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, у России в различных регионах мира имеются многочисленные национальные интересы, в том числе связанные с обеспечением собственной безопасности. При этом зоной стратегических интересов и влияния Соединенных Штатов остается весь мир, тогда как Россия в основном сосредоточивается на Евразии. Поэтому безопасность в Евразии Москва планирует обеспечивать собственными силами, либо с помощью союзнических связей со странами ШОС и ОДКБ, либо во взаимодействии со своими стратегическими партнерами.

Во-вторых, США на протяжении первой трети XXI века сохраняют свое военное и экономическое превосходство над другими странами мира, включая Россию. Администрация Д. Байдена усиливает анти-российскую риторику, уделяя Российской Федерации второстепенное внимание в своей политике в сфере экономики и реализации интеграционных процессов. Несмотря на совпадения интересов России и США в области обеспечения глобальной безопасности, обострение противоречий между ними в регионах мира обуславливает активизацию политической, информационной и военной деятельности США, негативно влияющую на реализацию интересов России на планете. Поэтому в правительствах обеих стран не видят возможностей для тесного сотрудничества до тех пор, пока противоположная сторона не изменит либо саму себя (в случае с Россией), либо свое международное поведение (в случае с США).

В-третьих, глобальное и региональное усиление Китая далеко не во всех случаях несет однозначно позитивные последствия для России. И к негативным последствиям для России в сфере экономики свести все это невозможно.

У Москвы и Пекина много совпадающих глобальных стратегических интересов в мире. Основная проблема состоит в том, сможет ли Россия поддерживать баланс интересов и возможностей сотрудничестве с Китаем в регионах мира, не отдавая всё на откуп китайским властям. А это в свою очередь означает необходимость уточнения политики и стратегии Российской Федерации в важных для неё частях планеты, оставаясь при этом стратегическим партнером КНР.

Библиографический список

Гордиенко Д.В. Сравнительная оценка защищенности экономики России при реализации глобальных интеграционных проектов: монография. М.: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2020. 396 с. ISBN 978-5-94811-322-7.

Гордиенко Д.В., Камаев Р.А. Экономическая безопасность России и реализация глобальных интеграционных проектов: учеб. пособие. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2020. 528 с. ISBN 978-5-00024-124-0.

Гордиенко Д.В. Африканский компонент политики США, КНР и Российской Федерации. Часть 2 // Экономика и управление: проблемы и решения. 2021. № 1. Т. 2 (109). С. 4—20. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2021.01.02.001.

Гордиенко Д.В. Ближневосточный компонент политики США, КНР и Российской Федерации: политика Российской Федерации (часть 3) // Экономика и

управление: проблемы и решения. 2021. № 2. Т. 1 (110). С. 124—145. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2021.02.01.016.

Гордиенко Д.В. Латиноамериканский компонент политики США, КНР и Российской Федерации: политика России // Экономика и управление: проблемы и решения. 2021. № 7. Т. 1 (114). С. 120—142. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2021.07.01.026.

Морозов Ю.В. Арктика в стратегии НАТО и направления взаимодействия России с государствами Северо-Восточной Азии в этом регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11. № 17 (302). С. 39—51.

Морозов Ю.В. Центральная Азия как область столкновения стратегических интересов США, Китая и России // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 5. С. 6—19.

Морозов Ю.В. Совершенствование вооруженных сил США под влиянием новейших технологий // Электронный журнал Россия и Америка в XXI веке. 2020. № 2. С. 10.

Фролов И.Д. Внешнеполитические интересы России в Европе // АНИ: экономика и управление. 2018. № 1 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshne-politicheskie-interesy-rossii-v-evrope-vliyanie-migratsionnogo-kpolitichv-es-na-postroenie-dvuhstoronnego-sotrudnichestva> (дата обращения: 29.05.2021).

Remarks by President Biden on America's Place in the World. FEBRUARY 04, 2021. U.S. Department of State Headquarters. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (дата обращения: 29.05.2021).

Выступление Президента России на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 29.05.2021).

“Bucharest Summit Declaration” NATO, April 3, 2008. URL: https://www.nato.int/cps/us/natohq/official_texts_8443.htm (дата обращения: 29.05.2021).

“Relations With Kazakhstan” NATO, March 26, 2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49598.htm (дата обращения: 29.05.2021).

“Relations With Armenia” NATO, November 8, 2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_48893.htm (дата обращения: 29.05.2021).

Quadrennial Defense Review 2014. U.S. Department of Defense. URL: http://www.defense.gov/pubs/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf (дата обращения: 29.05.2021).

Asia-Pacific Maritime Security Strategy. The US Department of Defense. URL: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/NDAA%20A-P_Maritime_Security_Strategy08142015-1300-FINALFORMAT.PDF (дата обращения: 29.05.2021).

References

Gordienko D.V. (2020) Sravnitel'naya otsenka zashchishchennosti ekonomiki Rossii pri realizatsii global'nykh integratsionnykh proyektov [Comparative assessment of the security of the Russian economy in the implementation of global integration projects].

Monograph / D.V. Gordienko. M.: Moscow University of Finance and Law MFYuA, 2020. 396 p. ISBN 978-5-94811-322-7. (In Russian)

Gordienko D.V., Kamaev R.A. (2020) Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii i realizatsiya global'nykh integratsionnykh proyektov. Uchebnoye posobiye [Economic security of Russia and implementation of global integration projects. Study guide] / D.V. Gordienko, R.A. Kamaev. M.: ARGAMAK-MEDIA, 2020 528 p. ISBN 978-5-00024-124-0. (In Russian)

Gordienko D.V. (2021) Afrikanskiy komponent politiki SSHA, KNR i Rossiyskoy Federatsii. Chast' 2 [The African component of the policy of the United States, China and the Russian Federation. Part 2], *Economics and Management: Problems and Solutions*, 2021, No. 1, Volume 2 (109). P. 4—20. DOI: 10.36871 / ek.up.p.r.2021.01.02.001. (In Russian)

Gordienko D.V. (2021) Blizhn vostochnyy komponent politiki SSHA, KNR i Rossiyskoy Federatsii: politika Rossiyskoy Federatsii (chast' 3) [The Middle East component of the policy of the United States, China and the Russian Federation: the policy of the Russian Federation (part 3)], *Economy and management: problems and Solutions*, 2021, No. 2, volume 1 (110). Pp. 124—145. DOI: 10.36871 / ek.up.p.r.2021.02.01.016. (In Russian)

Gordienko D.V. (2021) Latinoamerikanskiy komponent politiki SSHA, KNR i Rossiyskoy Federatsii: politika Rossii [The Latin American component of the policy of the United States, China and the Russian Federation: the policy of Russia], *Economics and Management: Problems and Solutions*, 2021, No. 7, Volume 1 (114). Pp. 120—142. DOI: 10.36871 / ek.up.p.r.2021.07.01.026. (In Russian)

Morozov Yu.V. (2015) Arktika v strategii NATO i napravleniya vzaimodeystviya Rossii s gosudarstvami Severo-Vostochnoy Azii v etom regione [Arctic in NATO strategy and directions of Russia's interaction with the states of North-East Asia in this region], *National interests: priorities and security*. 2015. T. 11.No.17 (302). P. 39—51. (In Russian).

Morozov Yu.V. (2020) Tsentral'naya Aziya kak oblast' stolknoveniya strategicheskikh interesov SSHA, Kitaya i Rossii [Central Asia as an area of collision of strategic interests of the United States, China and Russia], *Problems of the Far East*. 2020. No. 5. P. 6—19. (In Russian)

Morozov Yu.V. (2020) Sovershenstvovaniye vooruzhennykh sil SSHA pod vliyaniem novyshikh tekhnologiy [Improvement of the US Armed Forces under the Influence of the Latest Technologies], *Electronic Journal of Russia and America in the XXI Century*. 2020. No. 2. P. 10. (In Russian).

Frolov I. D. (2018) Vneshnepoliticheskiye interesy Rossii v Yevrope [Foreign policy interests of Russia in Europe], *ANI: Economics and Management*. 2018. No. 1 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskie-interesy-rossii-v-evrope-vliyanie-migratsionnogo-krizisa-v-es-na-postroenie-dvuhstoronnegogo-sotrudnichestva> (accessed: 29 May, 2021) (In Russian).

Remarks by President Biden on America's Place in the World. FEBRUARY 04, 2021. U.S. Department of State Headquarters. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (accessed: 29 May, 2021) (In English).

Vystupleniye Prezidenta Rossii na Myunkhenskoy konferentsii po voprosam politiki bezopasnosti. [Address by the President of Russia at the Munich Conference on Security Policy]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (accessed: 29 May, 2021) (In Russian).

“Bucharest Summit Declaration” NATO, April 3, 2008. URL: https://www.nato.int/cps/us/natohq/official_texts_8443.htm (accessed: 29 May, 2021) (In English)

“Relations With Kazakhstan” NATO, March 26, 2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49598.htm (accessed: 29 May, 2021) (In English)

“Relations With Armenia” NATO, November 8, 2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_48893.htm (accessed: 29 May, 2021) (In English)

Quadrennial Defense Review 2014. U.S. Department of Defense. URL: http://www.defense.gov/pubs/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf (accessed: 29 May, 2021) (In English).

Asia-Pacific Maritime Security Strategy. The US Department of Defense. URL: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/NDAA%20A-P_Maritime_Security_Strategy08142015-1300-FINALFORMAT.PDF (accessed: 29 May, 2021) (In English).

И.Е. Денисов

КОНЦЕПЦИЯ «САМОДОСТАТОЧНАЯ ИНДИЯ» И ЕЕ ВОЗМОЖНОЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС

Аннотация. Перспективы индийского участия в ШОС анализируются в статье не только в традиционной парадигме (динамика отношений в треугольнике Дели — Исламабад — Пекин), но и с учетом более широкого контекста, связанного с фундаментальными изменениями в индийской внутренней политике и внешнеполитической доктрине. Автор выделяет следующие факторы, которые будут влиять на действия Индии в ШОС: *во-первых*, дальнейшее развитие концепции самодостаточности, которая лежит в основе политики Нарендры Моди; *во-вторых*, новые подходы к проблемам региональной интеграции (интеграция с сильных позиций), что наиболее ярко проявилось в отказе Дели присоединяться к Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству (ВРЭП); *в-третьих*, идею центральности, определяющую поиски Индией своего места в региональном порядке. Концепция Atmanirbhar Bharat Abhiyan («Самодостаточная Индия») будет определять пути развития Индии в среднесрочной перспективе, в том числе подходы к сотрудничеству в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Данная концепция не отрицает глобализацию как таковую, но в качестве главной цели провозглашает участие Индии в процессах

глобализации и интеграционных проектах с сильных позиций, а не отводит ей второстепенную роль площадки для реализации амбиций других игроков. Тем не менее гибкие ad hoc партнерства, видимо, все чаще будут возникать в приоритетных для укрепления позиций Индии областях, таких как энергетика, торговля услугами, цифровая экономика, искусственный интеллект и др. В статье предлагается учитывать это при обсуждении вопросов сотрудничества Индии в рамках ШОС.

Автор делает заключение, что для России, развивающей с Индией привилегированное партнерство, важно поддерживать индийское желание выступать в качестве самостоятельного центра силы в азиатской интеграции и в глобальной политике в целом, поскольку это является одним из ключевых факторов недопущения новой биполярности.

Ключевые слова: Индия, Шанхайская организация сотрудничества, Моди, интеграция, безопасность, самодостаточность, Россия, Китай

Автор: Денисов Игорь Евгеньевич, старший научный сотрудник Центра изучения проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН; старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России;
ORCID ID 0000-0001-5447-1164. E-mail: iedenisov@yahoo.com

I.E. Denisov

The concept of «Self-reliant India» and its possible impact on regional security in the SCO region

Abstract. The article analyzes the prospects for Indian participation in the SCO not only in the traditional paradigm (the dynamics of relations in the Delhi — Islamabad — Beijing triangle), but also in the broader context of fundamental changes in Indian domestic policy and foreign policy doctrine. The author identifies the following factors that will influence India's actions in the SCO: (1) further development of the concept of self-reliance, which forms the basis of Narendra Modi's policy; (2) new approaches to the problems of regional integration (integration from a strong position), which was most clearly demonstrated by Delhi's refusal to join the Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP); (3) the idea of centrality, which determines India's search for its place in the regional order. Atmanirbhar Bharat Abhiyan Concept ("Self-reliant India") will determine India's development path in the medium term, including approaches to cooperation within the Shanghai Cooperation Organization.

This concept does not deny globalization as such, but its main goal is to ensure India's participation in globalization and integration projects

from a strong position, rather than to give it a secondary role as a platform for the ambitions of other players. Nevertheless, flexible ad hoc partnerships are likely to emerge more often in priority areas for India, such as energy, trade in services, the digital economy, artificial intelligence, and others. The article suggests that this should be kept in mind when discussing India's cooperation within the SCO.

The author concludes that for Russia, which is developing a privileged partnership with India, it is important to support India's desire to act as an independent center of power in Asian integration and global politics, as this is a key factor in preventing a new bipolarity.

Keywords: India, Shanghai Cooperation Organization, Modi, integration, security, self-reliance, Russia, China

Author: Igor E. DENISOV, Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; Senior Research Fellow, Center for East Asian and SCO Studies, Institute for International Studies at the MGIMO University.

ORCID ID 0000-0001-5447-1164. (e-mail: iedenisov@yahoo.com).

Нынешнее переформатирование подходов Индии к безопасности в регионе и региональной интеграции — часть более глубокого и длительного процесса, ведущие факторы которого связаны с последствиями холодной войны XX в. и упадком Движения неприсоединения. Впоследствии к ним добавился фактор глобального усиления КНР: поиск ответа на политические, экономические и военные вызовы подъема Китая еще долго будет определять стратегические планы Дели. Учитывая масштабы соперничества двух азиатских гигантов, многие индийские подходы продиктованы стремлением зеркально отразить китайские.

К постоянным частям формулы, определяющей индийский взгляд на глобальный и региональный порядок, в последнее время добавляются новые переменные, прежде всего связанные с общей нестабильностью мировой экономики и политики в постковидный период и распадом традиционных производственных цепочек в результате нынешнего кризиса в отношениях КНР и США [Chadha]. Те же проблемы решает и Пекин, однако политический выбор Дели, а также возможное пространство для маневра в решающей степени определяются внутриэкономическими факторами, а не геополитическими построениями.

Замедление экономического роста в самой Индии серьезно пошатнуло уверенность индийской политической элиты в линейном увеличении возможностей страны в регионе, гарантированном региональном лидерстве и достойном месте на мировой арене. Однако от-

существование альтернативного «видения» будущего могло бы отбросить Индию на периферию международной жизни, что *Бхаратия джаната парти*, пришедшая в 2014 г. к власти под лозунгами национализма («Национализм — наше вдохновение. Развитие и хорошее управление — наша цель»), а в 2019 г. закрепившая успех, позволить себе не могла. Все это определяет запрос на новую стратегию и проработку с учетом меняющихся реалий вариантов реагирования на планы других игроков, прежде всего США, Китая, России, Японии, Южной Кореи и государств АСЕАН.

Индо-Тихоокеанская стратегия США усилила балансирующие элементы в индийской внешней политике, но в то же время потребовала от Дели все большей определенности в том, к чему Индия «присоединяется», а к чему «не присоединяется». Это выводит данную тему в центр внешнеполитических дискуссий. В то же время качели индийско-китайских отношений не уменьшали свою амплитуду, двигаясь от понизившего градус напряженности «Уханьского консенсуса» 2018 г. до резкого роста противостояния на линии фактического контроля в Ладакхе и блокирования работы китайских технологических платформ на территории Индии (что имеет и глобальное измерение, поскольку борьба платформ сегодня является, пожалуй, главным чувствительным нервом в отношениях Пекина и Вашингтона) [Joshi; Palit].

На этом сложном и переменчивом общем фоне проблемы региональной интеграции, и в целом участие Индии в многосторонних структурах, таких как ШОС и БРИКС, если не совсем отходят на второй план, то неизбежно включаются индийским политическим руководством и экспертным сообществом в более широкий контекст поиска новой парадигмы развития страны и ее новой геополитической роли. Определяющими становится ревизия концептуальных основ внешней политики (яркий пример подобной манифестации — недавняя книга главы МИД Субраманьяма Джайшанкара *The India Way: Strategies for an Uncertain World* [Jaishankar]) и «пересборка» (или «перезапуск») экономической системы страны в рамках инициативы Нарендры Моди *Atmanirbhar Bharat Abhiyan* (в переводе с хинди — миссия «Самодостаточная Индия»).

Высокая частотность упоминаний данной инициативы представителями индийского истеблишмента говорит о том, что, несмотря на существующую критику и некоторые скептические голоса в деловой прессе, именно она будет определять пути развития Индии в среднесрочной перспективе, в том числе подходы к сотрудничеству в рамках

Шанхайской организации сотрудничества. Соотношение «самодостаточности» и «включенности» в регион, в котором уже реализуется несколько многосторонних интеграционных проектов и инициатив в сфере безопасности, требует более детального анализа. Таким образом, перспективы индийского участия в ШОС анализируются нами не только в традиционной парадигме (динамика отношений в треугольнике Дели—Исламабад—Пекин), но и с учетом более широкого контекста, связанного с фундаментальными изменениями в индийской внутренней политике и внешнеполитической доктрине.

Стоит учитывать следующие факторы, определяющие действия Индии в ШОС:

- дальнейшее развитие концепции самодостаточности, которая лежит в основе политики кабинета Н. Моды;
- новые подходы к проблемам региональной интеграции (интеграция с сильных позиций), что наиболее ярко проявилось в отказе Дели присоединяться к Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству (ВРЭП);
- идею центральности, определяющую поиски Индией своего места в региональном порядке.

Самодостаточность: индийская мечта

В развернутом виде концепция *Atmanirbhar Bharat Abhiyan* была выдвинута в обращении Нарендры Моды к нации 12 мая 2020 г., посвященном новым мерам по восстановлению индийской экономики и устранению негативных последствий вспышки коронавирусной инфекции [*PM Modi's Atmanirbhar Bharat...; English Rendering...*]. Однако в ряде последующих выступлений премьер-министр дал понять, что достижение «самодостаточности» являлось политическим приоритетом в последние 5—6 лет, коронавирус же лишь стал мощным стимулом, заставившим правительство ускорить реализацию этой задачи.

Любопытно, что в Китае для перевода названия *Atmanirbhar Bharat Abhiyan* используется китайское выражение из четырех иероглифов *цзы ли гэн шэн* (опираться на собственные силы) — лозунг, который широко присутствовал в политическом дискурсе в различные исторические периоды — от антияпонской войны до культурной революции — и во всех случаях означал курс на самоусиление и национальную консолидацию перед лицом внешних вызовов. Поиск путей

«расцепки» (decoupling) китайской и американской экономик и ответ на давление США на китайские высокотехнологичные компании также происходят на основе переосмысления этой старой политической формулы.

Параллели между концепцией «китайской мечты» Си Цзиньпина, в основе которой лежит идеологема о великом возрождении китайской нации, с одной стороны, и новой философией развития Моди — с другой, также очевидны. Как современное стратегическое мышление в КНР, так и нынешнее теоретическое строительство «индийского пути» в своей основе имеют сильный традиционный элемент: обращение к теме возрождения былого величия, к силе национального духа, к преодолению колониальной и постколониальной слабости (для Китая символом неравноправного положения среди других держав является период так называемого столетнего унижения).

Индийский взгляд в будущее в хорошем смысле консервативен, поскольку истоком нынешней силы также видит прошлое и основывается на «культурном коде». Неслучайно лозунг о «самодостаточной Индии» был сформулирован на санскрите, а в книге С. Джайшанкара постулаты современной внешней политики обосновываются частыми ссылками на «Махабхарату». В контексте инициативы Atmanirbhar Bharat Abhiyan в Индии сегодня упоминаются антиколониальные идеи *свадешии*, а в кругах националистической индуистской партии *Раштрия сваямсевак сангх* (Союз добровольных слуг Родины) необходимость выдвижения нового курса объясняют тем, что пандемия выявила ограничения в идеологиях как глобального капитализма, так и глобального коммунизма, то есть речь идет об особом, «третьем пути».

Политический же смысл индийских рассуждений, правда, удивительным образом совпадает с нарративом «новой эпохи социализма с китайской спецификой». В уста Нарендры Моди и других политиков из его окружения вполне можно вложить известное выражение Си Цзиньпина, обосновывающее необходимость китайского модернизационного рывка, о том, что за отсталость бьют и только развитие ведет к самоусилению. И это будет смотреться вполне органично.

Традиционалистский идеологический дискурс, тем не менее, сопровождается экономической программой, весьма далекой от автаркических моделей, то есть в целом Atmanirbhar Bharat Abhiyan не отрицает глобализацию как таковую, но в качестве главной цели провозглашает участие Индии в процессах глобализации и интеграционных проектах с сильных позиций, а не отводит ей второстепенную роль площадки для реализации амбиций других игроков. Хотя доля

протекционизма здесь присутствует, однако, согласно официальной позиции, основной акцент делается не на возведении барьеров для «чужих», а на повышении возможностей собственных компаний (меры по дерегуляции сельскохозяйственного сектора; поощрение частной инициативы в добывающей промышленности; деbüroкратизация госаппарата).

Здесь также можно наблюдать явную переключку с ответом Пекина на унилатерализм Трампа и коронакризис. В последних китайских концептуальных документах новая модель развития получила название «двойной циркуляции» (*шуансюньхуань*), где в центре находятся интересы внутреннего рынка, который при этом не является закрытым, а внутренний и зарубежный рынки стимулируют друг друга. Особое внимание уделяется повышению гибкости и работоспособности системы управления в целом, продвижению инноваций, созданию новых точек роста. Вопрос, удастся ли Дели найти свой рабочий вариант «двойной циркуляции», остается открытым, во всяком случае судьба присоединения Индии к ВРЭП показывает, что стремление к «самодостаточности» может входить в противоречие с интересами других акторов, а поиск модели согласования внутреннего и внешнего контуров оказывается для индийской бюрократии непростой задачей. В значительной степени эта дилемма в среднесрочной перспективе будет определять и параметры взаимодействия Индии с государствами — членами ШОС.

Интеграция с сильных позиций: чем не устроило ВРЭП

Как пояснил в одном из выступлений в сентябре 2020 г. министр торговли и промышленности Шри Гоял, Индия должна взаимодействовать с мировой экономикой, имея сильные позиции, предлагая конкурентоспособную по стоимости продукцию высокого качества. При этом, как отметил чиновник, Индия не выиграла от ранее заключенных соглашений о зонах свободной торговли (ЗСТ), и эта историческая ошибка должна быть исправлена [Shri Piyush Goyal says...].

Разочарование индийского руководства по поводу двусторонних соглашений о ЗСТ, которые стали активно заключаться после вступления Индии в ВТО в 1995 г., распространяется и на многосторонние интеграционные объединения в АТР. Выход из сделки по ВРЭП также мотивируется тем, что индийские озабоченности не были учтены при обсуждении условий участия Индии в этой структуре, то есть

вступление проходило со слабых позиций и целые сектора индийской экономики в результате могли бы серьезно пострадать. «Прошли те времена, когда индийские переговорщики уступали давлению со стороны мировых держав по вопросам торговли», — рассказали информационному агентству *PTI* неназванные правительственные источники после срыва переговоров [India will not join RCEP...].

Предполагается, что в рамках *Atmanirbhar Bharat Abhiyan* Индия будет более последовательно отстаивать свои интересы, а также добиваться нового качества интеграции, прежде всего с ведущими западными экономиками.

В данном случае также есть некоторые элементы сходства с последними китайскими подходами, согласно которым инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) от экспоненциального расширения подписанных меморандумов, соглашений и начатых проектов, в основном в развивающихся странах, должна перейти к этапу «качественного роста», то есть расширению партнерств с развитыми экономиками при сохранении присутствия в других странах, которое часто мотивировано политически, а не экономически. Если говорить о развитых экономиках, Китай сегодня проявляет наибольший интерес к расширению инвестиций на рынках стран Евросоюза, индийские же чиновники называют в числе перспективных партнеров США, Великобританию и ЕС.

Обоюдное стремление к качественной интеграции потенциально может стать причиной конфликта китайских и индийских интересов внутри ШОС, хотя столкновения в этой сфере, вероятно, не будут перевешивать остроту конкуренции в стратегической области, которая определяется сохраняющимся глубоким недоверием сторон друг к другу. Кроме того, продуманной позитивной повестки, каким образом успешно и эффективно интегрироваться в региональную экономику и добиваться качественных партнерств глобально, одновременно защищая свой рынок и своих производителей, индийское руководство пока не выдвинуло.

Хотя формально Китай, как и другие участники ВРЭП, заявлял, что Дели может вернуться к обсуждению технических условий своего присоединения к соглашению в любой момент, китайские переговорщики, как представляется, довольны уходом индийцев. Наибольшие потери понесли, видимо, Япония и Австралия, которые усматривали в индийском участии противовес Китаю. В свою очередь, выход Дели из переговоров по ВРЭП был использован Пекином для того, чтобы вновь подчеркнуть слабость Индии как регионального игрока и тем

самым заранее попытаться ослабить индийские позиции (соответственно и элементы возможного сдерживания Китая) в любых будущих интеграционных конструкциях.

В частных беседах китайские эксперты признают, что работа в рамках ВРЭП действительно могла привести к краткосрочным издержкам для Индии, однако в долгосрочной перспективе это было бы полезным для индийской экономики, особенно для сильного индийского сектора услуг, поэтому решение Нарендры Моды представляется им «выстрелом в ногу». Местами китайские аналитики проводят прямые параллели с политикой Дональда Трампа *America First*, которая привела к выходу США из переговоров по Транстихоокеанскому партнерству (ТТП) и отказу от участия в ряде институтов глобального управления.

При некоторой натянутости подобных аналогий завышенные требования Дели, кроме очевидной экономической слабости в виде растущего торгового дефицита, демонстрируют определенную стратегическую растерянность индийского руководства, а также противоречат ряду провозглашаемых в рамках политики *Act East* политических констант, например центральной роли АСЕАН. Асеановцы также не в восторге от отказа Дели от продолжения переговоров по ВРЭП, и это чувство разочарования может успешно эксплуатироваться Пекином.

Линия аргументации, адресованной государствам АСЕАН и другим партнерам по ВРЭП, может быть примерно такой (эти ключевые тезисы проговариваются рядом полуофициальных китайских экспертов):

1) Индия дистанцируется от цепочек стоимости азиатской экономики и всегда хочет многого от присоединения к многосторонним интеграционным структурам, отдавая минимум;

2) правительство Моды не в состоянии сбалансировать свои краткосрочные интересы и долгосрочные экономические дивиденды, а также гармонизировать региональные и общие интересы;

3) антикитайски заостренный протекционизм Индии наносит ущерб не только Китаю, но в не меньшей мере компаниям третьих стран, например Японии и Южной Кореи, поскольку цепочки поставок ведущих экономик Восточной Азии тесно связаны друг с другом.

Кроме того, ситуация дает Пекину возможность лишний раз подчеркнуть преимущества своей открытой модели экономического развития, которая не отгораживает рынок от внешней конкуренции. Вероятно, в дискуссиях на шосовских площадках Китай также будет обращать на это внимание. Сумеет ли Дели что-то противопоставить

китайскому нарративу, зависит не столько от идеологов «индийского пути», сколько от практической дипломатии, и особенно от успеха внутренних реформ.

В книге С. Джайшанкара рассуждения о ВРЭП отсутствуют совсем. Это может означать, что проект не просто поставлен на паузу, а полностью свернут для Индии. Хотя, возможно, речь идет о нежелании выносить обсуждение этой острой проблемы в публичное пространство. В любом случае, такая фигура умолчания не может не вызывать вопросы: если модель ВРЭП не подходит по ряду причин для Дели, каким образом Индия будет утверждать свое региональное лидерство, и возможна ли многосторонняя структура в Евразии с индийской центральностью или достаточно сильными позициями, при этом обеспечивающая баланс внутриэкономических и внешнеполитических интересов. Четкой рефлексии по этому поводу, похоже, нет, однако некоторые варианты индийских действий угадываются.

Поиски индийской центральности

В программной работе С. Джайшанкара вопросы региональной интеграции и логистической связанности в основном рассматриваются применительно к Индийскому океану, который, естественно, находится в центре любых индийских калькуляций, и не только геоэкономических, но и геополитических.

Дипломат констатирует, что Южная Азия входит в число наименее интегрированных регионов мира. Поскольку субконтинент расположен в центре Индийского океана, данная дисфункциональность непосредственно затрагивает более обширное пространство, которое, как подчеркивается автором, является средоточием индийских стратегических интересов [Jaishankar, p. 188].

Вопрос: с помощью каких институтов, механизмов и платформ эти интересы реализовывать. С. Джайшанкар признает, что в иной ситуации приоритетом индийских интеграционных усилий была бы Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК).

Действительно, первый срок Нарендры Моди на посту премьера начался под знаком повышенного внимания к СААРК. На инаугурацию премьера были приглашены лидеры Афганистана, Бангладеш, Бутана, Непала, Пакистана и Шри-Ланки, представлявшие всех членов организации. Однако обострение отношений с Пакистаном в 2016 г. и возвращение риторики о поддержке Исламабадом трансгра-

ничного терроризма, направленного в том числе против Индии, положили конец индийским планам оживить деятельность СААРК. В книге С. Джайшанкара, без прямого упоминания Пакистана, эти претензии высказываются: говорится о решительном противодействии основной повестке СААРК со стороны одного государства, которое действует вопреки интересам сотрудничества.

Инаугурация второго срока прошла уже с приглашением стран — членов BIMSTEC (созданного в 1997 г. объединения стран, расположенных на побережье Бенгальского залива или тесно с ним связанных: Бангладеш, Бутан, Индия, Непал и Шри-Ланка). Это ясно обозначало приоритет региональной политики в ходе второго срока Н. Моды, но С. Джайшанкар пишет о перспективах BIMSTEC довольно сдержанно, и поворот в сторону Бенгальского залива выглядит у него скорее тактической и временной мерой, хотя и отвечает общему стремлению Индии расширять политическое и экономическое влияние в своем ближайшем окружении. С учетом напряженных отношений с Исламабадом это еще и возможность усилить свои позиции в регионе, изолируя Пакистан.

Между тем традиционное взаимодействие в рамках BIMSTEC для Дели явно не является приоритетом и частью длительной и важной игры с целью укрепления позиций в глобальной экономике, которая все более становится игрой с постоянно меняющимися правилами. Недоверие к жестким договоренностям и устоявшимся структурам сквозит в рассуждениях С. Джайшанкара о нынешней системе международных отношений и задачах индийской внешней политики. Частая смена приоритетов и гибкие договоренности, роль агрегатора двусторонних и многосторонних инициатив в нынешних условиях является не недостатком, а, наоборот, острой необходимостью и единственно правильной стратегией, поскольку, как полагает глава МИД Индии, решающее значение для успеха государства сегодня приобретает способность успешно управлять конфликтующими приоритетами. «Индийским политикам, возможно, следует задуматься о достоинствах большего реализма в подходе к мировым делам. В значительной степени это вынужденная мера, навязанная им глобальными событиями», — отмечает С. Джайшанкар [Jaishankar, p. 111].

С точки зрения индийского политика, нынешнее состояние глобальных дел можно охарактеризовать как «сумеречный мир», который полон частичных договоренностей и ограниченной повестки дня. Обстановка требует не четких договоренностей, а гибких соглашений, адаптированных к конкретной проблематике. Переосмысле-

нию подвергается и принцип неприсоединения, лежащий в основе независимой политики Индии, который сегодня реализуется в виде «множественных партнерств».

Дублируя некоторые китайские подходы, Индия, тем не менее, пытается отстроиться от «планетарных» устремлений Пекина, не собираясь создавать свою «большую стратегию», но подчеркивая желание как крупная ответственная держава способствовать устойчивому развитию. Об этом говорят последние инициативы Дели, которые, в отличие от ОПОП, носят «точечный характер», предельно конкретны и крайне актуальны как для развивающихся, так и для развитых стран. В качестве примеров можно назвать International Solar Alliance (солнечная энергетика) и Global Coalition for Disaster-Resilient Infrastructure (строительство инфраструктуры, устойчивой к стихийным бедствиям).

Нынешнему этапу глобализации соответствует состояние, которое глава МИД Индии назвал «транзакционным базаром» [Jaishankar, p. 28], при этом взаимодействие. Дели с другими игроками будет характеризоваться формулой «Сближение со многими, но совпадение ни с одним».

Выводы

Суммируя новые подходы правительства Нарендры Моди к проблеме общего позиционирования Индии в региональном и глобальном порядке, можно сделать следующие выводы.

В условиях «подвижности» нынешней системы международных отношений как общие задачи индийской дипломатии, так и планы Дели в Евразии будут включать в себя быструю перегруппировку интересов и партнеров, попытки взаимодействовать с соперничающими сторонами для достижения оптимальных результатов, стремление к эффективному управлению рисками и неопределенностями.

Именно таким образом планируется обеспечить интеграцию с сильных позиций в духе курса «Самодостаточная Индия», при этом разочарование переговорами по ВРЭП на некоторое время может заставить Индию воздерживаться от присоединения к структурам, действующим на основе жестких правил. Будет сохраняться настороженное отношение к китайской инициативе ОПОП. Тем не менее гибкие ad hoc партнерства, видимо, все чаще будут возникать в приоритетных для укрепления позиций Индии областях, таких как энергетика, торговля услугами, цифровая экономика, искусственный интеллект и

др. Этим следует воспользоваться в ходе обсуждения сотрудничества на площадках ШОС.

Взаимодействие Индии с традиционными региональными интеграционными объединениями будет проходить по гибкой и прагматичной повестке, подчеркивающей индийские преимущества. Так, во взаимодействии с АСЕАН Индия будет акцентировать свою приверженность многополярности, подчеркивая поддержку центральной роли организации в регионе. Для Москвы, развивающей с Дели привилегированное партнерство и приветствующей расширение участия Индии в ШОС и создание зоны свободной торговли с ЕАЭС, важно поддерживать индийское желание выступать в качестве самостоятельного центра силы в азиатской интеграции и в глобальной политике в целом, поскольку это является одним из ключевых факторов недопущения новой биполярности.

Следует учитывать, что индийско-китайские противоречия не разрешатся в обозримой перспективе; последние инциденты на границе лишь усилили недоверие сторон друг к другу, а новая промышленная политика кабинета Н. Моди направлена в том числе на сдерживание Китая. Индия отказалась направить воинский контингент на международные учения «Кавказ-2020», которые прошли в сентябре 2020 г. в России. В качестве причины Министерство обороны Индии назвало логистические трудности, связанные с пандемией, однако в комментариях индийской печати отмечалось, что причины носили политический характер и связаны со сложными отношениями с двумя партнерами по ШОС — Китаем и Пакистаном [Peri; Philip].

Необходимо акцентировать самостоятельное значение для России партнерства с Индией, предпринимать активные действия для корректировки бытующей в индийской экспертной среде искаженной картины российско-китайских отношений, пытаться сглаживать индийско-китайские трения внутри ШОС и БРИКС, акцентируя внимание на позитивной экономической повестке (в том числе в рамках заявленных Дели приоритетов — солнечная энергетика и строительство инфраструктуры, устойчивой к стихийным бедствиям).

Библиографический список

Chadha, Astha. India's COVID-19 Strategy and implications for its relations in the Indian Ocean // *Ritsumeikan Journal of Asia Pacific Studies.* 2021. Vol. 39. № 1. P. 81—104. DOI:10.34409/rjaps.39.01_82.

English Rendering of the Text of Prime Minister Shri Narendra Modi's address to the Nation on All India Radio. URL: https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/english-rendering-of-the-text-of-prime-minister-shri-narendra-modis-address-to-the-nation-on-all-india-radio (дата обращения: 01.07.2021).

India will not join RCEP trade deal, my conscience won't allow it, says PM Modi // The Print. URL: <https://theprint.in/diplomacy/india-will-not-join-rcep-deal-my-conscience-wont-allow-says-pm-modi/315636/> (дата обращения: 01.07.2021).

Jaishankar, Subrahmanyam. The India Way: Strategies for an Uncertain World. Harper Collins, 2020. p.240.

Joshi, Manoj. The Wuhan summit and the India—China border dispute // ORF Special Report. 2018. Vol. 62. URL: https://www.orfonline.org/wp-content/uploads/2018/06/ORF_Special_Report_62_Wuhan.pdf (дата обращения: 01.07.2021).

Palit, Amitendu. Economics & Politics in China-India Relations: New Developments and Emerging Issues // Acta Via Serica. 2020. Vol. 5. № 2. P. 91—110. DOI: 10.22679/AVS.2020.5.2.004.

Peri, Dinakar. India decides to pull out of Kavkaz 2020 military exercise on Russia due to Chinese participation // The Hindu. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/india-decides-to-pull-out-of-kavkaz-2020-military-exercise-on-russia-due-to-chinese-participation/article32475212.есе> (дата обращения: 01.07.2021).

Philip, Snehes Alex. India withdraws from Russia military exercise, participation of China & Pakistan a factor // The Print. URL: <https://theprint.in/defence/india-withdraws-from-russia-military-exercise-participation-of-china-pakistan-a-factor/491814/> (дата обращения: 01.07.2021).

PM Modi's Atmanirbhar Bharat Abhiyan economic package: Here is the fine print URL:<https://indianexpress.com/article/explained/narendra-modi-coronavirus-economic-package-india-self-reliance-6406939> (дата обращения: 01.07.2021).

Shri Piyush Goyal says the Government is working with states & local bodies to make it easier to start a business. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?P RID=1653140> (дата обращения: 01.07.2021).

References

Chadha, Astha. (2021). India's COVID-19 Strategy and implications for its relations in the Indian Ocean, *Ritsumeikan Journal of Asia Pacific Studies*, 39(01):81—104. DOI:10.34409/rjaps.39.01_82.

English Rendering of the Text of Prime Minister Shri Narendra Modi's address to the Nation on All India Radio. URL: https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/english-rendering-of-the-text-of-prime-minister-shri-narendra-modis-address-to-the-nation-on-all-india-radio (accessed: 1 July, 2021).

India will not join RCEP trade deal, my conscience won't allow it, says PM Modi, The Print URL: <https://theprint.in/diplomacy/india-will-not-join-rcep-deal-my-conscience-wont-allow-says-pm-modi/315636/> (accessed: 1 July, 2021).

Jaishankar, Subrahmanyam. (2020). *The India Way: Strategies for an Uncertain World.* Harper Collins, 240 p.

Joshi, Manoj. (2018). The Wuhan summit and the India—China border dispute, *ORF Special Report*, 62 URL:https://www.orfonline.org/wp-content/uploads/2018/06/ORF_Special_Report_62_Wuhan.pdf (accessed: 1 July, 2021).

Palit, Amitendu. (2020). Economics & Politics in China-India Relations: New Developments and Emerging Issues, *Acta Via Serica*, 5(2):91—110. DOI:10.22679/AVS.2020.5.2.004

Peri, Dinakar. (2020). India decides to pull out of Kavkaz 2020 military exercise on Russia due to Chinese participation, *The Hindu*. URL:<https://www.thehindu.com/news/national/india-decides-to-pull-out-of-kavkaz-2020-military-exercise-on-russia-due-to-chinese-participation/article32475212.ece> (accessed: 1 July, 2021).

Philip, Snehash Alex. (2020). India withdraws from Russia military exercise, participation of China & Pakistan a factor, *The Print*. URL:<https://theprint.in/defence/india-withdraws-from-russia-military-exercise-participation-of-china-pakistan-a-factor/491814/> (accessed: 1 July, 2021).

PM Modi's Atmanirbhar Bharat Abhiyan economic package: Here is the fine print URL:<https://indianexpress.com/article/explained/narendra-modi-coronavirus-economic-package-india-self-reliance-6406939/> (accessed: 1 July, 2021).

Shri Piyush Goyal says the Government is working with states & local bodies to make it easier to start a business. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1653140> (accessed: 1 July, 2021).

С.В. Уянаев

НЫНЕШНИЕ ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ШОС И РИК

Аннотация. В 2021 г. отмечается 20-летний юбилей ШОС и такая же дата в развитии трехстороннего формата «Россия—Индия—Китай» (РИК). Обе структуры являются сегодня важными факторами международной жизни. В связи с юбилеем автор анализирует результаты развития обеих структур, фокусирует внимание на стоящих перед ними вызовах. Делается ряд выводов, которые сводятся к следующему.

Одним из главных мотивов создания ШОС стала необходимость обеспечить в постсоветской Центральной Азии взаимоприемлемый баланс сил, прежде всего между РФ и КНР. Практика российско-китайского взаимодействия в ШОС показывает, что данная задача остается актуальной и сегодня.

Вызовами в развитии ШОС являются: слабая экономическая повестка, недостаток заметных многосторонних проектов; определенные различия, существующие между участниками в оценках тех или иных событий или процессов (концепции «Пояс и путь», Индо-Тихоокеанского региона и т. п.).

Структура РИК в нынешнем столетии стала одним из инструментов формирования многополярного мира, тем самым доказывая актуальность своего дальнейшего развития. В РИК достаточно успешно продвигается внешнеполитическая повестка. Важную роль играет возможность трехстороннего взаимодействия в рамках ШОС и БРИКС. Однако слабым звеном, так же как и в ШОС, служит отсутствие общих для всей «Большой тройки» экономических и других практических действий. Вызовами для РИК служит «американский фактор», а также риски критического обострения китайско-индийского спора по границе.

И ШОС, и РИК, несмотря на нерешенные вопросы, остаются важными для РФ структурами, имеют те или иные возможности для дальнейшего развития.

Ключевые слова: ШОС, РИК, Россия, Китай, взаимодействие, результаты, вызовы, внешняя политика, экономика.

Автор: Уянаев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, заместитель директора, Институт Дальнего Востока РАН. E-mail: svuyav@yahoo.com

S.V. Uyanaev

Current challenges and prospects for the development of the SCO and the RIC

Abstract. The year of 2021 marks the 20th anniversary of the formation of the SCO and the same date in the development of the Russia-India-China (RIC) trilateral format. Today both structures seem to be important factors in international life. In connection with the anniversaries, the author analyzes the results of the development of both structures, focuses on the challenges they face. Some conclusions are made, which boil down to the following.

One of the main motives behind the creation of the SCO has been the need to ensure a mutually acceptable balance of power in post-Soviet Central Asia, primarily between the Russian Federation and the PRC. The practice of Russian-Chinese cooperation in the SCO shows that this task remains relevant today also.

The challenges in the development of the SCO are a weak economic agenda, a lack of noticeable multilateral projects, some differences existing among the participants in assessing certain events or processes (the concepts of the Belt and Road, the Indo-Pacific region, etc.).

The structure of the RIC in this century has become one of the tools for the formation of a multipolar world and thus proving the relevance of its further development. The RIC is quite successfully selling foreign policy agenda. An important role is played by the possibility of trilateral interaction within the SCO and BRICS. However, the weak link, as well as in the SCO, is the absence of economic and other practical actions and initiatives common for the all “Big three”. The challenges for the RIC are the “American factor”, as well as the risks of a critical aggravation of the Sino-Indian dispute over the border.

Both the SCO and the RIC, despite unresolved issues, remain important structures of interaction for the Russian Federation, and have certain opportunities for further development.

Keywords: SCO, RIC, Russia, China, interaction, results, challenges, foreign policy, economy.

Author: Sergey V. UYANAЕV, Ph.D. (History), Leading Researcher, Institute of the Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: svuyav@yahoo.com).

В текущем году исполняется 20-летие со времени образования Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Естественно, что эта дата, как и любой юбилей, служит хорошим поводом для подведения итогов, для анализа как достижений, так и еще нерешенных задач.

ШОС: мотивы образования и общие задачи

Чтобы ответить на вопрос, что такое ШОС сегодня, нужно, полагаем, вспомнить основные причины и предпосылки возникновения Организации. Не забудем, что лишь к началу 1990-х, после 30 лет противостояния, произошла формальная нормализация советско-китайских отношений. Но сразу вслед за этим случился распад СССР, что породило много неопределенностей. В частности, остался незавершенным процесс договорного разграничения в западном секторе бывшей советско-китайской границы, которая с 1992 г. стала границей между КНР и новыми государствами Центральной Азии (ЦА). Не случайно именно для решения этого вопроса была образована «Шанхайская пятёрка», причем неизбежное участие в этом процессе принимала Новая Россия.

К 1996 г. решение этих вопросов было завершено. Но стало ясно, что с точки зрения упомянутых неопределенностей сложившийся формат «пятёрки» идеально подходил и для решения более широкой и системной задачи — поиска общего и системного баланса сил в Центральной Азии в постсоветский период. И пограничное урегулирование сыграло здесь роль лишь начального этапа.

Понятно, что Россия и Китай не могли не быть главными игроками в этом балансе. Разумеется, самостоятельными факторами выступали также интересы новых государств, а также внешнее влияние. К 1996 г. сформировался прообраз новой организации с задачей обеспечения стабильности в Центральной Азии, а вскоре была создана и ШОС в виде наднациональной организации, уже с шестью участниками.

Иными словами, задача оптимального балансирования региональных интересов РФ, КНР и новых государств изначально стала одной из основных предпосылок и целей образования ШОС.

Позднее диалог в ШОС диверсифицировался, сложился вокруг сразу нескольких повесток — вначале безопасности, а затем и экономики, гуманитарного сотрудничества. Более того, некоторые наблюдатели стали говорить о ШОС как об альтернативной Западу структуре. Однако задачи обеспечения внутреннего для зоны ШОС баланса интересов, в том числе между наиболее крупными игроками, сохраняют свое значение и сегодня.

Взгляд из Пекина и Москвы

Приведенная выше оценка выглядит дополнительно оправданной, если рассматривать отдельно те подходы к сущности, целевым задачам и перспективам ШОС, которые формировались в КНР и остаются актуальными на сегодняшний день.

И по внутренним, и по внешним обстоятельствам (дискредитация коммунистической модели, идеологические риски, вероятность турбулентности в западном приграничье, в том числе на границах с новыми странами ЦАР) распад СССР явился для Китая шоком и вызовом.

Но одновременно открывались и шансы — в частности, для усиления влияния и участия в делах Центрально-Азиатского региона (ЦАР), в том числе с точки зрения ресурсного обеспечения развивающейся экономики страны, в частности углеводородами.

При этом в КНР, надо полагать, хорошо понимали, что в любом случае реализовать эти шансы и обеспечить в ЦАР по возможности наиболее благоприятный для себя новый баланс сил и интересов будет невозможно без учета позиций России, которая, несмотря на распад СССР, сохраняла в регионе значительное влияние. А для этого важно было найти некие новые алгоритмы и форматы взаимодействия с РФ. И необходимость в этот период завершить пограничное размежевание на западных границах КНР, в том числе в рамках формата 4+1 и возникшей на его основе «Шанхайской пятерки», как раз объективно содействовала такой задаче.

В этом смысле обозначенная выше общая для всех региональных игроков задача обеспечения оптимального/выгодного баланса сил применительно к КНР была отчетливо актуальной, служила импульсом для активности, приведшей в итоге к превращению «пятерки» в полноформатную организацию.

Чтобы, связывая создание ШОС с центральноазиатским измерением отношений КНР и Новой России, не быть голословными, вспомним слова, сказанные в июне 2001 г., в канун создания ШОС, тогдашним председателем КНР Цзян Цзэмином. На приеме в честь президента РФ руководитель КНР отметил, что создаваемая организация «будет иметь важное значение <...> для развития наших двусторонних отношений» [President Jiang Zemin ...]. В этом контексте важен также тот факт, что буквально через месяц после создания ШОС в Москве был подписан большой базовый Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. Он и ныне служит юридической базой отношений двух стран.

При этом нельзя не заметить, что на этапе формирования ШОС КНР де-факто перехватила инициативу, расположив у себя руководящий орган и, соответственно, дав само название организации. Такие шаги выглядели последовательными и логичными: опираясь на статус совместного, прежде всего с РФ, сотрудничества в Организации, Китай получал легитимную возможность широко развивать двусторонние отношения со странами важного для него региона, исподволь продвигать выгодную ему многостороннюю повестку, добившись на нынешний день заметных успехов.

Так, с точки зрения вопросов безопасности КНР удалось внедрить в повестку ШОС свое понимание главных угроз в виде концепции борьбы трех зол — терроризм, экстремизм, сепаратизм, что отвечало задаче купирования главной для Китая угрозы — подпитки и поддержки из ЦАР уйгурского этносепаратизма.

С точки зрения экономики интерес КНР к ЦАР был изначально сосредоточен, в частности, в энергетическом секторе. За годы существования ШОС при любом развитии ее многосторонней повестки Китаю удалось выстроить двусторонние отношения со странами региона таким образом, что, скажем, уже в 2019 г. из ЦАР в КНР поступило 43,3 млрд куб. м природного газа, которые составили свыше 90 % трубопроводного и порядка трети всего (вместе с LNG) импортировавшегося Китаем «голубого топлива» [BP Statistical Review..., p. 40, 43] . В 2019 г. Китай импортировал около 507,2 млн т нефти [BP Statistical Review..., p. 30]. И пусть доля, приходящаяся на ЦАР, сейчас невелика (порядка 4 %), но за время существования ШОС через двусторонние отношения Китай заложил нужную инфраструктуру, и она способна дать бóльшую отдачу.

Кроме того, во многом за счет ШОС реализуются цели по культурно-гуманитарному влиянию. Речь не только о китайских грантах,

обменах, но и о неустанно продвигаемых принципах «шанхайского духа» («взаимное доверие», «взаимная выгода», «равенство», «сотрудничество», «уважение многообразия культур», «стремление к совместному развитию»), за которыми угадывается желание напомнить о «высоких и благородных» региональных целях Китая. В последние годы эти принципы тесно связаны системной концепцией «общей исторической судьбы». В сумме все это призвано подчеркнуть естественность и продуктивность китайского присутствия в регионе, способствовать укреплению здесь экономических и политических позиций КНР, в том числе в контексте продвижения концепции «Пояс и путь».

Думается, что фактор существования ШОС с ее регулярными и многоуровневыми и многопрофильными встречами, в том числе с российскими руководителями и представителями, как минимум сопутствовал перечисленной региональной активности Китая, купируя риски ее перетекания в некую конфликтную плоскость.

Не случайно, что важность центральноазиатской повестки в диалоге с РФ в Китае не перестают подчеркивать и ныне. Пусть и несколько иносказательно, но по существу именно эту мысль вновь, в связи с очередным саммитом ШОС в Китае, отметила «Жэньминь жибао»: «На базе Шанхайской организации сотрудничества Китай и Россия продолжают связывать собственную безопасность с безопасностью региональных стран, выступают за взаимодействие на основе новой концепции безопасности» [Ли Юнхуэй].

В любом случае, пытаясь говорить объективно, нельзя еще раз (теперь уже под «китайским углом») не констатировать, что Шанхайская организация сотрудничества, унаследовав опыт и наработки «Шанхайской пятерки», на годы вперед нашла себя в востребованной роли площадки для многоаспектного совмещения интересов, в том числе (или прежде всего) между Китаем и РФ.

При любом взгляде процесс формирования ШОС для РФ — это было не худшим развитием событий. Причем по двум причинам: сложился негласный, выгодный и РФ, и КНР совместный подход по поводу недопуска в ЦА внерегиональных сил; в ШОС был принят принцип консенсусного голосования. За скобками остается тема отсутствия у РФ реальной приемлемой региональной альтернативы, которая даже теоретически позволила бы ей сохранить в регионе полное влияние времен СССР.

Как бы то ни было, через Устав и Хартию ШОС 20 лет назад были определены и прописаны правила новой региональной (в хорошем смысле) игры, уже неминуемо наступившей к тому моменту в ЦАР.

Рассмотрение всей последующей институциональной и функциональной эволюции в ШОС под этим углом зрения (в контексте поиска и обеспечения приемлемого баланса прежде всего российско-китайских интересов, причем на фоне растущей мощи, влияния и амбиций Китая) способно дать хорошую пищу для оценок и размышлений.

ШОС и концепция «Пояс и путь»

Примером взаимосвязи между российско-китайской двусторонней повесткой и развитием ШОС является ситуация вокруг китайской инициативы «Пояс и путь» (ИПП).

Казалось бы, с точки зрения узловой идеи ИПП — принципа всестороннего взаимодействия — ШОС как уже сформировавшаяся организация на пространстве Центральной Азии могла бы стать естественной площадкой сотрудничества. Тем более что именно ЦА изначально рассматривалась как первоочередной регион реализации данной китайской идеи, а все 18 участников ШОС (включая наблюдателей и партнеров по диалогу) географически причисляются Китаем к странам прохождения Нового шелкового пути.

Однако реальная практика сложилась иначе. И причиной стал сам ход развития в ШОС процессов экономического взаимодействия, в котором достаточно давно подспудно выявились расхождения интересов. Не секрет, что во многом эти расхождения связаны с позицией, с одной стороны, КНР, которая не первый год ратует в ШОС за скорое создание региональной зоны свободной торговли и снятие торговых барьеров, с другой — России, заявляющей, что время для этого еще не пришло. Когда в 2013 г. Китай, явно разочарованный экономической повесткой ШОС, выступил с концепцией «Пояс и путь», в которой вопросы торговых свобод были еще более акцентированы, стало ясно, что разница в подходах вряд ли может уменьшиться.

Стремясь избежать обострений, стороны проявили стремление к компромиссу, и в итоге он был найден. Суть его в том, что де-факто ШОС при молчаливом согласии сторон как бы выведена из реальной игры. Взаимодействие по китайской инициативе осуществляется в виде «сопряжений» — либо по линии ЕАЭС/РФ — КНР, либо по двусторонним линиям КНР—страны региона. При этом Китай вполне удовлетворен, что ШОС в своих декларациях поддерживает ИПП, не

осложняя, как и раньше, двустороннее взаимодействие КНР со странами региона; Россия по-прежнему сохраняет рычаги продвижения позиции о «преждевременности» создания на пространстве ШОС масштабной ЗСТ.

Именно по этой схеме и развивается нынешняя ситуация. Китай реализует экономические проекты под флагом ИПП в упоре на двусторонний формат (двусторонние «сопряжения» с Таджикистаном, Казахстаном, подобные намерения с Киргизией и другими странами), имея для этого средства, капиталы, ресурсы; одновременно в соответствии с документами, подписанными в мае 2018 г. в Астане, ведется работа по поиску взаимоприемлемых решений с ЕАЭС [Соглашение о торгово-экономическом...].

Но пока в китайских официальных документах по ИПП и в документах ШОС по большей части присутствуют «перекрестные взаимопоминания», не несущие реальной субстантивной нагрузки с точки зрения реального взаимодействия [См. напр. : Си Цзиньпин. Полный текст выступления...].

Найден и способ отражать «отдельное несогласие» с ИПП: соответствующий пункт деклараций ШОС последних лет, где говорится о поддержке «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП), не содержит упоминания Индии [Циндаоская декларация...].

В этом смысле китайский подход объективно ведет если не к маргинализации многосторонней экономической повестки ШОС, то к заметному снижению ее актуальности.

Возможно, что ситуация будет меняться по мере сближения интересов по теме торговых свобод, появления тех или иных полностью конвергентных для всех проектов. Причем есть основания полагать, что некие прорывы в части востребованности экономической площадки ШОС могут произойти опять-таки в случае достижения соответствующих договоренностей между Китаем и Россией.

Не будем забывать, что в соответствии с российско-китайскими соглашениями, включая базовый документ от 8 мая 2015 г. о сопряжении строительства ЕАЭС и ЭПШП и принятое спустя пять месяцев Евразийским экономическим Советом (ЕАЭС) распоряжение «О взаимодействии государств — членов ЕАЭС по вопросам сопряжения ЕАЭС и ЭПШП», ведется работа по сближению позиций. В том числе по поэтапному продвижению к созданию ЗСТ между ЕАЭС и КНР. Возможно, что этот специальный диалог, в том числе с участием тяжеловесов ШОС — КНР, России, а также Казахстана и Киргизии — поможет сблизить позиции по срокам и масштабам либерализации

зации региональной торговли и на площадке ШОС [См. напр.: ЕЭК сформирует перечень...].

Путем сближения (это, правда, больше вопрос специалистов) может стать, видимо, поэтапный ввод неких секторальных зон с более либеральными, но устраивающими всех режимами обращения товаров, капиталов и услуг. По мнению некоторых экспертов, у Китая есть и еще один императив взаимодействовать по теме ЭПШП все-таки и с многосторонними структурами типа ЕАЭС и ШОС: он потенциально заинтересован в продвижении своих грузов через единое таможенное пространство ЕАЭС вместо задержек на таможенных границах [Юрий Тавровский...].

В случае если в ШОС возобладает данный сценарий, она действительно может обрести новые импульсы и стимулы развития, ибо потенциальные шансы — на инвестиций в инфраструктуру, важные сферы, действительно велики.

Диверсификация повестки

Центральный и системообразующий для ШОС российско-китайский диалог не может исчерпывать всей своей повестки. Все более сложный и диверсифицированный характер она стала приобретать после появления института наблюдателей, партнеров по диалогу, а потом и после знакового расширения числа полноформатных членов. После вступления в Организацию Индии и Пакистана актуализировался контекст геополитики и глобальных измерений. С одной стороны, это оправданно. ШОС сегодня — это 60 % Евразии, половина мирового населения и четверть мирового ВВП. Однако, с другой стороны, нельзя не видеть, что особенности и различия в интересах и целях стран-участниц стали носить еще более частый и выраженный характер (например, отношение к концепту Индо-Тихоокеанского региона и т. п.). Поэтому критического и тем более автоматического усиления глобальной роли Организации после ее расширения вряд ли стоит ожидать. Хотя с потенциальной точки зрения такая роль, конечно, может возрастать. Например, при обострении общих и одинаково понимаемых всеми членами вызовов (по терроризму, климату и т. п.). В любом и в нынешнем составе у стран-участниц есть консенсус по таким вопросам, как необходимость нового справедливого миропорядка, недопущение односторонней политики, мирный способ решения конфликтов и т. п. Кроме того, возросший коллективный голос,

выраженный в совместных декларациях, безусловно, также имеет свое значение.

Сказанное имеет отношение и к роли ШОС в глобальном управлении. Вряд ли сегодня Организация способна прийти на замену G20 или другим подобным форумам политических и экономических согласований. Другое дело, что в части реформирования глобального экономического управления (квоты в МВФ и т. п.) может быть востребовано взаимодействие по линии ШОС — БРИКС, особенно с учетом того, что страны Россия, Индия и Китай (РИК) представлены в обеих структурах.

Столь же спекулятивный (как и в случае геополитики) характер часто носят рассуждения о некой антизападной сущности ШОС. Напомним, что еще в самых первых документах Организация заявила о ненаправленности против третьих стран. С принятием в её ряды Индии и Пакистана значение этого принципа лишь возросло. Другое дело, что ШОС заявляет о неприятии конкретных негативных тенденций, де-факто исходящих от США (односторонность и т. п.). Но этого слишком мало, чтобы говорить об антизападном альянсе.

Затронутая в сюжете, связанном с инициативой «Пояс и путь», экономическая повестка внутри ШОС во многом пока существует лишь потенциально. К сказанному выше добавим, что за 20 лет существования Организации не реализовано ни одного многостороннего проекта. Лишь 9 % из всего комплекса принятых документов посвящено экономике. Но и они идут весьма трудно. Дело не только в упомянутых разночтениях между Китаем и Россией. Есть много нерешенных вопросов между самими центральноазиатскими странами (водопользование, тарифная политика и т. п.). Это мешает согласовывать интересы в рамках многосторонних проектов. Но, повторим, экономическая повестка в ШОС при определенных обстоятельствах может быть оживлена.

Сегодня есть точка зрения, что ШОС следует принять максимально возможное число членов из стран Евразии и АТР, с тем чтобы превратиться в широкую платформу для решения крупных международных вопросов. Например — вопроса о создании в АТР системы коллективной безопасности [Андрей Картунов...]. Здесь тоже очевидны препятствия. Ключевые игроки ШОС не одобряют идею расширения. Существуют еще как минимум две представительные площадки, где такая работа уже ведется (ВАС, СВМДА).

Означает ли перечисленное, что перспективы ШОС невелики или туманны? Ответ один: конечно же — нет.

Во-первых (и это главное), повторим самый первый тезис: ШОС решает определившуюся еще 30 лет назад задачу регулятора, способствует балансу и совмещению базовых региональных интересов крупнейших региональных игроков — прежде всего КНР, РФ, а теперь и Индии, других стран. Эта задача неплохо решается, в регионе в целом обеспечена стабильность, недаром удалось избежать неприемлемых для Китая и России деструктивных «цветных революций» (по типу грузинской или украинской).

Во-вторых, у ШОС хорошие перспективы в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму (деятельность Региональной антитеррористической структуры, российско-китайские военные маневры и т. п.). В ШОС ныне реализуется соответствующая Программа сотрудничества на 2019—2021 гг. Важность взаимодействия по проблемам безопасности в целом, включая не только борьбу с терроризмом, наркотрафиком и организованной преступностью, но и усилия по обеспечению глобальной и региональной стабильности, контролю над вооружениями, в частности ядерными, химическими, космическими, — обо всем этом в очередной раз обстоятельно говорили главы государств ШОС в ходе 20-го заседания глав государств [Московская декларация..., с. 2—9]. Данное направление является сферой, где между участниками нет серьезных расхождений по базовым целям и задачам, а потому, при учете тактических особенностей, возможно устойчивое движение вперед.

В-третьих, даже в нынешнем виде полезна и потенциально востребована экономическая повестка, есть возможность содействовать гуманитарному сотрудничеству.

Структура РИК: роль и возможности в ШОС

Сказанное выше во многом сопрягается с оценкой текущего положения в РИК. Это естественно, что начиная с 2018 г. страны этой тройки — полноформатные участники ШОС. 20-летний опыт развития этой структуры (в 2001 г., повторим, триалог стартовал по второй, академической дорожке, а через год, когда впервые встретились три министра иностранных дел, — уже и первой) также дает пищу для определенных итогов.

С точки зрения взаимосвязи между РИК и ШОС главный вывод заключается в том, что ныне РИК потенциально способен играть роль своего рода концептуального и организационного ядра ШОС,

подавая те или иные идеи в концентрированном и уже «апробированном» виде. Есть основания полагать, в свое время именно консультации в РИК внесли весомую лепту в обретение Индией и Пакистаном статуса полноформатных членов. Трехстороннему конструктивному взаимодействию на площадке ШОС проявить себя во многом пока только предстоит, но реальные и важные примеры уже есть: именно на полях ШОС в сентябре 2020 г. состоялась редкая для международных переговоров во время пандемии очная встреча глав внешнеполитических ведомств.

Ряд общих выводов для РИК за 20 лет можно свести к следующему.

Во-первых, трехсторонняя система в целом оказалась востребованной и жизнеспособной. Свидетельством является сама практика развития триалога. За два десятилетия РИК постепенно наполнился определенными институциональными формами. Это — саммиты, встречи министров иностранных дел с принятием итоговых документов, диалог в нашем академическом формате, встречи молодых дипломатов.

Во-вторых, наиболее оправдавшим себя направлением взаимодействия явилось сотрудничество по международной повестке. Каждая из трех стран неизменно считает, что мир должен быть многополярным/полицентричным, свободным от гегемонии, и в таком будущем мире каждая из трех стран должна занимать свое достойное место. Солидарный голос трех стран в этом контексте хорошо слышен в мире, и в этом смысле абсолютно оправданы оценки руководителей стран РИК, что взаимодействие в этом формате уже стало важным фактора продвижения к более справедливому миропорядку.

В-третьих, как и в описанном случае с ШОС, взаимодействие (параллельные действия) трех стран является универсально злободневным на площадках других форматов — от ООН и G20 до ВАС и БРИКС.

Наряду с уроками позитивного характера в 20-летней практике РИК присутствуют и известные вызовы.

Еще на заре РИК наблюдатели группировали их вокруг двух тезисов. Первый связан с американским фактором. Второй — с проблемами в китайско-индийских отношениях, прежде всего пограничной. Развитие событий показало, что в обоих случаях основания для рисков были и остаются.

Влияние американского фактора, заключающееся в подозрительном отношении США к идее РИК и подспудном желании растащить, размыть трехсторонний формат, причем главным образом за счет вы-

членения из него Индии, представляется осязуемым, нуждающимся в мониторинге, но пока не являющимся критическим для перспектив РИК. Москва и Пекин, которые с приходом в Белый дом администрации Дж. Байдена, похоже, испытывают лишь еще большее давление со стороны Вашингтона, понятным образом сохраняют все стимулы для развития трехстороннего формата как фактора противодействия односторонней политике. Но и Индия, развивая отношения с США и с рядом аффилированных с США структур (QUAD), явно соблюдает пределы допустимого. Дели не демонстрирует намерения свернуть участие в РИК (а также в ШОС и БРИКС) в угоду достаточно прозрачным своекорыстным соображениям Вашингтона и прагматично рассматривает трехсторонний формат как важное направление своей многовекторной политики стратегической автономии.

Более очевиден и серьезен вызов, связанный китайско-индийскими разногласиями. Резкое обострение ситуации на границе двух государств весной—летом 2020 г., впервые за 45 лет повлекшее человеческие жертвы, оказало выраженное негативное влияние на всю двустороннюю повестку, включая вопросы международного взаимодействия. Достаточно ясно, что теоретически возможный выход разногласий за «красные линии» и рецидив вооруженного конфликта по примеру войны 1962 г. означали бы разрушительные последствия и для таких компактных структур многостороннего взаимодействия с участием обеих стран, как РИК и БРИКС, внесли бы сдерживающие элементы и деятельность ШОС.

Объективности ради можно сказать, что среди возможных сценариев крайний (военный) вариант рассматривается как вряд ли вероятный. Большинство специалистов полагают, что стороны вернуться к прежней формуле «сотрудничества и разногласий, при усилиях по разрешению последних». События последнего времени показали, что стороны, прилагая усилия к смягчению положения на границе, предпринимают шаги по оживлению торгово-экономического и иных форм сотрудничества. А это сохраняет возможности и для международной кооперации, способствуя благоприятным перспективам и РИК, и ШОС.

Наконец, общим выводом для обеих структур может служить тезис о том, что, оценивая перспективы и ШОС, и РИК, следует воздерживаться от завышенных ожиданий.. Оба формата не свободны от противоречий и вызовов, но имеют свою востребованную нишу. Эта ниша, нацеленная в том или ином виде на скоординированное продвижение к многополярному миропорядку, на противостояние одно-

стороннему доминированию, на обеспечение глобальной и региональной безопасности, на сотрудничество во имя более успешного внутреннего развития, отвечает интересам России.

Библиографический список

Кортунов А. ШОС — камень, отвергнутый строителями новой Евразии. URL: <http://svop.ru/main/26998/> (дата обращения: 16.04.2021)

Ли Юнхуэй. Китайско-российское стратегическое сотрудничество в рамках ШОС/ URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0601/c95181-9466715.html> (дата обращения: 16.04.2021)

Московская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 20 с. URL: <https://sco-russia2020.ru/images/108/44/1084409.pdf> (дата обращения: 16.04.2021)

Си Цзиньпин. Полный текст выступления на 20-м заседании Совета глав государств — членов ШОС. URL: http://russian.news.cn/2020-11/10/c_139506870.htm (дата обращения: 16.04.2021).

Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны (г. Астана, 17 мая 2018 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/550970071> (дата обращения: 16.04.2021).

Циндаоская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=150> (дата обращения: 16.04.2021).

Тавровский Ю. Новые мелодии «Шелкового пути». URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=14115> (дата обращения: 16.04.2021).

Чжун ин ба яньси инфа же и! Инду дуйхуа тайиду 180 да фань чжуань. Сифан цошоу буцзи. 2021-03-28. Ван и шоу е. [Учения Китай-Индия-Пакистан] вызвали бурную дискуссию! Отношение Индии к Китаю изменилось на 180°, и Запад достигнут врасплох. Информ портал Netease Home. 28.03.2021). URL: <https://www.163.com/dy/article/G65NJG090543OQHD.html> (дата обращения: 16.04.2021) (На кит.).

BP Statistical Review of World Energy 2020. 68 p. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed: 17 April, 2021).

President Jiang Zemin Meets Russian President Vladimir Putin. 2001.06.14. URL: <http://pg.china-embassy.org/eng/xwdt/t47555.html> (дата обращения: 16.04.2021).

References

BP Statistical Review of World Energy 2020. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed: 17.04.2021).

Kortunov A. (2018) SHOS — kamen otvergnutiy stroiteliami novoi evrazyi [SCO-a stone rejected by the builders of a new Eurasia] (In Russian). URL: <http://svop.ru/main/26998/> (accessed: 17 April, 2021).

Li Yonghui. Kitaisko-rossiiskoe strategicheskoe sotrudnichestvo v ramkah SHOS [China-Russia strategic cooperation within the SCO] (In Russian). URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0601/c95181-9466715.html> (accessed: 17 April, 2021).

Moskovskaya Declaratsiya glav gosudarstv SHOS [Moscow Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization] (In Russian). URL: <https://sco-russia2020.ru/images/108/44/1084409.pdf> (accessed: 17 April, 2021)

President Jiang Zemin Meets Russian President Vladimir Putin. 2001.06.14. URL: <http://pg.china-embassy.org//eng/xwdt/t47555.html> (accessed: 17 April, 2021)

Si Tzjinpin. Polnyi tekst vistupleniya na 20-m zasedanyi Soveta glav gosudarstv SHOS [Xi Jinping. Full text of the speech at the 20th meeting of the SCO Council of Heads of State] (In Russian). URL: http://russian.news.cn/2020-11/10/c_139506870.htm (accessed: 17 April, 2021).

Soglashenie o torгово-ekonomicheskom sotrudnichestve mrzhdu Evraziyskim ekonomicheskim soyuzom I ego gosudarstvami-uchastnikami s jdnou storony I Kitaiskoi narodnoi respublikoi, s drugoi storony [Agreement on Trade and Economic Cooperation between the Eurasian Economic Union and its member States, on the one hand, and the People's Republic of China, on the other hand (Astana, May 17, 2018)] (In Russian). URL: <https://docs.cntd.ru/document/550970071> (accessed: 17 April, 2021).

Tavrovsky Yuri. Novie melodyi shelkovogo puti [New tunes of the “Silk Road”] (In Russian). URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=14115> (accessed: 17 April, 2021).

Tsindaoskaya Deklaratsia [Qingdao Declaration of the Council of Heads of State of the Shangyai Cooperation Organization] (in Russian). URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=150> (accessed: 17 April, 2021).

Zhōng yìn bā yǎnxí” yǐnfā rè yì! Yìndù duì huá tàidù 180° dà fǎn zhuǎn, xīfāng cuòshòubùjǐ. 2021-03-28. Wangyi shou ye [“China-India-Pakistan exercise” sparked heated debate! India's attitude towards China was reversed 180°, and the West caught off guard. 2021-03-28. NetEase Home Information Portal]. URL: <https://www.163.com/dy/article/G65NJG090543OQHD.html/> (accessed: 17 April, 2021) (In Chinese)

II. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО КОНСОЛИДАЦИИ ШОС ПРИ РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ

DOI: 10.48647/IFES.2021.87.35.008

Д.В. Гордиенко

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ШОС И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

Аннотация. Проблемы экономического сотрудничества стран — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и их влияние на обеспечение региональной безопасности являются важнейшими вопросами экономических исследований и исследований в области обеспечения безопасности в Центральной Азии. В этой связи актуальной становится задача проанализировать влияние экономического сотрудничества ШОС на обеспечение региональной безопасности в Центральной Азии и реализацию текущей политики Российской Федерации.

В работе рассмотрены результаты анализа влияния экономического сотрудничества ШОС на обеспечение региональной безопасности в Центральной Азии и возможности по реализации национальных интересов Российской Федерации в этом регионе мира. Предложен подход к анализу влияния сотрудничества стран ШОС на

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-014-00009.

обеспечение региональной безопасности в Центральной Азии и возможностей реализации национальных интересов России.

Предложенный подход позволяет выявить направления военной и экономической политики нашего государства, а также наших союзников и стратегических партнеров. Сделан вывод о том, что экономическое сотрудничество стран — членов ШОС занимает важное положение в реализации текущей политики в странах Центральной Азии по обеспечению региональной безопасности.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, Россия, Китай, Индия, Центральная Азия.

Автор: Гордиенко Дмитрий Владимирович, доктор военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН. E-mail: gordienko@ranepa.ru

D. V. Gordienko

Problems of economic cooperation of the SCO and their impact on ensuring regional security*

Abstract. The problems of economic cooperation of the member states of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and their impact on ensuring regional security are the most important issues of economic research and research in the field of ensuring security in Central Asia. In this regard, it becomes urgent to analyze the impact of SCO economic cooperation on ensuring regional security in Central Asia and the implementation of the current policy of the Russian Federation.

The paper considers the results of the analysis of the impact of economic cooperation of the SCO on ensuring regional security in Central Asia and the possibilities for the realization of the national interests of the Russian Federation in this region of the world. An approach to the analysis of the impact of cooperation between the SCO countries on ensuring regional security in Central Asia and the possibilities of realizing Russia's national interests is proposed.

The proposed approach allows us to identify the directions of the military and economic policy of our state, as well as our allies and strategic partners. It is concluded that the economic cooperation of the SCO member states occupies an important position in the implementation of the current policy in the Central Asian countries to ensure regional security.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, Russia, China, India, Central Asia.

* The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project No. 19-014-00009.

Author: Dmitry V. GORDIENKO, Doctor of Sciences (Military), Professor, Leading Researcher, Institute for Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: gordienko@ranepa.ru).

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) постоянно расширяется, включая в свой состав новых членов и допуская к работе в органах новых наблюдателей и партнеров по диалогу [Троицкий, с. 13].

В этой связи возрастают перспективы экономического сотрудничества государств — членов ШОС. В частности, многообещающими являются сферы энергетики и транспорта. Экономическое сотрудничество, благодаря географической близости, позволяет странам-участницам обеспечивать взаимодополняемость их национальных хозяйств.

Тем не менее в экономическом сотрудничестве ШОС имеют место нерешенные проблемы, основными из которых являются: проблемы товарных и финансовых рынков стран ШОС; проблема различия в масштабах и в уровнях развития национальных экономик; а также проблема отсутствия гармонии в национальных законодательствах.

Проблема товарных рынков стран ШОС. По сравнению с сотрудничеством в сфере безопасности, *сотрудничество в сфере торговли в ШОС значительно отстает*, к тому же *товарная структура торговли достаточно однообразна, крайне низкую долю составляет продукция с высокой добавочной стоимостью и высокотехнологичная продукция*.

В 2014 г. китайской стороной была предложена концепция строительства трансевразийских экономических коридоров — «Экономического пояса Шёлкового пути», — позволяющих, в частности, активизировать торговое сотрудничество и создание единой транспортной инфраструктуры на пространстве ШОС [Лукин, с. 21; Фролова].

Подписанное Совместное коммюнике России и Китая точно определило подход двух сторон к «Экономическому поясу Шелкового пути» (ЭПШП) и Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС). Китайская сторона признает значение ЕАЭС, в свою очередь российская сторона отмечает важность китайской инициативы, вследствие этого обе стороны получают возможность совместно заниматься поиском точек пересечения между ЕАЭС и ЭПШП.

Например, в мае 2016 г. в Сочи В.В. Путин выдвинул предложение о сопряжении ЕАЭС, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН, *Association of South East Asian Nations*, ASEAN) и ШОС,

а также возможном, по мнению ряда экспертов, участии России или ЕАЭС во Всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП)*.

Особо следует отметить, что ЕАЭС уже вышел за рамки Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана, в него вступила Армения и Киргизия. Индия, Вьетнам, Новая Зеландия, и другие государства также создали/хотят создать зоны свободной торговли (ЗСТ) с Евразийским экономическим союзом.

Таким образом, ШОС с точки зрения некоторых стремлений воплощает в себе модель «Евразийский экономический союз + Китай», Китай надеется на сотрудничество с ЕАЭС. По мере того как ШОС в последующем будет постепенно принимать новых членов, есть уверенность, что вступление этих государств непременно принесет новую энергию в сферу торговли на пространстве ШОС. Организация должна стать основной площадкой для строительства ЭПШП, его создание является одним из важнейших направлений углубления экономической кооперации стран ШОС.

Однако в настоящее время наблюдается явное смещение торговой активности ряда государств — участников ШОС в направлении других стран и регионов мира (рис. 1).

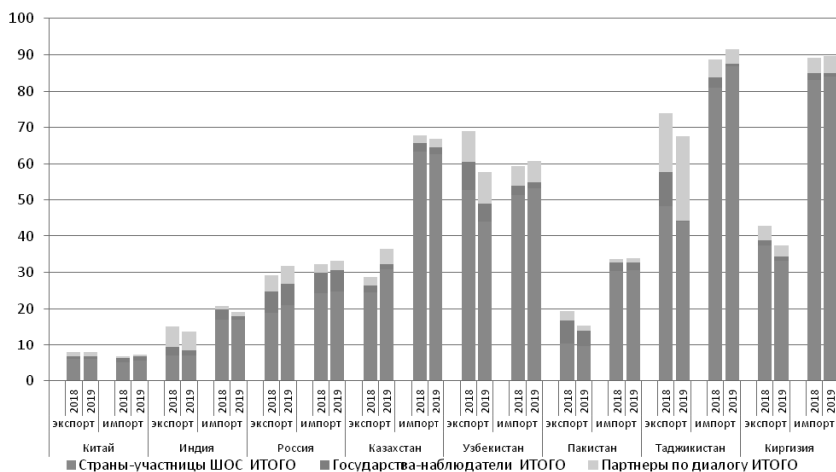

Рис. 1. Доли товарного экспорта и импорта государств — участников ШОС, приходящиеся на страны-участницы, государства-наблюдатели и партнеров по диалогу в 2018 и 2019 гг., %

* Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP.

Окончательное вхождение Индии и Пакистана в Организацию может интенсифицировать торговое сотрудничество государств — участников ШОС, поскольку обе страны заинтересованы в развитии товарных рынков в Центральной Азии, расширяют инвестирование в этот регион, а также реализуют ряд энергетических и инфраструктурных проектов.

Проблема финансовых рынков стран ШОС. В рамках ШОС активно ведётся работа по становлению банка развития ШОС. Банк рассматривается в качестве фонда для общего финансирования ключевых международных проектов. Однако *российская сторона* выражает опасения, что в руководстве банком будет доминировать Китай.

Анализ финансовых рынков стран ШОС позволяет предположить, что отсутствие эффективного механизма финансовой поддержки инвестиционной деятельности на пространстве Организации все еще остается одним из слабых мест. В большей мере из-за сопротивления России, вызванного опасением возможного доминирования китайских инвестиций и товаров на российском и центральноазиатском рынках, становится отдалённой перспектива создания ЗСТ ШОС. *Россия опасается китайской экспансии и экономической гегемонии* в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) и выступает за сосредоточение усилий Организации на обеспечении региональной военной и террористической безопасности.

Проблема масштабов и уровней социально-экономического развития государств — участников ШОС. *Различия в масштабах и в уровнях развития экономик* государств — участников ШОС также создают препятствия для экономического сотрудничества на пространстве Организации.

Различия в экономических интересах и условиях социально-экономического развития государств — участников ШОС обуславливают возможность сотрудничества между этими странами лишь по узкому кругу ключевых направлений. Страны Центральной Азии и Российская Федерация являются главным образом поставщиками сырьевых ресурсов в Китай и покупателями его готовой продукции. А китайские инвестиции в среднеазиатские республики и Россию направлены в первую очередь на увеличение производства и экспорта в Китай как раз именно сырья, а также на стимулирование импорта китайской продукции. Это осложняет для большинства государств — участников ШОС попытки диверсификации своей национальной экономики, а также ведёт к постепенному истощению сырьевых ресурсов при от-

существованию или недостаточной развитости других отраслей национального хозяйства.

Государства — участники ШОС сильно различаются между собой как по объемам своей национальной экономики, так и по уровню социально-экономического развития (табл. 1). При этом Китай является

Таблица 1. Объемы национальной экономики государств — участников ШОС (ВВП по ППС), 2018 г.

Страны — члены ШОС	ВВП, млрд долл.	ВВП по ППС, млрд долл.	% от ВВП по ППС государств — участников ШОС
Китай	13 608,2	25 398,7	60,5
Индия	2718,7	10 500,2	25,0
Россия	1657,6	4050,8	9,6
Пакистан	314,6	1181,4	2,8
Казахстан	179,3	509,5	1,2
Узбекистан	50,5	282,0	0,7
Таджикистан	7,5	31,4	0,1
Киргизия	8,1	24,5	0,1
Итого по странам — членам ШОС	18 544,5	41 978,5	100

Источник: World Bank, 2018.

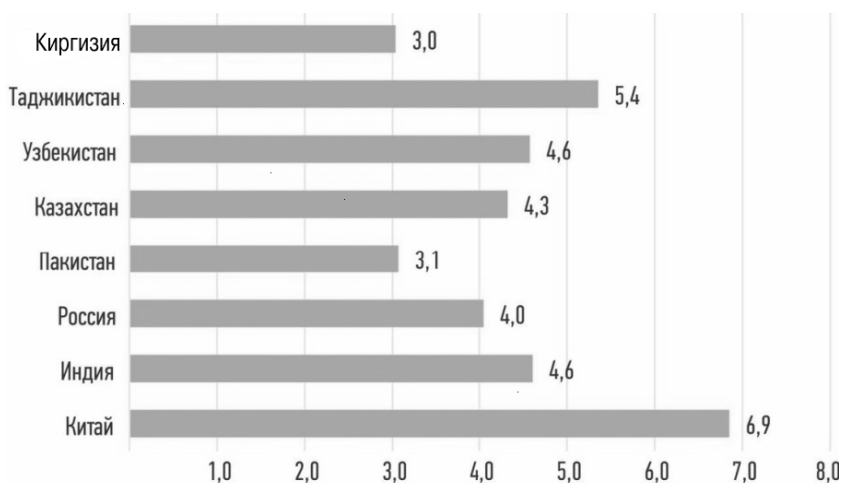

Рис. 2. Кратный рост ВВП по ППС в течение 2000—2018 гг. в странах — членах ШОС

ся наиболее динамично развивающейся страной. С 2000 г. объем его национального хозяйства вырос в 6,9 раза, а по темпам экономического роста китайская экономика опередила экономики всех остальных участников ШОС (рис. 2).

Китай существенно увеличил экономический разрыв с другими государствами — участниками ШОС. Например, если в 2000 г. объем ВВП по ППС Китая превышал соответствующий показатель России в 3,7 раза, то к 2018 г. эта разница уже составляла 6,3 раза. На сегодняшний день Китай по объему своего национального хозяйства является самой крупной страной в мире.

Социально-экономическое различие государств — участников ШОС еще более внушительно. На их территории сегодня проживают почти 3,2 млрд человек, что составляет 42 % населения Земли. При этом Китай и Индия имеют самую высокую численность населения в мире (табл. 2).

Таблица 2. Население в странах — членах ШОС, 2018 г.

Страны — члены ШОС	Население, млн человек	% от населения мира	Плотность населения, человек на 1 кв. км	Средний возраст	Средний ежегодный прирост населения в 2010—2018 гг., %
Китай	1392,7	18	153	38,4	0,5
Индия	1352,6	18	460	27,1	1,2
Пакистан	212,2	3	281	22	2,1
Россия	144,5	2	9	38,8	0,1
Узбекистан	33,0	1	78	26,5	1,9
Казахстан	18,3	1	7	29,6	1,4
Таджикистан	9,1	1	67	22,1	2,4
Киргизия	6,3	1	33	25,1	1,8
Итого по странам — членам ШОС	3168,7	42			

Источник: Word Bank, 2018.

Из государств — участников ШОС невысокий рост численности населения наблюдается в России, где за 2010—2018 гг. ежегодный показатель составил в среднем 0,1 %. Одновременно в Китае в тот же период население в среднем росло на 0,5 % в год. В итоге в обоих государствах наблюдается старение населения, что в последующие годы бу-

дет оказывать негативное влияние на возможность продолжения роста численности населения, особенно в Российской Федерации.

В остальных государствах — участниках ШОС рост численности населения превышает 1 % в год. При этом лидерами являются Таджикистан и Пакистан, где население росло в среднем на 2,4 и 2,1 % в год соответственно.

Ни одно из государств — участников ШОС не является страной с высоким уровнем доходов населения. Лишь на Россию и Казахстан приходится относительно высокий уровень ВВП на душу населения, поскольку они являются странами — экспортерами энергоносителей. В то же время Киргизия и Таджикистан имеют наименьший показатель ВВП на душу населения среди членов Организации (табл. 3).

Таблица 3. Классификация государств — участников ШОС по уровню доходов населения, 2019 г.

Государства — участники ШОС	ВВП по ППС на душу населения, долл.	Класс по уровню доходов населения
Казахстан	24 879	Высший средний
Россия	24 147	Высший средний
Китай	18 236	Высший средний
Узбекистан	8556	Нижний средний
Индия	7762	Нижний средний
Пакистан	5567	Нижний средний
Киргизия	3884	Нижний средний
Таджикистан	3450	Нижний

Источник: United Nation, 2019, Human Development Index.

По показателю Индекса человеческого развития (ЧР) за 2019 год, государства — участники ШОС располагаются в группах с очень высоким, высоким и средним уровнями ЧР.

Четыре из восьми стран ШОС входят в группу с очень высоким или высоким уровнем ЧР, тогда как остальные входят в группу со средним уровнем. Относительно высокие показатели республик бывшего СССР, по сравнению, например, с Индией и Пакистаном, легко объяснимы социалистическим наследием. В большинстве республик бывшего Советского Союза, когда базовое образование и медицина предоставлялись и в ряде стран до сих пор предоставляются бесплат-

но, а разница в доходах населения не была и не является столь масштабной, человеческое развитие остается на высоком или выше среднего уровне (табл. 4).

Таблица 4. Индекс человеческого развития в странах — членах ШОС, 2019 г.

Страны — члены ШОС	Индекс человеческого развития	Место в мире	Класс по индексу человеческого развития
Россия	0,824	49	Очень высокий
Казахстан	0,817	50	Очень высокий
Китай	0,758	85	Высокий
Узбекистан	0,710	108	Высокий
Киргизия	0,674	122	Средний
Таджикистан	0,656	125	Средний
Индия	0,647	129	Средний
Пакистан	0,560	152	Средний

Источник: United Nation, 2019, Human Development Index.

Страны — члены ШОС также можно условно классифицировать на несколько групп, в зависимости от схожести ключевых характеристик.

Например, Россия и Казахстан являются странами, сильно зависящими от нефте- и газодобывающей отрасли. Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Пакистан являются странами, зависящими от денежных переводов трудовых мигрантов. В то же время Китай и Индия являются странами с крупнейшими рынками сбыта.

Группа стран, зависящая от нефтегазовой отрасли. В 2019 г. в Казахстане 44 % поступлений в государственный бюджет, 51,6 % прямых иностранных инвестиционных поступлений и 17 % объема ВВП формировались за счет нефтегазового сектора.

За тот же год в России 40,8 % доходов федерального бюджета и 7,2 % объема ВВП были сформированы за счет нефтегазового сектора национальной экономики. Высокая зависимость от нефте- и газодобывающей отрасли означает, что любая существенная продолжительная волатильность цен на энергоносители может оказать негативное влияние на национальные хозяйства России и Казахстана. Особенно это проявляется в настоящий момент нарастания кризисных явлений в экономиках государств — участников ШОС, связанных с ограничительными мерами из-за пандемии новой коронавирусной инфекции.

Группа стран, зависимых от денежных переводов. Индия (мировой лидер по полученным денежным переводам в абсолютном значении) и Пакистан являются крупнейшими экспортерами трудовых ресурсов в мире. Но национальные экономики этих стран менее зависимы от денежных переводов мигрантов. В то же время индийские и пакистанские трудовые мигранты более рассредоточены в географическом плане по сравнению с Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном, которые являются странами, чьи национальные хозяйства сильно зависят от денежных переводов трудовых мигрантов. Для этих стран также характерно то, что основная масса их трудовых мигрантов сосредоточена на экономической территории Российской Федерации. Национальные хозяйства этих государств — членов ШОС зависят от денежных переводов, но что еще более рискованно — это зависимость от переводов из одной отдельно взятой страны.

Колебания курса российского рубля, деловая активность в России, особенно в строительстве и торговле, политические взаимоотношения этих стран с Россией — все это быстро находит отражение в изменении объемов денежных переводов и, соответственно, сказывается на уровне жизни населения трех среднеазиатских стран (табл. 5).

Таблица 5. Зависимость государств — участников ШОС от денежных переводов, 2018 г.

Страны — члены ШОС	Международные денежные переводы, млрд долл.	% от ВВП
Китай	67,4	0,18
Индия	78,6	2,90
Россия	9,20	0,50
Пакистан	19,8	6,73
Казахстан	0,62	0,34
Узбекистан	7,61	3,90
Таджикистан	2,18	42,1
Киргизия	2,68	32,5

Источник: Word Bank, 2018. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD.DT?locations=>

Группа стран, являющихся крупными рынками сбыта. Несмотря на то что доходы на душу населения в Китае и Индии ниже, чем в разви-

тых странах мира, большая численность населения и более высокие темпы социально-экономического роста делают эти государства — участники ШОС наиболее объемными и перспективными рынками сбыта (табл. 6).

Таблица 6. Расходы домохозяйств на потребление, 2018 г.

Место в мире	Страна	Расходы, млрд долл.
1	США	16 903,0
2	Китай	7260,3
3	Япония	3745,0
4	Германия	2843,9
5	Великобритания	2398,8
6	Франция	2147,6
7	Индия	1920,0

Источник: Oberlo, 2019, Ecommerce Soles by Country in 2019.

Китай и Индия занимали в 2018 г. соответственно 2-е и 7-е места в мире по объему расходов домохозяйств на потребление. Более того, объемы электронных продаж в Китае через интернет, то есть годовой объем электронной коммерции, превышает 1,9 трлн долл., что составляет 54,7 % глобального рынка электронной коммерции и превышает суммарный объем следующих за ним девяти стран.

Таким образом, ШОС объединяет государства, которые сильно различаются между собой в социально-экономическом развитии, структурных особенностях национальных хозяйств и масштабе имеющихся нерешенных проблем.

Более того, в Организации участвуют, с одной стороны, государства, которые имеют близкие дружеские отношения (как Россия и страны Средней Азии, бывшие республики Советского Союза), а с другой — соперничающие и даже конфликтующие государства (например, Индия и Пакистан).

Проблема различия в национальных законодательствах государств — участников ШОС. Одной из острых проблем экономического сотрудничества в рамках Организации можно назвать *значительные различия в национальных законодательствах* государств — участников.

В Декларации о создании ШОС 2001 г. были заложены основы правового регулирования экономической деятельности организации.

Тем не менее в экономическом сотрудничестве государств — участников ШОС сегодня доминируют двусторонние связи и соглашения, что подтверждается отсутствием сколько-нибудь значимых многосторонних проектов. Положение усугубляется также неразвитостью необходимой для реализации этих проектов правовой, организационной и финансовой инфраструктуры.

Однако государства — участники ШОС в настоящее время готовы к взаимодействию. Свидетельством тому, в частности, являются совместные документы Российской Федерации и КНР о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия*.

Согласно подписанного Совместного заявления Россия и Китай выражают готовность продолжать активную работу по созданию правовой базы для расширения Организации; считают приоритетной задачей улучшение инвестиционного климата и укрепление связей между деловыми кругами, а также дальнейшее развитие регионального экономического сотрудничества.

Мощным импульсом к интеграции государств — участников ШОС стали санкции в адрес Российской Федерации со стороны Евросоюза. Визит президента России В.В. Путина в Китай в мае 2014 г. обусловил начало реализации ряда крупных инвестиционных проектов. Это дало старт целому ряду соглашений о сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией [Россия и Китай...].

Тем не менее все еще не разработано базовое экономическое соглашение между всеми государствами — участниками ШОС. Таким образом, международно-правовое регулирование экономических отношений в рамках Организации пока не носит универсального для всех её членов характера. Все еще отсутствуют механизмы исполнения принятых решений и контроля за их реализацией.

Влияние проблем экономического сотрудничества государств — участников ШОС на обеспечение региональной безопасности. Нерешенность проблем экономического сотрудничества государств — участников ШОС и их влияние на обеспечение региональной безопасности обуславливает возможность моделирования различных ситуаций и описания различных сценариев развития военно-политической обстановки в ЦАР.

* См.: Совместное заявление РФ и КНР о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Шанхай, 20 мая 2014 г.

Сценарий I. «Огнедышащий Дракон». Будет происходить постепенное снижение роли России в экономике Центральной Азии. На ее позиции будут претендовать различные игроки, в том числе Китай, Индия и США. Доминирующие в регионе вложения КНР в крупные инфраструктурные и энергетические проекты обусловят переориентацию национальных хозяйств государств Центральной Азии на Китай.

Китайское влияние на культурную жизнь ЦАР будет преобладать. Российское, индийское и американское влияние в гуманитарной сфере будет уменьшаться.

Русский язык и кириллица, кроме Киргизии и Казахстана, будет вытесняться из республик Средней Азии. Его место займут китайский, английский, турецкий языки. Россия перестает формировать элиты среднеазиатских государств. Российские образовательные центры, за исключением Казахстана, перестанут пользоваться популярностью у местной молодежи.

Усиление роли китайской диаспоры в регионе, прежде всего в странах Средней Азии, будет обуславливаться увеличением миграционных потоков из Китая в Центральную Азию.

В Центрально-Азиатском регионе будет сформирован новый тренд мультикультурализма, основанный на китайском доминировании.

Сценарий II. «Стратегия анаконды». В области обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии сформируется тренд на сохранение опоры на Запад и Россию.

Запад, заинтересованный в экономической стабильности в Центральной Азии, будет инвестировать национальные экономики и создавать тем самым дополнительные рабочие места в странах региона.

Тем не менее темпы социально-экономического развития стран региона будут отставать от среднемировых. В среднесрочной перспективе сохранится умеренный экономический рост ряда стран ЦАР при их ориентации на сырьевой сектор.

Социо-культурная жизнь в регионе будет характеризоваться разновекторностью и динамичностью, трудовой и социальной мобильностью. Культурное влияние КНР будет ограничено.

Сценарий III. «Восход Зеленого полумесяца». Инвестиционная привлекательность стран ЦАР снизится, а инвестиционные риски — возрастут. Произойдет усиление ресурсной зависимости государств региона и милитаризация их национальных экономик. Исламская модель ведения национального хозяйства будет доминировать. Основными инвесторами станут арабские страны.

Коллапс инфраструктуры, увеличение потоков беженцев и вынужденных переселенцев из Афганистана, коррупция и почти полное отсутствие общественных услуг усилят конфликтную ситуацию в регионе. Военно-политическая обстановка в ЦАР начнет дестабилизироваться.

Усилится влияние исламистских, в том числе экстремистских и террористических, вооруженных группировок. Синтез радикальной исламистской идеологии и криминальных структур обусловит установление в регионе новых форм правления.

Таким образом, проведенный анализ тенденций развития ситуации в ЦАР дает возможность утверждать, что реализация любого из обозначенных сценариев развития обстановки предполагает возрастание роли Организации договора о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества, а также других региональных и международных организаций по обеспечению региональной безопасности в Центральной Азии.

Имеющиеся же проблемы экономического сотрудничества государств — участников ШОС не позволяют в полной мере реализовать потенциал Организации по обеспечению безопасности в этом регионе мира.

* * *

Экономическое сотрудничество государств — участников ШОС является перспективным направлением обеспечения безопасности в Центрально-Азиатском регионе. Реализуемые в настоящее время и рассматриваемые в перспективе проекты в сфере инфраструктурного строительства, энергетики и транспорта могут активизировать экономическое сотрудничество членов Организации.

Повышение результативности деятельности ШОС обуславливает необходимость оптимизации инвестиционного и торгового сотрудничества, а также сферы международно-правового регулирования. Ключевым направлением здесь может стать разработка базового универсального экономического соглашения между всеми государствами — участниками ШОС.

Необходимыми условиями реализации такого системного подхода при этом, по нашему мнению, являются: политическая воля; гармонизация в применении национальных законодательств; выравнивание уровня социально-экономического развития стран региона; больший учет национальных интересов государств — участников ШОС и других стран Центральной Азии. При этом Россия реализует

идеи новой платформы и модели экономического сотрудничества государств — участников Организации.

Шанхайская организация сотрудничества, таким образом, может стать уникальной формой интеграционного объединения государств Центральной Азии, позволяющего реализовать экономический, политический и военный потенциал обеспечения региональной безопасности.

Библиографический список

Баранов А.Ю. Интересы государств — участниц ШОС и их расхождения. URL: <http://refsurf.ru/2814714319.html> (дата обращения: 10.03.2020).

Гордиенко Д.В. Сравнительная оценка защищенности экономики России при реализации глобальных интеграционных проектов. Монография. М.: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2020. 396 с. ISBN 978-5-94811-322-7.

Декларация о создании ШОС. URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=37/> (дата обращения: 10.03.2020).

Лукин А.В. Идея «экономического пояса Шелкового пути» и евразийская интеграция // *Международная жизнь*. 2014. № 7. С. 19—31.

Хартия Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=33/> (дата обращения: 11.03.2020).

Троицкий Е.Ф. Становление и развитие Шанхайской Организации Сотрудничества (2000—2007 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 2 (7). С. 10—17.

Фролова И.Ю. Китайский проект «Экономический пояс Шёлкового пути»: развитие, проблемы, перспективы. URL: <http://library.asue.am/open/art4637.pdf> (дата обращения: 11.03.2020).

Россия и Китай на пути интеграции. РИА Новости. URL: <http://ria.ru/radio/20140924/1025394348.html#14145985442744&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration#ixzz3HYBiVJZA> (дата обращения: 11.03.2020).

References

Baranov A. Yu. (2020). *Interesy gosudarstv — uchastnits SHOS i ikh raskhozheniya*. [Interests of the SCO member states and their divergences]. URL: <http://refsurf.ru/2814714319.html> (date accessed: 03 October, 2020). (In Russian).

Gordienko D. V. (2020) *Sravnitel'naya otsenka zashchishchennosti ekonomiki Rossii pri realizatsii global'nykh integratsionnykh proyektov* [Comparative assessment of the security of the Russian economy in the implementation of global integration projects].

Monograph / D.. Gordienko. M.: Moscow University of Finance and Law MFYuA, 2020. 396 p. ISBN 978-5-94811-322-7. (In Russian).

Deklaratsiya o sozdanii SHOS. [Declaration on the establishment of the SCO]. URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=37/> (date of access: 10 March, 2020). (In Russian).

Lukin A.V. (2014). Ideya «ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti» i yevraziyskaya integratsiya [The Idea of the “Silk Road Economic Belt” and Eurasian Integration], *Mezhdunarodnaya zhizn' [International Affairs]*, 2014. No. 7. P. 19—31. (In Russian).

Khartiya Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva [Charter of the Shanghai Cooperation Organization]. URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=33/> (date of access: 11.03.2020). (In Russian).

Troitsky E.F. (2008). Stanovleniye i razvitiye Shankhayskoy Organizatsii Sotrudnichestva (2000—2007 gg.) [Formation and development of the Shanghai Cooperation Organization (2000—2007)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]*, 2008. No. 2 (7). P. 10—17. (In Russian).

Frolova I.Yu. (2020). Kitayskiy proyekt “Ekonomicheskiy poyas Sholkovogo puti”: razvitiye, problemy, perspektivy [Chinese project “Economic Belt of the Silk Road”: development, problems, prospects]. URL: <http://library.asue.am/open/art4637.pdf> (date accessed: 03 November, 2020). (In Russian).

Rossiya i Kitay na puti integratsii. [Russia and China on the path of integration]. RIA News. URL: <http://ria.ru/radio/20140924/1025394348.html#14145985442744&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration#ixzz3HY BiVJZA> (date accessed: 03 November, 2020). (In Russian).

Е.И. Сафронова

РОЛЬ И МЕСТО РОССИИ И КИТАЯ В РЕШЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ШОС

Аннотация. В статье характеризуются подходы России и Китая к вопросам деятельности Шанхайской организации сотрудничества, констатируется мысль о том, что РФ еще со времени создания в 1996 г. «Шанхайской пятерки» — предтечи ШОС — была настроена на строительство Шанхайского форума как региональной структуры безопасности, в то время как Китай видел в нем механизм институционального закрепления своей экономической «экспансии» в ЦА. Характер ожиданий от деятельности ШОС и ныне обуславливает роль и место РФ и Китая в решении политико-экономических проблем Организации.

С первых же лет встал вопрос об экономическом развитии Организации и ее транзите от механизма приграничных мер безопасности к многопрофильной международной структуре. Однако коллективная экономическая составляющая ШОС так и не получила ощутимого роста, причины чего приводятся в статье. Автор подчеркивает, что хотя Россия не утратила свои хозяйственные преимущества в центральноазиатском сегменте ШОС, однако многовекторное внедрение Китая в экономическое поле ЦА объективно сужает там маневр Москвы. При этом у России есть мощное сравнительное преимущество, которое лежит в оборонной сфере, и посему наша страна, выполняя роль военно-стратегического авангарда ШОС, способна уравновешивать общее влияние КНР в регионе. Автор полагает, что само время ставит перед Китаем вопрос о его активном подключении

к безопасосберегающей деятельности ШОС, что, однако, чревато и новыми рисками.

В статье анализируются факторы, способствующие развитию Организации (главный из них — сходство целого ряда российских и китайских международных интересов), а также и те особенности российско-китайского диалога, которые не благоприятствуют общему прогрессу Организации. В итоге автор подчеркивает, что ЦА остается ареалом конкуренции России не только с рядом «третьих» международных сил, но и с дружественным Китаем. Тем не менее, полагает он, — пока генеральные интересы России и КНР на мировой арене совпадают, будет продолжаться и история Шанхайского форума.

Ключевые слова: Россия, Китай, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Центрально-Азиатский регион (ЦАР), расстановка сил, конкуренция, сотрудничество, государственные интересы.

Автор: Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-4256-2381.

E-mail: safronova@ifes-ras.ru

E.I. Safronova

Role and place of Russia and China in solving political and economic problems of the SCO

Abstract. The article characterizes approaches of Russia and China to the activities of the Shanghai Cooperation Organization. It also states the idea that since the creation in 1996 of the Shanghai Five — the forerunner of the SCO — Russia has been intended to build the Shanghai Forum as a regional security structure, while the PRC has seen it as a mechanism for institutionalizing China's economic "expansion" in Central Asia. The nature of expectations from the SCO still determines the role and place of the RF and China in solving political and economic problems of the Forum.

In the very first years, the question arose about the economic development of the Organization and its transit from a mechanism of border security measures to a multifaceted international structure. However, the collective economic component of the SCO hasn't received tangible growth, the reasons for which are given in the article. The author emphasizes, that although Russia has not lost its economic advantages in the Central Asian segment of the SCO, the multi-vector intrusion of China into the economic field of Central Asia objectively narrows Moscow's maneuver there. At the same time, Russia has a powerful comparative advantage in the defense sphere, and therefore our country, playing the role of the military-strategic vanguard of the SCO, is able to balance the overall influence of the PRC in

the region. The author believes, that time itself raises the question of China's active involvement in the safeguarding activities of the SCO, what, however, is fraught with new risks.

The article analyzes factors contributing to the development of the Organization (the main of which is the similarity of a number of Russia's and China's international interests), as well as those features of the Russian-Chinese dialogue that do not foster the overall progress of the Forum. As a result, the author emphasizes that Central Asia remains for Russia an area of competition not only with a number of "third" international forces, but also with friendly China. Nevertheless, as the author believes, as long as general interests of Russia and the PRC in the world arena coincide, the history of the Shanghai Forum will continue.

Keywords: Russia, China, Shanghai Cooperation Organization (SCO), Central Asian Region, alignment of forces, competition, cooperation, state interests.

Author. Elena I. SAFRONOVA, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-4256-2381. E-mail: safronova@ifes-ras.ru

После обретения независимости государствами региона, ныне называемого Центральной Азией*, Китай резко активизировал отношения с новыми субъектами международных отношений, что во многом и подготовило почву для создания в 1996 г. «Шанхайской пятерки». Сначала ее деятельность фокусировалась на решении вопросов безопасности на границах между Китаем и РФ, Казахстаном, Таджикистаном и Киргизией. Чуть позже «Шанхайская группа» сконцентрировалась на решении общих для нее задач по противостоянию трансграничным «трем злам» — международному терроризму, этническому сепаратизму и религиозному экстремизму, а также наркотрафику (подробнее см.: [Фроленков В., с. 6—7]).

В 2001 г. после создания ШОС (включившей в состав Шанхайского форума Узбекистан — страну, ранее не участвовавшую ввиду отсутствия общей границы с КНР и неактуальности для нее вопросов приграничной безопасности) акценты в деятельности новой организации стали смещаться. С начала нулевых годов XXI в. встал вопрос о развитии экономической компоненты ШОС. В 2003 г. по итогам прави-

* Это «новая», или постсоветская, Центральная Азия в составе Республики Казахстан (РК), Киргизской Республики (КР), Республики Таджикистан (РТ), Туркмении и Республики Узбекистан (РУ). Термин «Центральная Азия» был введен в политический оборот в 1993 г., когда на встрече глав государств, ранее входивших в состав СССР, прозвучало предложение именно так именовать регион в составе указанных пяти стран.

тельственного саммита в Пекине была принята долгосрочная Программа экономического сотрудничества Организации до 2020 г., нацеленная на формирование общего хозяйственного пространства. В качестве ближней задачи был определен рост товарооборота, а более отдаленной — создание зоны свободной торговли (ЗСТ). В 2004 г. был подписан План действий по реализации Программы. Так получила начало тенденция транзита Организации от механизма приграничных мер безопасности к многопрофильной международной структуре.

Наполнение ШОС экономическим смыслом, похоже, стало в 2000-х годах целью Пекина: многие китайские политики и эксперты полагали, что Организация является примером политической структуры, созданной для решения вопросов экономического сотрудничества. Однако идея создания ЗСТ, настойчиво поданная Китаем в 2003 г., не нашла понимания у других членов Организации. Они опасались конкуренции со стороны товаров китайского производства и «вымывания» с рынка собственных производителей. Кроме того, финансово состоятельный Китай мог бы стать безусловно довлеющей экономической силой в Организации, что тоже вызывало настороженность. А учреждение ЕвразЭС в 2000 г. и на его основе — ЕАЭС в 2015 г. фактически развеяло намерения Пекина относительно хозяйственного развития ШОС, так как оно отвлекло внимание многих стран — перекрестных членов на экономическую деятельность по российскому направлению. Надо отметить, что приращение экономической силы ШОС под руководством Китая носило для России рискованный характер.

РФ в свое время усмотрела полезность ШОС не столько как инструмента экономической кооперации, сколько еще одного механизма восстановления российских геополитических позиций в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) после распада СССР, а также ввиду нежелательности для Москвы «бесконтрольной» активности Китая или иной другой крупной державы на пространстве Центральной Азии (ЦА). Можно сказать, что интересы России и Китая при создании ШОС пролегали по параллельным векторам, но разным руслам. Россия уже тогда была настроена на строительство ШОС как региональной структуры безопасности, а Китай видел в Шанхайском форуме механизм институционального и юридического обоснования его экономической «экспансии» в ЦАР.

Вдохнуть силы в экономическую составляющую ШОС мог бы Энергетический клуб (ЭК) ШОС, идею создания которого озвучил президент РФ В. Путин на саммите Организации в Шанхае в 2006 г.

Поначалу ожидалось, что ЭК ШОС кардинальным образом оптимизирует отношения по линии «производитель—потребитель» углеводородных ресурсов, объединив крупнейших экспортеров нефти и газа — Россию, Казахстан, Узбекистан, а также энергопотребителей мирового значения — Китай (второй по объемам глобальный импортер углеводородов) и Индию (сначала страна-наблюдатель, теперь — полноправный член ШОС). ЭК был призван изменить степень и направление конкуренции как между конечными потребителями, так и в смежных производственно-потребительских отраслях и т. д. Представлялось, что реальный запуск ЭК позволил бы не только выстроить в рамках Организации самодостаточную энергетическую структуру «производитель—поставщик—потребитель», но и обновить общую стратегию развития ШОС, внося новые ресурсы в ее экономическую составляющую [Фроленков В., с. 111].

Однако до сих пор Энергетический клуб предстает лишь как неофициальная консультативно-дискуссионная площадка, практически не претерпевшая изменений со времени ее документального оформления в конце 2013 г. Это наиболее «неконфликтный» и «деликатный» формат, не несущий риска ощутимого ущемления чьих-либо интересов, вероятность чего повысилась после расширения состава ШОС за счет конфликтующих друг с другом Индии и Пакистана, Индии и КНР. «Клубный» принцип предполагает самое широкое сотрудничество не только членов ШОС, ее государств-наблюдателей, но и иных международных акторов, включая негосударственные субъекты (ТНК, частные энергетические компании и проч.) [Фроленков В., с. 112].

Надежды на оживление экономической жизни ШОС связывались и с ее Межбанковским объединением (МБО), соглашение об учреждении которого было подписано в октябре 2005 г. Основной задачей МБО было провозглашено финансовое обеспечение и обслуживание инвестиционных проектов на хозяйственном пространстве Организации. Его банками-членами стали Банк развития Казахстана; Государственный банк развития Китая (ГБРК); Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ»; Государственный сбербанк РТ «Амонатбанк»; Индийская инфраструктурная финансовая компания; Национальный банк внешнеэкономической деятельности РУ; РСК Банк (Киргизская Республика); Habib Bank Limited (Пакистан). Банки-партнеры — Евразийский банк развития (с 2008 г.); Сберегательный «Беларусбанк» (с 2012 г.); Банк развития Монголии (с 2016 г.).

Стоит отметить, что агитационные структуры, особенно в КНР, часто относят многие проекты между странами — членами ШОС к успехам всей «Шанхайской группы», несмотря на преимущественно двусторонний характер «шосовских» начинаний. Так, в число коллективных достижений были включены: возведение вагоностроительного завода в Ленинградской области (стоимость — 998 млн долл. (в финансировании участвует Внешэкономбанк и Евразийский банк развития); строительство Мойнакской ГЭС в Казахстане (объем инвестиций первой очереди — 250 млн долл.; ГБРК и АО «Банк развития Казахстана») и целый ряд других. Также были определены схемы финансирования сооружения энергоблока на Экибастузской ГРЭС-2 в Казахстане (стоимость — 789,2 млн долл.; Внешэкономбанк и ЕАБР, поставщик оборудования в объеме 400 млн долл. — российская компания «Силовые машины») [Официальный сайт МИД России].

Попытки отладить экономическую жизнь Организации продолжают. Так, в мае 2021 г. Межбанковское объединение ШОС представило новую стратегию развития экономики стран — участниц Организации. Им был разработан проект применения новых механизмов в экономической кооперации стран-членов. Стратегия включила широкий спектр вопросов, в частности в инвестиционной сфере, совместном финансировании приоритетных проектов и реализации «дорожной карты» по преодолению последствий пандемии COVID-19, а также по расширению использования национальных валют во взаиморасчетах [ИА «Спутник-Таджикистан»].

Тем не менее, при всей представительности и эффектности планов и заявленных инициатив, экономическое взаимодействие в рамках ШОС продолжает осуществляться на двустороннем уровне. Это и понятно: Китай как инициатор многих хозяйственных начинаний видит в двустороннем формате механизм оперативной реализации проектов, не осложненной громоздкими коллективными согласованиями и принципом консенсусности.

К настоящему времени Китай неохотно, но все же достаточно безболезненно отказался от планов коллективного экономического наполнения ШОС, расширяя сотрудничество с ЦА по другим линиям. Так, он удачно выполняет задачу подключения нефтегазового и транзитного потенциала ЦА к реализации собственных интересов, особенно в СУАР, именно на двустороннем уровне, а с 2013 г. (после провозглашения им инициативы «Пояс и путь») — и по вектору сухопутной части ИПП — «Экономического пояса Шелкового пути»

(ЭПШП). В результате коллективная экономическая составляющая ШОС так и не получила ощутимого развития.

Торгово-экономическое присутствие КНР в Центральной Азии за последние два десятка лет расширилось. Так, если в 2007 г. товарооборот КНР и «шосовских» стран региона составлял 19,3 млрд долл. [Фроленков В., с. 258], то в 2020 г. он достиг 25 млрд долл. Он мог бы быть и больше, но коронавирус сыграл тормозящую роль. Что касается 2021 г., то он в китайско-центральноазиатской торговле начался противоречиво: если за первый квартал 2021 г. товарооборот между Китаем и нефтеносным Казахстаном вырос на 24,5 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, с поставщиком углеводородов Узбекистаном — на 24,3 %, то торговля с КНР с Киргизией упала на 35,4, а с Таджикистаном — на 16,1 % [ИА «Ритм Евразии». 26.04.2021].

Примечательно, что Россия по-прежнему обгоняет Китай по торговле с «шосовскими» странами Центральной Азии: в 2020 г. совокупный двусторонний товарооборот приблизился к 28 млрд долл.*

РФ сохраняет некоторые механизмы экономического воздействия на ЦАР, ибо она до сих пор обладает правами собственности на материально-техническую базу построенных в советское время центральноазиатских трубопроводов и предоставляет свою нефтепроводную сеть для перегонки нефти в Европу с каспийских месторождений Казахстана и из Туркменистана. Так, порядка 95 % экспорта казахстанской нефти идет через территорию России по трубопроводам «Каспийского трубопроводного консорциума» (КТК) и «Атырау—Самара», а также по железной дороге [Смирнов С.]. В ЦАР расположен ряд производств военного назначения, продукция которых составляет интеллектуальную собственность российской стороны [Черныш Н.]. Кроме того, в России работают миллионы мигрантов из Центральной Азии, чьи денежные переводы в родные страны заметно поддерживают экономику последних.

В силу вышеизложенного можно сказать, что Россия не утратила своих хозяйственных преимуществ в центральноазиатском сегменте ШОС, но ей все более сложно держать шаг с нарастающей экономи-

* Источники и база авторского подсчета: Капитал — Центр деловой информации. URL: <https://kapital.kz/economic/93849/tovarooborot-kazakhstan-i-kitaya-za-2020-god-sostavil-15-4-mlrd.html>; ИА «Курсив». URL: <https://kursiv.kz/news/rynki/2020-06/kitay-operedil-rossiyu-po-obemu-torgovli-s-uzbekistanom> и др. (дата обращения: 15-22.06.2021).

ческой активностью высокоплатежеспособного Китая. Энергичное внедрение Пекина в коммерческое, инвестиционное, транспортное и энергетическое поле Центральной Азии объективно сужает там экономический маневр Москвы. Кроме того, в силу введенных против России санкций её инвестиционный потенциал, в частности в ЦАР, объективно сократился. Москва была вынуждена перебросить ресурсы на подъем Крыма и операцию в Сирии. Трудности стали испытывать и частные компании государственного значения. Так, в 2015 г. «ЛУКойл» продала китайской Sinopec свою долю в 50 % в казахстанской Caspian Investments Resources Ltd. за 1,08 млрд долл. [Топалов А.]. Таким образом, Китай российскими «руками» прирастил свои авуары в Центральной Азии.

Однако у РФ есть очевидное сравнительное конкурентное преимущество, которое лежит в *оборонной сфере*. С учетом этого и строится актуальная политика России в «Шанхайской группе», где РФ, по сути, выполняет роль военно-стратегического авангарда ШОС. В силу этого, даже на фоне расширяющегося экономического отрыва Китая от РФ, Россия способна уравнивать влияние КНР в ЦАР.

В Центральной Азии терроризм, сепаратизм, экстремизм, наркотрафик, а также ряд нетрадиционных угроз (незаконная миграция, распространение инфекционных заболеваний и пр.) по-прежнему имеют социально-экономическую основу. Во многом сложность хозяйственной ситуации, а проще говоря — бедность населения, побуждает рядовых граждан государств ЦА участвовать в противоправной деятельности. Однако поднять изнутри уровень экономического развития страдающих стран видится элитам, принимающим решения, более сложной и затратной задачей, нежели создать внешние условия, благоприятствующие безопасности государств — членов ШОС. В Ташкенте действует Региональная антитеррористическая структура (РАТС); страны Организации регулярно проводят военные учения «Мирная миссия». Это способствует устойчивости обстановки в регионе, создавая у центральноазиатских столиц впечатление своей защищенности. И именно в этом отношении роль России как традиционного гаранта безопасности в этой части Азии не имеет себе равных.

Китай, похоже, без колебаний переложил на плечи России оборонную функцию в ШОС, учитывая специфику ее потенциала, историческую роль и опыт в ЦАР. Однако видится логичным обдумать вопрос о побуждении Китая нарастить его борьбу против «трех зол» пу-

тем финансово-экономических методов. Если Россия реально «вкладывается» в строительство оборонного потенциала ШОС, совершенствует подходы по защите себя и своих союзников по ОДКБ (членами которой являются все центральноазиатские страны — участницы ШОС, кроме Узбекистана), то КНР могла бы предотвращать многие подрывные акции на граничащих с ней территориях путем переклечения материального интереса деструктивных сил на китайские источники, нейтрализуя подрывные намерения враждебных структур финансовыми методами. Новейшая история знает примеры подобных операций. Разведывательная и оперативно-розыскная деятельность РАТС могла бы сослужить здесь неплохую службу. При этом такое финансовое «стимулирование» было бы целесообразно адресовать не центральноазиатским политическим режимам, и так не забываемым Пекином, а канализировать по линии общешосовской РАТС, наделив ее полномочиями переговорщика с потенциальными получателями такого рода поощрений. На этом пути Китай мог бы вносить действенный вклад в смягчение террористических угроз в ареале Организации.

В наши дни само время ставит перед Китаем вопрос о его подключении к поддержанию стратегической безопасности в регионе. Вывод американских войск из Афганистана чреват новым витком экстремизма в традиционно исламском СУАР КНР, граничащем с ИРА. Наблюдатели склонны усматривать в этом обстоятельстве стимул для вмешательства Пекина не только в экономику, но и политические процессы в ЦА, особенно в Киргизии и Таджикистане, наиболее зависимых от Китая (см.: [Плотников Д.]).

Если это произойдет, то баланс стратегических сил в ЦАР может нарушиться и Пекин встанет рядом с Москвой в качестве главной политико-оборонной силы на центральноазиатском поле Организации. Понятно, что это предположение кажется спорным, поскольку КНР не позиционирует себя как международного военного «игрока», стараясь дистанцироваться от соответствующих альянзий. В отличие от России, Китай не является «локомотивом» ни одной оборонной структуры. Еще в 2007 г. он отклонил предложение РФ о проведении учений ШОС «Мирная миссия» совместно с ОДКБ, формально объяснив это тем, что между двумя организациями нет юридически обязывающего договора о военном сотрудничестве. Кроме того, ШОС — это организация, не имеющая коллективных вооруженных формирований, а ОДКБ — военно-политический альянс, опирающийся на совместный войсковой потенциал. Поэтому сначала для налаживания

полноценного оборонного сотрудничества двум организациям необходимо-де пройти определенный путь, а не начинать сразу с совместных маневров (см.: [Литовкин В.]). Но, на наш взгляд, основная мотивация такого решения состоит в том, что общие учения подогрели бы международные опасения относительно создания китайско-российского военного союза, хотя пока он не отвечает интересам Пекина и Москвы.

Тем не менее необходимость защищать растущий массив китайской собственности как в ЦАР, так и в целом по линии прохождения ЭПШП все отчетливее дает о себе знать. Поскольку официальный военный альянс РФ и Китая не просматривается, то логичнее будет ожидать расширения оборонного присутствия КНР в Центральной Азии на двустороннем уровне, без подключения площадок Шанхайского форума (которые просто к этому не приспособлены). Обратное неизбежно привело бы заострению международного внимания на вопросе «милитаризации» китайско-российского партнерства, а со стороны России — на проблеме расстановки сил в ШОС. Последнее осложнило бы российско-китайский диалог.

Еще одно сравнительное преимущество России в ареале ЦА — ее общая история со странами региона, наличие пока еще не разрушенного совместного языкового, образовательного, культурного и гуманитарного пространства. Однако хотелось бы, чтобы Россия более эффективно и плодотворно использовала данное обстоятельство. Это потребует новых немалых вложений, но в долгосрочной перспективе способно принести существенные политические и гуманитарные дивиденды.

Роль российско-китайских отношений как фактора, цементирующего ШОС, обуславливается тем обстоятельством, что и российским, и китайским интересам соответствует поддержание мира и стабильности в регионе, на чем и зиждется безопасосберегающая функция ШОС. Оба государства стремятся не допустить нового витка «трех зол»: расширения НАТО на Восток, роста исламистской опасности в Афганистане, а также насаждения западных форм демократии путем «цветных» революций. Однако основная роль по защите ШОС от этих опасностей возложена на Россию.

Обе страны выступают за мультиполяризацию структуры международных отношений против однополюсности международного режима под эгидой США, и посему усматривают в «Шанхайской группе» механизм и символ становления многополюсного мира. Поэтому можно сказать, что ШОС имеет демонстрационное значение в каче-

стве важного шага на пути реализации проводимой Россией и Китаем политики построения полицентричной системы международных отношений вопреки проводимой США политике диктата и однополюсности (см.: [Роль и место...]). На фоне роста напряженности в отношениях с США и Евросоюзом потребность двух стран во взаимной поддержке возрастает.

Специфика российско-китайских отношений порождает и обстоятельства, дестабилизирующие ШОС изнутри. Это — конкуренция России и Китая за маршрутизацию центральноазиатских углеводородов, за некоторые виды природных ресурсов Центральной Азии, за политическое и гуманитарное влияние в регионе. Это и разногласия двух стран по вопросам создания ЗСТ и характера ЕАЭС, не пригласившего в свой состав Китай. Пекин должен учитывать факт более высокого уровня отношений (на уровне союза) между РФ и центральноазиатскими странами ШОС — участницами ОДКБ и ЕАЭС, что, похоже, может его «нервировать». В Евразийском экономическом союзе, объективно возглавляемом Россией, тоже существует проблема внутренней конкуренции за рынки сбыта из-за однотипности экспортного потенциала центральноазиатских стран. Это тормозит выход ЕАЭС на новый уровень кооперации и «рикошетом» сказывается на ситуации в ШОС, объединяющей страны — перекрестные члены двух организаций.

Ноту диссонанса в деятельность ШОС вносит и то, что ее стержнеобразующие члены — РФ и Китай — имеют разные стратегические «склонности» в рамках Организации. Россия более «симпатизирует» конфликтующей с Китаем Индии, а Китай — индийскому оппоненту Пакистану. Вольно или невольно, но Пекин делает немало и для того, чтобы усилить свое партнерство с центральноазиатскими членами ШОС даже в ущерб их отношениям с Россией. Посему логично утверждать, что ныне ЦАР — это важный ареал конкуренции России не только с целым рядом «третьих» международных акторов, но и с ее стратегическим партнером — Китаем.

Тем не менее пока генеральные интересы России и КНР на мировой арене будут совпадать, будет продолжаться и история Шанхайской организации сотрудничества. ШОС — это площадка взаимного мониторинга поведения двух стран и в Центральной Азии, и в смежных регионах. Москва осознает, что она не в состоянии остановить китайскую политико-экономическую «экспансию» в ЦАР, но вместе с Пекином она может противодействовать присутствию там третьих, недружественных сил.

Библиографический список

Литовкин В. «Мирная миссия-2007». ОДКБ понаблюдает за учениями ШОС. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1170835200> (дата обращения: 22.05.2021).

Официальный сайт МИД России. URL: https://www.mid.ru/sanhajskaa-org-anizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/939476 (дата обращения: 22.05.2021).

Плотников Д. Тень дракона. Китай начал активно вмешиваться в дела бывших советских республик. Чем это грозит России?. URL: https://lenta.ru/articles/2021/05/11/china_exr (дата обращения: 22.05.2021).

Роль и место ШОС в российско-китайских отношениях. URL: https://studvood.ru/693377/ekonomika/rol_mesto_rossiysko_kitayskih_otnosheniyah (дата обращения: 22.05.2021).

Сайт информационного агентства «Ритм Евразии». 26.04.2021. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-04-26--tovarooborot-mezhdu-kitaem-i-stranami-shos-po-itogam-2020-goda-dostig-245-mlrd-54386> (дата обращения: 22.05.2021).

Сайт информационного агентства «Спутник-Таджикистан» 18.05.2021. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20210518/sco-tajikistan-ekonomika-razvitie-proekt-1039517433.html> (дата обращения: 22.05.2021).

Смирнов С. Куда уходит нефть Казахстана // Ритм Евразии. 19.11.2019. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-11-19--kuda-uhodit-neft-kazahstana-46037> (дата обращения: 22.05.2021).

Топалов А. «ЛУКОЙЛ» подгадал к девальвации тенге. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2015/08/20/7699139.shtml> (дата обращения: 22.05.2021).

Фроленков В.С. Современные торгово-экономические отношения КНР с центральноазиатскими странами-членами ШОС и Туркменистаном. М.: ИДВ РАН, 2009. 264 с.

Черныш Н. Россия в Центральной Азии: вытеснение или усиление присутствия // Интересы ЕС, КНР, России и США в Центральной Азии. Бишкек: Фонд им. Ф. Эберта, Исслед. центр «Седеп», 2004. С. 6–68.

References

Chernysh N. Rossiya v Central'noj Azii: vytesnenie ili usilenie prisutstviya [Russia in Central Asia: displacement or strengthening of presence], *Interesy ES, KNR, Rossii i SShA v Central'noj Azii* [Interests of the EU, China, Russia and the United States in Central Asia], Bishkek: Fond im. F.Eberta, Issled.centr "Sedep" [F. Ebert Foundation, Research Center "Sedep"], 2004: 6–68. (In Russian).

Frolenkov V.S. Sovremennye torгово-ekonomicheskie otnosheniya KNR s central'noaziatskimi stranami-chlenami ShOS i Turkmenistanom [Modern trade and economic relations of the PRC with Central Asian countries-members of the SCO and Turkmenistan], М.: IDV RAN [IFES RAS], 2009, 264 p. (In Russian).

Litovkin V. “Mirnaya missiya-2007”. ODKB ponablyudaet za ucheniyami ShOS [“Peace mission-2007”. CSTO to observe SCO exercises]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1170835200> (accessed: 22 May, 2021). (In Russian).

Oficial'nyj sajt MID Rossii [Official website of the Ministry of Foreign Affairs of Russia]. URL: https://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asse_t_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/939476 (accessed: 22 May, 2021). (In Russian).

Plotnikov D. Ten' drakona. Kitaj nachal aktivno vmeshivat'sya v dela byvshih sovetskikh respublik. Chem eto grozit Rossii? [The Shadow of the Dragon. China began to actively intervene in the affairs of the former Soviet republics. How does this threaten Russia?]. URL: https://lenta.ru/articles/2021/05/11/china_exp (accessed: 22 May, 2021). (In Russian).

Rol' i mesto ShOS v rossijsko-kitajskih otnosheniyah [Role and place of the SCO in Russian-Chinese relations]. URL: https://studwood.ru/693377/ekonomika/rol_mesto_rossijsko_kitajskih_otnosheniyah (accessed: 22 May, 2021). (In Russian).

Sajt informacionnogo agentstva “Sputnik-Tadzhikistan” [Website of the information agency “Sputnik-Tajikistan”], 18.05.2021. URL: https://tj.sputniknews.ru/202105_18/sco-tajikistan-ekonomika-razvitie-proekt-1039517433.html (accessed: 22 May, 2021). (In Russian).

Sajt informacionnogo agentstva «Ritm Evrazii» [Website of the information agency “Rhythm of Eurasia”], 26.04.2021. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-04-26--tovarooborot-mezhdu-kitaem-i-stranami-shos-po-itogam-2020-goda-dostig-245-mlrd-54386> (accessed: 22 May, 2021). (In Russian).

Smirnov S. Kuda uhodit neft' Kazahstana [To where Kazakhstan's oil goes], *Ritm Evrazii* [Rhythm of Eurasia], 19.11.2019. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-11-19--kuda-uhodit-neft-kazahstana-46037> (accessed: 22 May, 2021). (In Russian).

Topalov A. “LUKoil” podgadal k deval'vacii tenge [“LUKoil” guessed the tenge devaluation]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2015/08/20/7699139.shtml> (accessed: 22 May, 2021). (In Russian).

Т.М. Мамахатов

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И КИТАЯ С ГОСУДАРСТВАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ШОС

Аннотация. В данной статье проводится попытка анализа динамики отношений России и Китая со странами Центральной Азии в области экономического и энергетического сотрудничества ШОС. За прошедшие со дня основания организации 20 лет произошли существенные изменения в расстановке как политических, так и экономических сил в регионе. Первоначальные условия сотрудничества и роли разных участников ШОС подверглись изменениям, повысив значимость одних стран и отодвинув другие на менее значимые роли.

Регион Центральной Азии играет ведущую роль как в самой организации ШОС, являясь географически площадкой её деятельности, так и в мире в качестве партнера ведущих стран мира. В первую очередь это, конечно же, относится к России и Китаю. Рекордные темпы роста экономики Китая за последние десятилетия отразились на отношениях как со странами ШОС, так и с Россией в частности. Давняя история взаимодействия России со странами Центральной Азии и современная экономическая политика, проводимая Китаем в регионе, имеют сложную структуру переплетения друг с другом, делая вопрос российско-китайских отношений первостепенным в ШОС.

В современных условиях обострения экономических проблем, умноженных на фактор всемирного эпидемиологического бедствия, особый интерес вызывает вопрос экономической и энергетической кооперации стран ШОС во главе с Россией и Китаем. Также в статье

дается ответ на главный вопрос, подразумевающийся при упоминании ШОС и региона Центральной Азии, являются ли Россия и Китай на сегодня конкурентами или же остаются надежными партнерами.

Ключевые слова: Китай, Россия, ШОС, экономическое сотрудничество, экономика, Центральная Азия, трубопроводы, энергетика.

Автор: Мамахатов Тлеш Муратович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН. E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

T.M. Mamakhatov

Dynamics of relations between Russia and China with the Central Asian States in the field of SCO Economic cooperation

Abstract. This article attempts to analyze the dynamics of relations between Russia and China with the countries of Central Asia in the field of economic and energy cooperation of the SCO. Over the past 20 years, since the foundation of the organization, there have been significant changes in the balance of both political and economic forces in the region. The original terms of cooperation and the roles of the various SCO members have changed, thus increasing the importance of some countries and relegating others to less leading roles.

The Central Asian region plays a leading role both in the SCO organization itself, as a geographical platform for its activities, and in the world, as a partner of the leading countries of the world. First of all, of course, this applies to Russia and China. China's record-breaking economic growth over the past decades has affected relations and cooperation with both the SCO countries and Russia in particular. The long history of Russia's interaction with the countries of Central Asia and the current economic policy pursued by China in the region have a complex structure of intertwining with each other, making the issue of Russian-Chinese relations paramount in the SCO.

In the current conditions of aggravation of economic problems, multiplied by the factor of a global epidemiological disaster, the issue of economic and energy cooperation of the SCO countries, led by Russia and China, is of particular interest. The article also provides an answer to the main question implied by the mention of the SCO and the Central Asian region, whether Russia and China are currently competitors or remain reliable partners.

Keywords: China, Russia, SCO, economic cooperation, economy, Central Asia, pipelines, energy.

Author: MAMAKHATOV Tles M., Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Шанхайская организация сотрудничества основана Китаем и Россией в июне 2001 г. В нее также вошли Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Таджикистан, а позже в роли наблюдателей Индия и Пакистан. По площади страны — члены ШОС занимают более половины всей Евразии и более 34 млн квадратных километров, включая в себя почти весь регион Центральной и Южной Азии. По численности населения на страны ШОС приходится почти половина населения Земли, составляя более 3,4 млрд жителей на 2021 г. [Комиссина И.Н., Куртов А.А., 2005, с. 56]. Конечно, основная роль по этим показателям приходится на Китай и Индию с их рекордным населением. В экономическом аспекте безусловным лидером на сегодня является Китай, второй в мире экономикой по ВВП и первой по ППС в сравнении с США.

Основные члены ШОС также составляют «Шанхайскую пятёрку», соглашение о взаимодействии в военной сфере и сокращении численности вооружённых сил стран участников на смежных границах. Договор подписали в 1997 г. Казахстан, Киргизия, Китай, Россия и Таджикистан.

Китай в экономическом сотрудничестве ШОС

В кризисном 2020 г. валовой внутренний продукт Китая поднялся на 2,3 %, хотя в 2019 г. составлял 6 % и более в предыдущих годах. Таких минимальных темпов не было с 1976 г. При этом китайская экономика чуть ли не единственная в мире избежала спада темпов роста ВВП из-за COVID-19. Несмотря на падение показателей в начале года, Китаю удалось восстановить положительную динамику к концу года, показав высокую скорость восстановления даже на фоне торговой войны с США и её политическим и экономическим давлением. Экономика Китая ускорила в четвертом квартале и если в первом квартале ВВП Китая снизился на 6,8 %, то во втором квартале поднялся на 3,2 %, в третьем — поднялся уже до 4,9 % и далее на 6,5 %.

В условиях глобального спада производства и снижения экономической активности в мире такие цифры экономического роста Китая очень впечатляют, особенно в условиях реализации США своей Индо-тихоокеанской стратегии, подразумевающей противодействие Китаю по ряду ключевых направлений, таких как экономическая и энергетическая сфера.

На сегодня проблема энергетической безопасности становится наиболее актуальным вопросом экономического развития Китая. Индо-тихоокеанская стратегия, принятая США, ставит своей целью нарушение энергетической безопасности КНР, затрудняя доставку морским путем энергоресурсов АТР, Ближнего Востока и Африки. В таких условиях Китаю необходима диверсификация источников поставок углеводородного сырья, смещая зону интересов на запад к евразийскому сотрудничеству. Для обеспечения энергетической безопасности КНР необходима переориентация на углеводороды Центральной Азии и РФ. Регион Центральной Азии богат энергоресурсами и имеет близкое расположение к Китаю. Центральная Азия на сегодня играет ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности Китая.

Несмотря на небольшое снижение темпов роста экономики Китая в последние годы Китай уверенно сохраняет за собой статус второй в мире экономики после США, а если считать по ППС (паритету покупательной способности), то первой в мире. Такие колоссальные экономические показатели и промышленный рост требуют большого количества энергии. Следовательно, энергопотребление Китая постоянно растет, лидером в росте является нефтегазовая сфера. Так объем потребления нефти в Китае в 2019 г. составил 650 млн т, что на 5 % больше показателя предыдущего года.

Высокие темпы роста экономики и промышленности Китая нуждаются в большом количестве материальных ресурсов, включая в первую очередь и топливо. На сегодняшний день можно говорить о том, что обеспечение собственными энергоресурсами в Китае составляет менее 80 %, ставя под угрозу вопрос энергетической безопасности страны [Рубан Л.С., Гриб Н.С. 2020, с. 5].

В рамках взаимодействия ШОС можно выделить следующие основные взаимосвязанные направления:

- энергетическая политика;
- экономическое сотрудничество;
- региональная безопасность;
- гуманитарное сотрудничество.

В каждом из данных направлений проводится большой объем работ по взаимодействию между странами ШОС. Принципы работы внутри организации построены на равноправном и справедливом положении каждого участника, но динамичное развитие каждого направления требует анализа сложившейся ситуации.

Политика в энергетике

Центральная Азия, находясь в центре континента, располагает обширными запасами природных ресурсов. Она является исторически ареной политических битв мировых держав, ее роль на сегодня многократно возросла в силу усиления в мире конкуренции за энергетические ресурсы. Здесь можно говорить о борьбе мировых и региональных держав в лице России, Китая, США, Ирана и Турции. Приоритетную роль в этом направлении в регионе в последнее время стал играть Китай, оттесняя исторического гегемона в этом регионе — Россию.

Казахстан, Туркменистан и Узбекистан — страны, богатые нефтью и природным газом; к тому же, этих запасов им достаточно не только для удовлетворения своих собственных нужд, но и для широкомасштабного экспорта, что укрепляет экономику этих республик. В табл. 1 можно ознакомиться со структурой распределения энергоресурсов по странам Центральной Азии.

Таблица 1. Удельный вес энергоресурсов в каждой из стран Центральной Азии, %

Энергоресурс/ страна	Казахстан	Киргизия	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
Нефть	50	5	1	17	13
Природный газ	16	2	2	83	84
Уголь	28	11	1	0	2
Гидроресурсы	6	82	96	0	1

Источник: Рассчитано автором на основе данных Минэнерго России.

Политика, проводимая Китаем в вопросе энергетического сотрудничества со странами Центральной Азии, основывается на следующих принципах.

Первое, прочные политические связи, необходимые для надежного сотрудничества в области энергетики. КНР одной из первых признала суверенитет стран региона Центральной Азии и наладила дипотношения. Второе, близость Центральной Азии к крупнейшему потребителю энергии в мире, Китаю. КНР граничит со странами-партнерами, позволяя снизить транспортные издержки на доставку энергоресурсов, а также уменьшить общую себестоимость затрат взаимодействия со странами Центральной Азии.

Третье, взаимная дополняемость при развитии энергетического сотрудничества стран. Многовекторность направлений поставок энергоресурсов выгодна не только Китаю, но и странам-экспортерам. В такой сделке Китай избегает зависимости от поставок углеводородов из Ближнего Востока и АТР, увеличивая свою энергетическую безопасность, а страны Центральной Азии получают возможность проведения более гибкой и независимой политики на региональном энергетическом рынке, избегая ситуации монополии. Диверсификация энергетического сотрудничества несет исключительно положительное влияние на экономики всех стран ШОС, позволяя вести торговлю энергоресурсами в рамках рыночных отношений и свободной конкуренции, развивая энергетическое многостороннее партнерство.

Казахстан является одним из крупнейших энергетических партнеров Китая в Центральной Азии. Сотрудничество в сфере энергетики началось с 1993 г. и на протяжении уже почти 30 лет идет непрерывное развитие в данном направлении, которое заключается в увеличении присутствия китайского капитала в нефтегазовой сфере страны. Например, в 2003 г. китайской компанией CNPC были приобретены акции нефтяного месторождения «Актобе» в размере 85,6 %. В 2005 г. китайской компанией ONPC была приобретена компания «Петроказхстан». В 2006 г. был построен первый транснациональный нефтепровод «Казахстан—Китай». Начиная с 2008 г. идет планомерное расширение и разветвление нефтегазовых трубопроводов по территории Казахстана, призванных соединить богатые нефтяные месторождения казахстанского сектора Каспийского моря с китайской трубопроводной системой (рис. 1).

Китай также заинтересован в таких странах, как Узбекистан и Туркмения. Китайская CNPC в 2006 г. создала вместе с «Узбекнефтегаз» и «Лукойлом» группу «Аральское море» по освоению углеводородных ресурсов в Аральском море. В конце 2007 г. для этих целей был построен Трансазиатский газопровод (ТАГ) (рис. 2).

Трансазиатский газопровод позволяет соединить Китай, Казахстан, Узбекистан и Туркмению двумя нитками «А» и «В», суммируя протяженность трубопровода до 1833 км.

Общий объем поставок в КНР по магистральному газопроводу Средняя Азия — Китай (рис. 3) с момента ввода его в эксплуатацию по состоянию на 7 марта 2020 г. составил 304,6 млрд м³ природного газа.

В ходе обсуждения отношений России и Китая со странами Центральной Азии нельзя не упомянуть инцидент так называемой «Газо-

Рис. 2. Трубопроводная сеть Центральной Азии.

Источник: URL: Neftegaz.ru

ду Китаем и странами Центральной Азии. На территории этого региона, проживает большое количество разных коренных народов Центральной Азии. Почти все они являются мусульманскими и имеют тесные религиозные, духовные и культурные связи со своими братьями по другую сторону границы. Все это помогает налаживать добрососедские и взаимоуважительные отношения с сопредельными странами региона. Единственный отрицательный фактор в этом вопросе относится к недавним действиям и политике правительства Китая по отношению к уйгурскому населению в СУАР. Информация о религиозно-национальном притеснении этого народа приносит некоторый негативный эффект на восприятие Китая среди населения центральноазиатских республик.

Экономическое сотрудничество

Экономическое сотрудничество России и Китая со странами Центральной Азии определяется в нескольких направлениях. Первое, это уже ранее освещенный вопрос расширения и углубления сотрудничества в энергетической сфере. Речь идет о расширении торговли, расширении многоуровневого интеграционного взаимодействия и увеличения сотрудничества в сфере других энергоресурсов. Другими приоритетными направлениями являются укрепление сотруд-

Рис. 3. Месторождения природного газа Туркменистана.

Источник: URL: Neftegaz.ru

ничества в сфере высоких технологий и расширение сотрудничества в других сферах, в первую очередь связанных с транспортной инфраструктурой.

Здесь одним из самых значимых проектов в Центральной Азии и ШОС будет Экономический пояс Шелкового пути. Экономический пояс планирует соединить маршрутом территории Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Ирана, Ирака, Турции, Болгарии, Молдовы и далее в Италию.

Главным слоганом проекта является выражение «Один пояс, один путь», заключающийся в развитии взаимосвязей между Азиатским, Европейским и Африканским континентами, а также прилегающими к ним морями для установления и укрепления партнерских торговых и экономических отношений. Проект предполагает расширение торгово-экономических связей с основным торговым партнером Китая — ЕС. Добиться этого можно через диверсификацию торговых маршрутов, например сокращение срока доставки грузов по железной дороге из Западного Китая в Восточную Европу до 11 дней. Также сейчас обсуждается вариант прокладывания нового маршрута в рамках Шелкового пути через Северный морской путь по российской акватории.

Для реализации данного проекта требуется развитие инфраструктурной взаимосвязи стран, осуществление беспрепятственной торговли в рамках проекта и финансовая интеграция вкуче с политической

координацией всех участников проекта на многостороннем консенсусе. Кроме того, требует решения проблема появления параллельных региональных проектов для Центральной Азии — Евразийского экономического союза России (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (SREB) Китая. Это стало самой серьезной проблемой для Москвы и Пекина с конца 2000-х годов.

Интересен также проект «Нового Шелкового пути». Инвестиции позволят странам построить транспортную инфраструктуру, необходимую для транспортировки грузов между странами — членами ЕАЭС. Проект транспортного коридора будет представлять высокоскоростную железнодорожную магистраль, соединяющую Китай с Западной Европой, через Россию и Казахстан. Данный проект весьма амбициозен и требует не только огромных финансовых инвестиций и затрат, но также имеет ряд еще не решенных задач. В частности, для Европы поставка грузов в Китай и другие страны АТР через Транссиб и далее через российские восточные порты обходится в два раза дороже, чем поставка с использованием морского транспорта. Также надо учитывать неудовлетворительное состояние транспортной инфраструктуры России и Казахстана, а также других стран региона и разницу в размере железнодорожной колеи между путями нашей страны и стран западной Европы.

Инвестиции России и Китая в страны Центральной Азии

Реализация проекта Экономического пояса Шелкового пути базируется на принципе развития транспортной инфраструктуры в странах, через которые пролегает маршрут пути. Вторым принципом доступа к ресурсам стран партнеров — это импорт сырья и экспорт китайских товаров. И третий принцип заключается в формировании условий для взаимного обмена инновациями, в первую очередь с технически передовыми для Китая странами, такими как Россия и страны Западной Европы.

Объем инвестиций и товарооборот Китая со странами Центральной Азии очень вырос за последнее время. Китайский капитал прочно обосновался в странах региона, обогнав Россию и страны Запада. Доля китайских фирм в Казахстане уже составляет более 25 % по нефтедобыче.

В Туркменистане Китай в результате ранее упомянутой «Газовой войны» 2009 г. выдал «Газпром» в качестве покупателя природного

Рис. 4. Маршрут «Экономического пояса Шелкового пути».

Источник: URL: Neftegaz.ru

газа, перераспределяя себе до 61 % экспорта сырья. Объем китайского капитала в Казахстане, Узбекистане и Туркменистане уже превышает российские вложения в 11 раз и продолжает расти.

Заключение

На сегодняшний день отношения России и Китая складываются на разграничении ролей в Центральной Азии и ШОС. Если КНР берет на себя роль экономического локомотива, то Москва выступает гарантом безопасности в регионе. Новый Шелковый путь Китая подкреплен конкретными финансовыми ресурсами. Российские проекты больше связаны с сохранением исторических позиций в регионе и своего имиджа.

В заключение можно сказать, что сотрудничество России и Китая в регионе не несет характера конкурентной борьбы, а больше является партнерским взаимодействием с согласованным распределением ролей в регионе ШОС в меру доступных ресурсов. Политическая и военная ведущая роль России никак не ставится под сомнение Китаем и в то же время фактор экономического могущества Китая признается всеми участниками организации.

Библиографический список

Товарооборот России и Китая: статистические данные и динамика развития. URL: <http://fb.ru/article/380716/tovarooborot-rossii-i-kitaya-statisticheskie-dannye-i-dinamika-gazvitiya> (дата обращения: 12.05.2018).

Минэнерго России. URL: <https://minenergo.gov.ru/> (дата обращения: 12.02.2020).

Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. М.: Рос. ин-т стратег. исслед., 2005. С.117

Рубан Л.С., Гриб Н.С. Энергетические стратегии Китая и их реализация. М.: Бурение и нефть. 2020. № 4. С. 4—9.

Ли Син, Ван Чэнсин. Стратегия энергетической безопасности Китая в Центральной Азии. Сравнительная политика 2 (12) / 2013. С. 10—20.

Neftegaz.ru. URL: <https://neftgaz.ru/news/transport-and-storage/539234-po-gaz-oprovodu-srednyaya-aziya-kitay-eksportirovano-304-6-mlrd-m3/> (дата обращения: 10.04.2021)

World Energy Outlook IEA, 2019. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2019> (дата обращения: 10.03.2021).

References

Minenergo Rossii [Ministry of Energy of Russia] URL: <https://minenergo.gov.ru/> (accessed: 12 February, 2020). (In Russian).

Komissina I. N., Kurtov A. A. Shanhajskaya organizaciya sotrudnichestva: stanovlenie novoj real'nosti. [The Shanghai Cooperation Organization: the formation of a new reality] M.: Ros. in-t strateg. issled., 2005. p. 117 (In Russian).

Ruban L.S., Grib N.S. Energeticheskiye strategii Kitaya i ikh realizatsiya [China's energy strategies and their implementation] M.: Burenije i nef't. 2020. № 4. p. 4—9. (In Russian).

Li Sin, Van Chensin, Strategiya energeticheskoy bezopasnosti Kitaya v Tsentral'noy Azii. [China's Energy Security Strategy in Central Asia] Sravnitel'naya politika 2 (12) / 2013. p. 10—20. (In Russian).

Tovarooborot Rossii i Kitaya: statisticheskie dannye i dinamika razvitiya [Trade turnover of Russia and China: statistics and development dynamics]. URL: <http://fb.ru/article/380716/tovarooborot-rossii-i-kitaya-statisticheskie-dannye-i-dinamika-razvitiya> (accessed: 12 May, 2018) (In Russian).

Neftegaz.ru. URL: <https://neftgaz.ru/news/transport-and-storage/539234-po-gaz-oprovodu-srednyaya-aziya-kitay-eksportirovano-304-6-mlrd-m3/> (accessed: 10 April, 2021). (In Russian).

World Energy Outlook IEA, 2019. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2019> (accessed: 10 March, 2021).

В.А. Матвеев

СОПРЯЖЕНИЕ ПРОЕКТА КНР «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» С РОССИЙСКИМ ПРОЕКТОМ ЕАЭС В УСЛОВИЯХ ВОЗРАСТАЮЩЕГО ДАВЛЕНИЯ СТРАН ЗАПАДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье подчеркивается, что главная причина ухудшающихся внешнеполитических и внешнеэкономических условий развития на евразийском пространстве — продолжающееся геополитическое противоборство Запада и России. При этом дополнительные проблемы доставляет соперничество коллективного Запада (США и ЕС) с Китаем, между ними в настоящее время по сути разворачивается столкновение глобального масштаба.

Оценивается новизна принятой Китаем концепции «двойного обращения», основная цель которой является ориентация на внутренний спрос и ее преемственность с целями, поставленными властями Китая в рамках ранее реализованной стратегии «выхода за рубеж».

Китай предпринимает усилия по формированию в стране глобального центра экономических и технологических инноваций как мирового поставщика новых технологий, конкурирующего с США. Это ответ на попытки администрации США занять доминирующие позиции на глобальном рынке IT и иных инновационных технологий.

В рамках реализации проектов «Один пояс, один путь» (ОПОП) оценивается риск кредитных или долговых ловушек и их возможные негативные последствия для стран-реципиентов.

В статье рассматриваются и последние стратегические документы, принятые администрацией США в целях поиска подходов по противодействию стратегии ОПОП. Так, США в рамках проекта Blue Dot Network пытаются раскрыть свою собственную инфраструктурную

инициативу для стратегически важных регионов мира в целях их глобального соединения с мировой инфраструктурной сетью.

Китай при реализации ОПОП также делает большие ставки на развитие отношений с Евросоюзом, его главным торговым партнером. При этом Китаем продвигаются такие две важнейшие инвестиционные инициативы, как Всеобъемлющее соглашение об инвестициях и проект «17+1», ныне «забуксовавшие» не без американской подсказки. В связи с новыми позициями США о сдерживании Китая данные инвестиционные инициативы ждет непростое будущее в ЕС.

Прогнозируется продолжение торгово-инвестиционного и санкционного давления западного мира. Отмечается, что этот западный нажим создает не только проблемы, но и открывает новые возможности для выработки стратегии и тактики ответного воздействия.

Ключевые слова: глобализация, инициатива «Один пояс, один путь», долговые ловушки, международные инвестиционные соглашения, сопряжение ОПОП с ЕАЭС.

Автор: Матвеев Владимир Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: matveeva@mail.ru

V.A. Matveev

Coupling of the PRC's "One Belt, One Road" project with the Russian EAEU project in the context of increasing pressure from Western countries: problems and prospects

Abstract. The article emphasizes that the main reason for the deteriorating foreign policy and foreign economic conditions of development in the Eurasian space is the ongoing geopolitical confrontation between the West and Russia. At the same time, the rivalry of the collective West (the US and the EU) with China is causing additional problems, and a global-scale clash is currently unfolding between them.

The novelty of the "dual circulation" concept adopted by China, the main goal of which is to focus on domestic demand and its continuity with the goals set by the Chinese authorities as part of the previously implemented "going abroad" strategy, is evaluated.

China is making efforts to form a global center for economic and technological innovation in the country as a global supplier of new technologies that competes with the center of the United States. This is a response to the attempts of the US administration to take a dominant position in the global market of IT and other innovative technologies.

As part of the implementation of the "One Belt, One Road" (OPOP) projects, the risk of credit or debt traps and their possible negative consequences for recipient countries is assessed.

The article also discusses the latest strategic documents adopted by the US administration in order to find approaches to counter the OPOP strategy. Thus, the United States, within the framework of the Blue Dot Network project, is trying to promote its own infrastructure initiative for strategically important regions of the world in order to connect them globally with the global infrastructure network.

When implementing the OPOP, China also makes big bets on the development of relations with the European Union, its main trading partner. At the same time, China is promoting such two important investment initiatives as the “Comprehensive Investment Agreement” and the “17+1” project, which have now stalled not without an American hint. Due to the new positions of the United States on containing China, these investment initiatives will have a difficult future in the EU.

It is predicted that the trade, investment and sanctions pressure of the Western world will continue. It is noted that this Western pressure creates not only problems, but also opens up new opportunities for developing a strategy and tactics of retaliatory influence.

Keywords: globalization, the “One Belt, One Road” initiative, debt traps, international investment agreements, integration of the OPOP with the EAEU.

Author: Vladimir A. Matveev, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher at the Center for the Study of Strategic Problems of Northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. E-mail: matveeva@mail.ru

В начале 3-го десятилетия XXI в. вследствие мировой пандемии коронавируса начался повсеместный глобальный локдаун, что повлекло за собой глубокую рецессию мировой экономики и обширный по своему охвату социально-гуманитарный кризис. При этом мир вступил в новый виток нестабильности.

Одним из существенных последствий этого являются глубокие подвижки мирового порядка, доселе не проявлявшиеся на поверхности системы международных отношений.

Мир колеблется между монополярным диктатом единственной сверхдержавы — США и проявлением ростков новой многополярной политической системы.

Проявляются новые черты глобализации. Западный мир во главе с их лидером США начинает формировать новую модель глобализации. Отличительной её чертой является стремление к консолидации западного мира на своих основаниях видения миропорядка без приглашения двух ведущих мировых держав — России и Китая. Проглядываются шаги Запада по навязыванию всем другим странам своих

новых международных правил, которые, на его взгляд, должны лежать в основе миропорядка.

При этом для ряда стран конкурирующего лагеря, которые не хотят мириться с новейшими правилами глобализации, применяются протекционистские и торгово-изоляционистские санкции вплоть до ведения торговых войн. За примерами не стоит далеко ходить: это и массированная санкционная политика в отношении России, и перманентная торговая война с Китаем.

В очередной раз проявилось, что Евросоюз не является независимым в политическом отношении актором во внешней политике. Он следует в русле внешней политики Соединенных Штатов.

В результате на смену рискам и угрозам доковидного мира приходят вызовы новой международной ситуации. И как результат — проявляются совершенно новые вызовы и угрозы безопасности.

Все это вынуждает остальной мир, в том числе и рассматриваемый нами мир евразийского пространства, ускоренно приспосабливаться к изменившимся правилам, стандартам и методам.

Главная причина ухудшающихся внешнеполитических и внешнеэкономических условий развития на евразийском пространстве — продолжающееся геополитическое противоборство Запада и России. При этом дополнительные проблемы доставляет соперничество коллективного Запада (США и ЕС) с Китаем. Указанные страны представляют собой два системообразующих фактора международных отношений, в перспективе образующих своеобразную ось мировой политики. Что принципиально важно, между ними в настоящее время по сути разворачивается столкновение глобального масштаба.

Значимую роль на данном витке глобализации приобрело формирование новых торговых блоков, или точнее экономических мегапартнерств, формирующихся с подачи как стран Запада, так и Китая.

Одним из таких амбициозных экономических мегапартнерств стало появление в Китае в 2013 г. концепции «Экономического пояса Шелкового пути», позднее ставшей называться инициативой «Один пояс, один путь» (ОПОП). Инициативу по её созданию можно рассматривать как концепцию глобализации с китайской спецификой, реализуемую путем экспансии КНР в зарубежные страны.

В связи со значимыми изменениями, произошедшими с того времени в мировой политике и экономике, появились существенные проблемы реализации ОПОП, что потребовало переоценить эффект участия в ней стран-участниц.

Кроме того, Китай столкнулся с новым геополитическим вызовом — активным строительством блока стран Индо-Тихоокеанского региона, оппонирующего КНР. Это усугубляет проблему свободного транзита ее товаров морским путем. Поэтому-то задача совершенствования инфраструктуры и модернизации транспортных путей, связующих Китай с основными мировыми рынками, продолжает являться актуальной.

В ответ на такие современные вызовы мирового масштаба, прежде всего серьезные изменения в условиях развития мирового (да и внутреннего) рынков и давление Запада, власти Китая в рамках коррекции экономического курса утвердили новую парадигму развития «двойного обращения» («двойной циркуляции») как новой модели развития Китая. В рамках этой парадигмы развития в качестве основного импульса роста выбран внутренний рынок, дополненный развитием внешней торговли.

При этом стратегической платформой для поддержки концепции «двойного обращения» определена все та же инициатива «Пояс и путь» (ИПП).

К настоящему моменту Китай и другие страны — участницы ИПП значительно расширили сотрудничество в области торговли, инвестиций и промышленного сотрудничества. К началу февраля 2021 г. Китай подписал в общей сложности 205 документов о сотрудничестве в рамках мегапроекта с 31 международной организацией и со 140 странами, прилегающими к маршруту «Пояс и путь» [Китай и мир.].

Хотя концепция «двойного обращения» является новой, однако ее основная цель — перевести экономику с тренда, ориентированного на экспорт и инвестиции, на тренд, в большей степени ориентированный на внутренний спрос, — в значительной степени является продолжением целей, реализованных властями еще в рамках стратегии «выхода за рубеж», а именно — на базе формирования эффективной региональной политики сглаживания уровней социально-экономического развития регионов и сокращения разницы в доходах в восточных и западных провинциях Китая [Новая парадигма...].

В международном плане развитие инфраструктурной сети западных провинций КНР преследует цель усиления интеграции страны в региональную и мировую экономику. Соединение с транспортными сетями соседних стран обеспечит имплементацию плана «Пояс и путь», решая задачи увеличения объемов экспорта капитала (инвести-

рование в строительство зарубежной инфраструктуры), значительно-го роста внешнеторгового оборота (в особенности экспорта высокотехнологичной инновационной продукции с высокой добавленной стоимостью) [Новая парадигма...].

В настоящее время Китай ставит задачу сделать свою страну мировым поставщиком новых технологий путем создания глобального центра экономических и технологических инноваций, конкурирующего с США. Это попытка парировать курс на торговый протекционизм и технологическую блокаду, начатый еще администрацией президента Дональда Трампа И это прямой вызов технологическому господству США.

Начинается эра технологической гонки мирового масштаба, где каждая страна (или блок стран) должна сделать выбор между двумя мировыми гигантами — США и Китаем. Причем США ускоряют процесс размежевания стран, создавая антикитайскую коалицию. Они подталкивают европейцев к более активному сдерживанию Китая, желая при этом и Россию привлечь на свою сторону.

Со стороны США начат поиск новых болевых точек Китая.

Одной из таких точек является проблема долговых ловушек. Так, широкую международную известность приобрело появление ряда негативных последствий реализации проекта ОПОП, в частности кредитных или долговых ловушек, в ряде стран — его участников: Шри Ланке, Таджикистане, Киргизии, Белоруссии и пр. В связи с этим США активизировали обсуждение проблемы долговых ловушек КНР.

Китай изначально поставил инициативу «Пояс и путь» в центр своей обновленной программы внешней помощи. Ряд критиков приводит примеры того, что данная многомиллиардная инициатива Пекина сопряжена с рисками долговых ловушек. Им представляются коварными намерения Китая, касающиеся предоставления кредитов для строительства прежде всего улучшенной инфраструктуры в обмен на торговые преференции и передачу суверенитета над проблемными объектами заимодавцу, то есть Китаю. Однако последний отрицает эти утверждения. Согласно исследованию, проведенному Кильским институтом мировой экономики в Германии в 2019 г., за период 2000—2017 гг. задолженность других стран перед Китаем увеличилась в десять раз: с менее 500 млрд до более 5 трлн долл. Как заявлял бывший министр финансов США Мнучин, Минфин продолжает работать с МВФ и Всемирным банком, чтобы добиться полной прозрачности долгов стран в рамках инициативы Пекина ИПП и обеспечить,

чтобы средства этих учреждений не использовались для погашения долга перед Китаем [Мнучин].

Однако проблема китайских долгов не так однозначна. Есть и иные мнения западных экспертов. Так, показательно, что, по заявлению экспертов британского Chatham House, американского Университета Джона Хопкинса и журнала Atlantic, проблему долговых ловушек Китая можно «сбросить со счетов» вследствие отсутствия свидетельств того, что бремя долговой ловушки ложится на другие страны из-за китайского кредитования [Долговая ловушка].

В целом, конечно, ОПОП, как и любая другая глобальная инициатива, несет с собой целый спектр вызовов и угроз. Власти США в своей многоуровневой стратегии давления на Китай пытаются воспользоваться рядом упущений китайских властей. Среди них, например, активизация правозащитных вопросов Синцзяна, Тибета и Гонконга, противостояние в территориальном споре за островные архипелаги в Южно-Китайском море и т. п.

Совсем недавно, в начале марта 2021 г., на сайте американского Белого дома был опубликован документ под названием «Временное стратегическое руководство по национальной безопасности» (Interim National Security Strategic Guidance), в котором центральное место заняло обоснование противостояния США и Китая, обозначенное как «стратегическое соревнование» [Макаров]. В целом в качестве угроз Соединенным Штатам обозначен не только Китай, но и другие авторитарные государства, включая Россию. При этом в США понимают, что добиться стратегической цели и победить Китай в одиночку они не в состоянии. Исходя из этого, принципиально важное место отведено объединению усилий с союзниками и ближайшими партнерами. Главными целями объединения со странами-единомышленниками являются: разработка надежных цепочек товарных поставок и технологической инфраструктуры, развитие альтернативной энергетики и т. п. Ну и, конечно, противостояние авторитарным странам.

В связи с этим страны Запада не оставляют попыток поиска подходов по противодействию стратегии ОПОП.

США с самого начала реализации инициативы ОПОП пытаются вставлять ей «палки в колеса». Отмечены попытки блокирования создания важнейшего механизма ОПОП — Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Однако они закончились неудачей.

В настоящее время США пытаются раскрутить свои собственные инфраструктурные инициативы для стратегически важных регионов ради их глобального соединения с мировой инфраструктурной сетью.

Таковой новой инициативой является выдвинутый в 2019 г. США проект Blue Dot Network («Сеть голубых точек»), или BDN [Кондратьев].

Сеть BDN — многоуровневая инициатива, объединяющая усилия государственного и частного секторов, а также гражданского общества в целях продвижения фундаментальных стандартов для развития глобальной инфраструктуры.

По мнению ряда экспертов, реализация проекта не что иное, как предложенное американскими экспертами универсальное решение по блокированию китайских логистических инициатив, разделение на «правильную» и «неправильную» инфраструктуру и логистику для доступа в том числе на премиальный американский рынок.

В целях разработки международных стандартов сертификации для конкретных инфраструктурных проектов в сети BDN США привлекли Австралию и Японию. Консенсус для такой сертификации на основе стандартов прозрачности, устойчивости и воздействия на развитие был достигнут на саммите G-20 в Осаке. Ответственными за реализацию проекта являются американские институты: Агентство США по международному развитию, Корпорация финансирования развития США и Государственный департамент США.

Именно сеть Blue Dot — это явный ответ на широко озвученную дипломатию кредитных ловушек Китая.

В настоящее время для апробации BDN выбрана такая стратегически важная территория евразийского пространства, как Большой каспийский регион, включающий не только чисто прикаспийские страны, но и другие страны постсоветского пространства — Закавказья и Центральной Азии.

Важно, что эта территория была и остается в фокусе китайской инициативы «Один пояс, один путь». Кроме того, Большой каспийский регион с точки зрения развития логистических, торговых и транзитных маршрутов остается одной из наименее развитых периферийных территорий, весьма нуждающихся в значительных инвестициях для развития региональной и межрегиональной инфраструктуры.

Каспийский проект Blue Dot Network указывает на планы США вступить в жесткую конкуренцию с Китаем в сфере инфраструктурных инвестиций на постсоветском пространстве. С учётом этого Каспий может стать очередным полем американско-китайского соперничества, что, безусловно, отразится на геоэкономической ситуации в регионе.

Мало того, полагается, что, например, данный американский проект BDN, продвигая свои проекты «Запад—Восток» в Азербайджане, будет конкурировать с российскими и казахстанскими инвестициями в инфраструктуру международного коридора «Север—Юг».

Обобщая, можно отметить, что проект BDN будет реальным противвесом ОПОП, но вряд ли остановит его развитие ввиду меньших объемов финансовых ресурсов, политической мотивированности для участников проекта, да и просто более позднего начала.

В настоящее время новая администрация США взялась за реанимирование евро-атлантических отношений.

Китай при реализации ОПОП также делает большие ставки на развитие отношений с Евросоюзом — его главным торговым партнером. Здесь Китаем до недавнего времени велись две важнейшие инвестиционные инициативы — это Всеобъемлющее соглашение об инвестициях и проект «17+1», ныне «забуксовавшие» не без американской подсказки.

30 декабря 2020 г. руководители ЕС и Китая наконец-то объявили о достижении договоренности относительно основных положений Всеобъемлющего соглашения об инвестициях (ВСИ, Comprehensive Agreement on Investment, CAI), переговоры о котором велись еще с 2013 г. [Кадомцев].

В официальном сообщении Еврокомиссии Соглашение называют «самым амбициозным» из тех, которые когда-либо подписывал с ними Китай. Хотя речь о полновесном соглашении о свободной торговле не идет. Еврокомиссия считает его «важным прорывом», а также выражает уверенность, что добилась от Китая «максимально возможных уступок».

О каких же значимых уступках идет речь? Это, к примеру, снижение барьеров на пути доступа электромобилей и гибридов, выпускаемых автоконцернами Европы на китайский рынок; расширение возможностей для предоставления европейцами медицинских услуг на территории Китая. КНР обещает допустить европейцев на телекоммуникационный рынок, а также «выполнить требование ВТО и раскрыть объем своих субвенций». Заявлено о прекращении практики «принудительной передачи технологий», а также о целом ряде других положений, долгие годы беспокоящих представителей европейского бизнеса [Кадомцев].

Однако текст Соглашения еще не прошел «юридическую обкатку» в структурах ЕС, а также ратификацию в Европарламенте. Ожидается, что процесс займет не менее одного года. ЕС и КНР также дого-

ворились о двухлетнем периоде, в течение которого планируется завершить переговоры по ряду конкретных положений сделки, а также заключить дополнительное соглашение о защите инвестиций.

В связи с новыми позициями США о сдерживании Китая данное Всеобъемлющее соглашение об инвестициях ждет непростое будущее в ЕС.

Кроме того, очень неоднозначным китайским проектом в рамках ОПОП является проект инвестиционной инициативы в формате «17+1», реализуемый в Центральной и Восточной Европе [Поплавский].

Инвестиции из АБИИ идут прежде всего в портовую инфраструктуру южных бедных стран Европы — Грецию, Португалию, Италию.

Но тут наехала «коса на камень». Широко разрекламированная сделка по покупке греческого порта Пирей не получила должного развития из-за торможения греческих властей [Данилова].

Главное, партнерам не хватает взаимного доверия, а деловым практикам — совместимости. В итоге Китай в рамках ИПП пока не смог реализовать ни одного крупного инфраструктурного проекта в европейских странах.

К тому же Европейский союз на уровне его руководства отнесся к этой форме сотрудничества негативно. По мнению ЕС, китайские проекты подразумевают сомнительные условия: китайские кредиты не имеют льготных процентных ставок; завышенная численность китайских рабочих в рамках реализации проектов, которая должна составлять не менее 50 %. При этом китайские трудовые и экологические стандарты существенно уступают европейским. Чтобы не допустить покупки Китаем европейских стратегических активов, ЕС создал Комитет по иностранным инвестициям (Committee on Foreign Investment in the EU, CFIEU) — механизм для скрининга (но не блокирования) инвестиций третьих стран в стратегические отрасли европейских государств [Данилова].

С учетом целого ряда негативных факторов вокруг формата 17+1, помноженных на давление США, и тот факт, что почти все европейские государства-участники подписали меморандум о взаимопонимании с Вашингтоном, который направлен на противодействие китайским технологическим компаниям, возникает вопрос о дальнейшей судьбе этой платформы [Поплавский].

Тем не менее страны, которые подписали меморандум о взаимопонимании с Китаем по развитию ОПОП, отмечают некоторые преимущества в увеличении торговли и инвестиций. Так, экспорт этих

стран ЕС в 2019 г. увеличился на 5 % больше, чем у стран ЕС, не входящих в BRI [Долговая ловушка]. Дополнительным позитивным фактором является улучшение инфраструктуры, а также рост прямой торговли с Китаем.

Если обратиться к теме сопряжения ОПОП с ЕАЭС, в том числе и с Россией, то стоит отметить следующее.

Де-факто Россия участвует в ОПОП по своеобразной схеме не как отдельная страна, а как член интеграционной группировки ЕАЭС. Заключенное в мае 2015 г. по инициативе России соглашение с Китаем предусматривает постепенное сопряжение проектов «Пояса и пути» с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Использование формата интеграционного объединения, включающего страны из стратегического окружения Китая как одной из сторон сопряжения позволяло усилить гибкость переговорных позиций России.

Вообще широко звучащее на разных евразийских форумах, включая и формат ШОС, понятие «сопряжение» в утилитарном значении сводится к элементарному созданию преференциальной зоны свободной торговли (ЗСТ). Такие ЗСТ примерно в это же время начали прорабатываться Евразийским союзом в формате двусторонних соглашений о ЗСТ с Вьетнамом и с рядом других стран.

Тем не менее в вопросе формирования ЗСТ ЕАЭС Китай завис. Все это связано с исключительной чувствительностью темы свободной торговли для стран ЕАЭС. Оказалось, что они не готовы к широкому раскрытию своего рынка Китаю ввиду опасности крупномасштабного заполнения своих рынков китайскими товарами, даже при условии максимального ограничения правил свободной торговли. Слишком многие отрасли, особенно производство потребительских товаров, стали бы жертвой такого решения. Кроме того, по его словам, интересы стран ЕАЭС в отношении сотрудничества с КНР сильно различаются. В конечном итоге в мае 2018 г. было подписано достаточно усеченное торгово-экономическое соглашение ЕАЭС и Китая без введения торговых преференций.

В конечном итоге заключенное соглашение хоть и носит достаточно общий характер, тем не менее оно создало основу для дальнейшего движения в сторону тесного сопряжения ЕАЭС и ОПОП. Прогресс по тематике таможенных тарифов в рамках ЗСТ ЕАЭС — Китай может ожидаться в течение 2021 г.

Проекты, ведущиеся Китаем с ЕАЭС, включая Россию, действуют и в нескольких других форматах, например транспортных коридоров.

Это, например, организация сухопутного моста в Европу через Евразию посредством железнодорожных и автомобильных маршрутов и через Полярный шелковый путь.

Сейчас в условиях периодического появления трудностей с трафиком судов по Суэцкому каналу, а также резкого повышения ставок фрахта морских перевозчиков транзитный сухопутный путь в Европу через Казахстан и Россию опять стал интересен Китаю.

Кроме того, происходят подвижки в торговом взаимодействии Китая и ЕАЭС. Китай наконец-то открывает некоторым российским компаниям доступ на свой рынок. НОВАТЭК и «Газпромбанк» подписали практическое соглашение с китайской нефтехимической компанией Sinopet. Главное, оно позволяет гарантировать сбыт производимого СПГ китайским потребителям, а также открывает возможности инвестирования российским компаниям в развитие сегмента конечного потребления на одном из крупнейших и быстрорастущем рынке газа и СПГ в мире [ПАО Новатэк].

Перспективным направлением участия России в проекте ОПОП может стать привлечение Китая не только к освоению полезных ископаемых в арктической зоне, но и к использованию Северного морского пути, который китайская сторона рассматривает как один из маршрутов своего Полярного шелкового пути.

Подытоживая, можно сказать, что торгово-инвестиционное и санкционное давление западного мира будет продолжаться, с этим ничего нельзя сделать, тем более что США и их союзники пока контролируют существенную часть мировой экономики. Но важно заметить, что этот западный нажим создает не только проблемы, но и открывает новые возможности.

Пассивная защита от мер экономического и санкционного пресинга — это не самый ключевой вопрос.

Гораздо более важным является то, какой должна быть стратегия и тактика ответного воздействия. Может быть, даже коллективного. Тем более, как показывает практика международных взаимоотношений, именно они, как можно надеяться, могут принести экономические и политические выгоды.

Библиографический список

Данилова Т. Пояс, путь, проекты и проблемы // Атомный эксперт. 2—3. 2019. URL: https://atomicexpert.com/silkway_belt_and_path (дата обращения: 08.04.2021).

Долговая ловушка/ Википедия. URL: https://ru.hmong.wiki/wiki/China%27s_debt_trap (дата обращения: 05.04.2021).

Кадомцев А. Инвестиционное соглашение ЕС и КНР заставляет Вашингтон нервничать. РСМД. 28.01.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/andrey-kadomtsev/investitsionnoe-soglashenie-es-i-knr-zastavlyaet-vashington-nervinvest/> (дата обращения: 05.04.2021).

Китай и мир: по бескрайнему океану к расширению сотрудничества//Российская газета. 01.06.2021. URL: <https://rg.ru/2021/06/01/kitaj-i-mir-po-beskrajnemu-okeanu-k-rasshireniiu-sotrudnichestva.html> (дата обращения: 01.06.2021).

Кондратьев В. США намерены реализовать инициативу Blue Dot Network в странах Каспия // Каспийский вестник. URL: <http://casp-geo.ru/ssha-namereny-realizovat-initsiativu-blue-dot-network-v-stranah-kaspiya/> (дата обращения: 05.04.2021).

Макаров Е. Временное стратегическое руководство по национальной безопасности США // Военное обозрение. 08.04.2021. URL: <https://topwar.ru/181665-vremennoe-strategicheskoe-rukovodstvo-po-nacionalnoj-bezopasnosti-ssha-2021.html> (дата обращения: 08.04.2021).

Мнучин С. Средства МВФ и Всемирного банка не должны идти на погашение долга перед Китаем // Вести.ру. 12.03.2020. URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/1866273> (дата обращения: 05.04.2021).

Новая парадигма развития Китая с «двойной циркуляцией» // Китай сегодня. 30.03.2021 (дата обращения: 05.04.2021). URL: <https://prc.today/novaya-paradigma-razvitiya-kitaya-s-dvojnoj-czirkulyaczief/>

ПАО Новатэк. Инвесторам и акционерам / События и мероприятия. 05.05.2019. URL: https://www.novatek.ru/ru/investors/events/?id_4=3232(дата обращения: 08.04.2021).

Поплавский А. Долговая ловушка: Китай провалил экспансию в Европу // Газета.ру.11.02.2021. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/02/10_a_13474298.shtml (дата обращения: 08.04.2021).

References

Danilova T. Poyas, put', proekty i problemy/Atomnyj ekspert [Belt, Road, projects and problems], 2—3, 2019. URL: https://atomicexpert.com/silkway_belt_and_path (accessed: 08.04.2021) (In Russian).

Dolgovaya lovushka/ Vikipediya [The Debt Trap]. URL: https://ru.hmong.wiki/wiki/China%27s_debt_trap (accessed: 05.04.2021) (In Russian).

Kadomtsev A. Investicionnoe soglashenie ES i KNR zastavlyaet Vashington nervnichat' [The EU-CHINA investment agreement makes Washington nervous.] RSMD. 28.01.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/andrey-kadomtsev/investitsionnoe-soglashenie-es-i-knr-zastavlyaet-vashington-nervnichat/> (accessed: 05.04.2021) (In Russian).

Kitaj i mir: po beskrajnemu okeanu k rasshireniyu sotrudnichestva [Китай и мир: по бескрайнему океану к расширению сотрудничества]. Rossijskaya gazeta. 01.06.2021. URL: <https://rg.ru/2021/06/01/kitaj-i-mir-po-beskrajnemu-okeanu-k-rasshireniuu-sotrudnichestva.html> (accessed: 01.06.2021) (In Russian).

Kondrat'ev V. SSHA namereny realizovat' iniciativu Blue Dot Network v stranah Kaspiya [The United States intends to implement the Blue Dot Network initiative in the Caspian countries], Kaspijskij vestnik. URL: <http://casp-geo.ru/ssha-namereny-realizovat-initsiativu-blue-dot-network-v-stranah-kaspiya/> (accessed: 05.04.2021) (In Russian).

Makarov E. Vremennoe strategicheskoe rukovodstvo po nacional'noj bezopasnosti SSHA [Interim Strategic Guide to US National Security], Voennoe obozrenie, 08.04.2021. URL: <https://topwar.ru/181665-vremennoe-strategicheskoe-rukovodstvo-po-nacionalnoj-bezopasnosti-ssha-2021.html> (accessed: 08.04.2021) (In Russian).

Mnuchin C.: Sredstva MVF i Vsemirnogo banka ne dolzhny idti na pogashenie dolga pored Kitaem [The funds of the IMF and the World Bank should not go to repay the debt to China]. Vesti.ru. 12.03.2020. URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/1866273> (accessed: 05.04.2021) (In Russian).

Novaya paradigma razvitiya Kitaya s «dvojnnoj cirkulyaciej» [A new paradigm of China's development with a “double circulation”], Kitaj segodnya. 30.03.2021. URL: <https://prc.today/novaya-paradigma-razvitiya-kitaya-s-dvojnnoj-czirkulyacziej> (accessed: 05.04.2021) (In Russian).

PAO Novatek. Investoram i akcioneram/Sobytiya i meropriyatiya [PJSC Novatek. For investors and shareholders.Events and activities]. 05.05.2019. URL: https://www.novatek.ru/ru/investors/events/?id_4=3232(accessed:08.04.2021)) (In Russian).

Poplavskij A. Dolgovaya lovushka: Kitaj provalil ekspansiyu v Evropu [Debt trap: China has failed its expansion into Europe]. Gazeta.ru. 11.02.2021. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/02/10_a_13474298.shtml (accessed: 08.04.2021)) (In Russian).

Ю.В. Кулинцев

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС*

Аннотация. В статье рассматриваются действия России и Китая на первом этапе борьбы с COVID-19, сравниваются подходы двух стран к выстраиванию внешнеполитического взаимодействия в условиях кризиса, вызванного новой коронавирусной инфекцией.

Автор показывает, как повлиял глобальный кризис COVID-19 на российско-китайское сотрудничество, выявляет позитивные и негативные тенденции, проявившиеся в двусторонних отношениях Москвы и Пекина в 2020 г.

COVID-19 стал глобальным вызовом для современного мирового порядка и всего человечества. Международное сообщество с самого начала возникновения эпидемии внимательно наблюдало за действиями Китая по противодействию новой коронавирусной инфекции.

Жесткие карантинные меры, принятые в наиболее подверженных заражению регионах Китая, по-прежнему остаются наиболее эффективным средством борьбы с эпидемией. При этом Китай столкнулся с беспрецедентной критикой и обвинениями со стороны Вашингтона в возникновении и распространении инфекции. В статье подробно рассмотрены действия Пекина и Москвы и их заявления,

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского совета по международным делам «Россия и Китай: партнерство в контексте вызовов безопасности и развития в АТР».

которые были сделаны с целью не допустить перевода проблемы борьбы с коронавирусной инфекцией в политическую плоскость.

Одним из показательных примеров в данном случае является сравнение подходов к распределению ограниченных ресурсов, средств защиты и планов по использованию и предоставлению международного доступа к вакцине от COVID-19.

С самого начала пандемии Москва и Пекин были в тесном контакте по вопросу разработки препаратов против COVID-19. В августе 2020 г. оба государства согласились создать совместную лабораторию для проведения исследований коронавируса. Такое сотрудничество может оказаться значимым в будущем с учетом того, что эксперты не исключают появления новых глобальных пандемий в ближайшем будущем.

Ключевые слова: Китай, Россия, ШОС, политическое взаимодействие, пандемия COVID-19, геополитика.

Автор: Кулинцев Юрий Викторович, кандидат политических наук, заместитель директора, Институт Дальнего Востока РАН.
E-mail: kulintsev.y@ifes-ras.ru

Y.V. Kulintsev

Political interaction between Russia and China in the context of the COVID-19 pandemic in the SCO space

Abstract. The article examines the actions of Russia and China at the first stage of the fight against COVID-19, compares the approaches of the two countries to building foreign policy cooperation in the context of the crisis caused by the new coronavirus infection.

The author shows how the global crisis COVID-19 affected Russian-Chinese cooperation, reveals positive and negative trends that have manifested themselves in bilateral relations between Moscow and Beijing in 2020.

COVID-19 has become a global challenge for the modern world order and all of humanity. From the very beginning of the outbreak, the international community has closely watched China's actions to counter the new coronavirus infection.

Harsh quarantine measures taken in the regions of China most prone to infection remain the most effective means of fighting the epidemic. At the same time, China faced unprecedented criticism and accusations from Washington for the emergence and spread of infection. The article examines in detail the actions and statements of Beijing and Moscow, which were made by the two sides in order to prevent the transfer of the problem of combating coronavirus infection into the political plane.

One illustrative example in this case is a comparison of approaches to the allocation of limited resources, remedies and plans for the use and provision of international access to the COVID-19 vaccine.

From the very beginning of the pandemic, Moscow and Beijing have been in close contact on the development of drugs against COVID-19. In August 2020, both states agreed to set up a joint laboratory to conduct coronavirus research. Such cooperation may turn out to be significant in the future, given that experts do not exclude the emergence of new global pandemics in the near future.

Keywords: China, Russia, SCO, political cooperation, COVID-19, geopolitics.

Author: Yury V. KULINTSEV, Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
(e-mail: kulintsev.y@ifes-ras.ru).

Новая коронавирусная инфекция стала глобальным вызовом для всего человечества и одновременно продемонстрировала подходы различных государств к развитию международных отношений в кризисных условиях, когда национальные системы здравоохранения не справляются с потоком нуждающихся в помощи пациентов, а правительства вынуждены буквально «ставить на паузу» экономики своих стран.

В данном контексте исследовательский интерес представляют крупные страны с масштабными геополитическими амбициями и предпринимаемые ими шаги, которые могут использоваться другими участниками международных отношений в качестве ориентиров или моделей для формирования внешнеполитических действий.

Подобным наибольшим влиянием на пространстве ШОС обладают Россия и Китай. Обе страны на мировой арене воспринимаются как геополитические партнеры, отношения между которыми вышли на уровень, близкий к союзническому. Это неоднократно подтверждалось в выступлениях высокопоставленных чиновников двух стран, а также подтверждается намерениями Москвы и Пекина продлить действующий уже 20 лет Договор о добрососедстве, дружбе и союзничестве [О рабочем...].

При этом в экспертной среде существует точка зрения, что у России и Китая нет фундаментальной основы для совместного соразвития. А нынешнее сближение является кратковременным и продиктовано исключительно отсутствием альтернативных возможностей развития в условиях конфронтационного давления со стороны стран Запада [Габуев].

В рамках статьи проведен анализ различных аспектов двустороннего взаимодействия — политических, экономических и гуманитарных действий, предпринимаемых политическим руководством двух стран в условиях глобального кризиса, с целью подтвердить их мотивы развивать долгосрочное и взаимовыгодное сотрудничество или опровергнуть данное намерение.

Автор придерживается позиции, что пандемия COVID-19 является классическим примером событий, относящихся в политологической науке к категории «черный лебедь» [Фененко], то есть абсолютно непредсказуемых и оказывающих мощнейшее влияние на последующее развитие международных отношений. В условиях реальной угрозы национальной безопасности, когда отсутствует полная информации о вирусе и степени его влияния на человеческую жизнедеятельность, действия политического руководства различных стран можно считать достоверным показателем, позволяющим сделать выводы о реальном положении вещей в отношениях между государствами.

Для Китая проблема борьбы с COVID-19 вышла за пределы внутригосударственной повестки. Практически с самого начала пандемии Пекин вынужден был на внешнеполитическом уровне защищать свой имидж от агрессивной риторики Вашингтона. США во главе с бывшим на тот момент президентом Д.Трампом попытались максимально политизировать проблему коронавируса, открыто и, как подтвердилось позднее, бездоказательно обвинив Китай в появлении инфекции, называя вирус «китайским» и призывая требовать от КНР компенсации за его распространение. Позицию РФ касательно обвинений Китая по поводу распространения COVID-19 озвучил постпред России при ООН В. Небензя, который выразил сожаление в связи с безосновательными обвинениями в распространении коронавируса в мире [Небензя прокомментировал...].

В самой России же в связи с угрозой распространения неизвестной инфекции предприняли ряд политических действий, которые на начальном этапе были негативно восприняты в Пекине. В частности, уже 2 января 2020 г. Россия приняла решение усилить санитарный контроль на границе с КНР в Приамурье, позже был усилен контроль за состоянием здоровья всех пассажиров, прибывающих из КНР в Приангарье и Приморье [В Приамурье...]. В конце января были отменены рейсы из Уханя в Москву, значительно ограничено авиасообщение с КНР (исключение составили рейсы «Аэрофлота» в Пекин, Шанхай, Гуанчжоу и Гонконг. По соглашению с КНР еще четыре ки-

тайские авиакомпании совершали полеты в Москву на регулярной основе. В аэропорту «Шереметьево» был отдельно выделен терминал F для рейсов из Китая, где была организована работа авиационных властей и сотрудников Роспотребнадзора), приостановлено оформление российских электронных виз гражданам КНР, а также продажа туров в Китай и прием тургрупп из Китая.

Одновременно с этим Россия стала одной из первых стран, которые оказали гуманитарную помощь Китаю. Защитные маски, острый дефицит которых там наблюдался, были доставлены в КНР самолётами МЧС по решению Оперативного штаба по контролю и предупреждению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции в России. При этом со стороны России в Китай были направлены все свободные складские запасы медицинских масок, что привело к временному их дефициту, например, в аптечных сетях Москвы.

29 января было объявлено о разработке российской тестовой системы для диагностики COVID-19. Разработка экспресс-тестов была осуществлена российскими вирусологами на основе генома нового коронавируса COVID-19, переданного китайской стороной российским ученым [Китай и Россия...]. Новые экспресс-тесты позволили в течение двух часов идентифицировать коронавирус в организме человека. С этого момента была запущена совместная работа ученых двух стран по разработке вакцины против COVID-19.

Позднее китайские специалисты крайне положительно отзывались о российских тест-системах, доказавших свою эффективность и обладавших преимуществом более легкого использования. В частности, температура хранения российской тест-системы составляла +4 °С, тогда как китайскую тест-систему следовало хранить при температуре –20 °С.

Приведенные примеры двустороннего сотрудничества стали возможны лишь благодаря развитой системе политического взаимодействия между Россией и Китаем, включающей ежегодные обмены официальными визитами глав государств, механизм регулярных встреч глав правительств, работу пяти совместных межправительственных комиссий, в составе которых сформировано более 20 подкомиссий. Диалог постоянно поддерживался и в период пандемии, в том числе диалог на высоком уровне. В частности, 1 февраля состоялись телефонные переговоры министра иностранных дел России С. Лаврова и его коллеги Ван И, в ходе которых обсуждались вопросы российско-китайского взаимодействия в сфере борьбы с распростра-

нением коронавирусной инфекции нового типа [Лавров провел переговоры...]. С российской стороны была дана высокая оценка мерам, принимаемым Китаем в борьбе с COVID-19. Китайская сторона поблагодарила РФ за оказание гуманитарной помощи, необходимой для борьбы с распространением эпидемии.

В последующие дни в рамках достигнутых политических договоренностей более 4,5 тыс. российских туристов, находившихся на о-ве Хайнань в составе организованных тургрупп, были эвакуированы в Россию. 4—5 февраля 2020 г. по распоряжению президента РФ В. Путина эвакуация российских граждан из районов Китая, более всего поражённых коронавирусом, была осуществлена на самолётах ВКС РФ в сопровождении военных медиков и специалистов Минобороны России. Всего было эвакуировано 144 человека, из них 128 граждан России и 16 граждан СНГ, которые были доставлены в специализированный центр в Тюмени на двухнедельный карантин [Первый самолет ВКС...].

По поручению правительства РФ делегация из шести представителей Роспотребнадзора и Министерства здравоохранения РФ 5 февраля 2020 г. прибыла в Пекин. Эксперты-эпидемиологи обсудили актуальные вопросы, касающиеся распространения коронавирусной инфекции, и проанализировали, какие дополнительные меры можно было принять для обеспечения безопасности граждан.

В феврале 2020 г. по поручению правительства РФ МЧС России отправило в Китай транспортный самолет Ил-76 с медицинскими препаратами и средствами индивидуальной защиты. Гуманитарная помощь массой более 23 т была сформирована подразделениями МЧС из Московской, Тверской и Воронежской областей, что стало примером развития регионального взаимодействия между Россией и Китаем. Следует отметить, что применяемый на государственном уровне механизм «взаимной помощи» позволил в кратчайшие сроки наладить каналы поставки дефицитных товаров и оборудования в наиболее пострадавшие регионы Китая.

Политические консультации между двумя странами осуществлялись и в Москве. Была проведена встреча главы Роспотребнадзора А. Поповой с послом КНР в РФ Чжан Ханьхуэем, по итогам которой стороны выразили намерение продолжать сотрудничество в противоэпидемической сфере, в том числе в сфере распространения информации о коронавирусе и способах профилактики заболевания. Российская сторона также отметила, что Китай доказал эффективность

проводимых им мер по борьбе с COVID-19, и выразила готовность изучать опыт КНР в противодействии распространению инфекции.

В результате достигнутых договоренностей Китаю были переданы новые разработки российских ученых Сибирского отделения РАН. В их число вошли новые тест-системы для быстрого и эффективного определения наличия вируса и несколько вариантов защитных масок, обладающих уникальными характеристиками. Российские учёные также выдвинули ряд предложений по ускоренной разработке вакцин нового типа и препаратов лечебной направленности на основе антител переболевших.

Начиная с конца марта 2020 г., когда в Китае ситуация с COVID-19 была взята под контроль, правительство КНР стало оказывать ответственную гуманитарную помощь российской стороне. 23 марта 2020 г., в рамках реализации Национального плана по предупреждению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции на территории РФ, в Россию из Китая было поставлено 25,5 млн защитных масок. Поставки организованы Минпромторгом России при содействии ВКС России. Поставки медицинских масок из Китая в РФ продолжались и в рамках регионального взаимодействия. Например, правительство пров. Хэйлунцзян в ответ на запрос Якутии заявило о готовности не только направить гуманитарную помощь, партию медицинских масок, но и наладить на месте производство средств защиты. При этом ранее, в начале февраля 2020 г., Якутия поставила в Хэйлунцзян медицинские маски и необходимые в период эпидемии медикаменты. В тот же период из г. Харбина пров. Хэйлунцзян в Красноярский край было отправлено 300 защитных костюмов и 50 тыс. одноразовых хирургических масок. Их доставили в Россию через КПП Хэйхэ. Экстренная помощь была оказана по просьбе правительства Красноярского края, который ранее также передал пров. Хэйлунцзян 50 тыс. масок для защиты от коронавируса.

Отдельные действия крупного китайского бизнеса также свидетельствуют о его стремлении развивать политический диалог с российской стороной. Если выплаты компании «AliExpress Россия» размером порядка 1,2 млн долл. [AliExpress выделил...] в качестве компенсации российским потребителям за задержку посылок из Китая обусловлены исключительно экономическими интересами и желанием сохранить лояльность клиентов, то предоставление основателем Alibaba гуманитарной помощи для Минобороны РФ является политическим шагом. Самолет ВКС России доставил из Китая более 1 млн масок и 200 тыс. тест-систем для выявления коронавирусной инфекции, переданных в

дар Минобороны РФ основателем корпорации Alibaba Джеком Ма. В ходе телефонного разговора с министром обороны РФ Джек Ма поблагодарил С. Шойгу за поддержку, оказанную Россией Китаю в период развития пандемии коронавируса, и подчеркнул, что «помогает России сейчас и продолжит эту работу в знак глубокого уважения и дружеских отношений с главой российского военного ведомства» [Джек Ма подарил Минобороны...].

Еще одной особенностью рассматриваемого периода стал перенос большинства двусторонних и многосторонних межгосударственных мероприятий в формат онлайн. Например, 7-я российско-китайская ЭСКПО была перенесена на июль 2021 г. из-за неблагоприятной эпидемической ситуации. Выставка должна была пройти с 7 по 10 июля 2020 г. в Екатеринбурге. В 2021 г. ЭСКПО пройдет одновременно с международной промышленной выставкой «Иннопром». На более поздний срок был перенесен Форум молодых дипломатов стран БРИКС, который должен был пройти в Казани. Также были перенесены саммиты ШОС и БРИКС, которые должны были пройти под председательством России в Санкт-Петербурге. В конечном итоге оба саммита были проведены в онлайн-формате, опираясь на мировой опыт проведения межгосударственных встреч. Одним из первых подобных мероприятий глобального масштаба стала апрельская видеоконференция по коронавирусу глав минздравов стран G20, в ходе которой обсуждались вопросы влияния COVID-19 на общество и сектор здравоохранения, а также проблемы обеспечения доступности медицинских услуг для населения. После этого в онлайн-формате проводились встречи старших должностных лиц БРИКС, онлайн-заседания экспертов ШОС, видеоконференция глав МИД стран РИК, видеоконференция глав МИД стран G20 и итоговый онлайн-саммит G20.

Деятельность России и Китая в составе ШОС как международной организации, в которой они являются одними из основных драйверов развития, характеризовалась интенсификацией количества контактов и расширением обсуждаемой повестки. Именно ШОС стала использоваться в качестве площадки для запуска и тестирования механизма работы многосторонних международных видеоконференций. В частности, первым заседанием в онлайн-формате стала встреча экспертов по подготовке Совещания министров здравоохранения государств — членов ШОС. После этого в формате видеоконференций в рамках ШОС прошло несколько десятков встреч с участием представителей Секретариата ШОС, включая: семинар Межбанковского объедине-

ния ШОС; круглый стол ШОС по переходу на взаиморасчеты в валютах; видеоконференцию по региональному сотрудничеству ШОС; видеоконференцию по влиянию пандемии коронавируса на взаимодействие в рамках ШОС; экспертное заседание по подготовке Форума стартапов ШОС; видеоконференцию «Роль России в развитии ШОС»; онлайн-семинар по сотрудничеству в области охраны окружающей среды в рамках ШОС; 5-ю Международную молодёжную конференцию «Модель ШОС»; 1-е заседание Консорциума экономических аналитических центров ШОС; видеоконференцию ШОС по вопросам влияния пандемии COVID-19 на развитие мировой экономики; семинар ШОС по современным технологиям в сфере наркопрофилактики; онлайн-консультации экспертов и глав служб государств ШОС по санитарно-эпидемиологическому благополучию; деловой конклав ШОС.

Одним из первых мероприятий в онлайн-формате с участием высокопоставленных официальных лиц стала состоявшаяся в мае 2020 г. видеоконференция глав МИД стран ШОС. После этого практика проведения подобных онлайн-встреч стала активно применяться в рамках политического взаимодействия стран — членов ШОС. Во второй половине 2020 г. в онлайн-формате прошли:

- 15-я встреча секретарей советов безопасности государств ШОС;
- встреча президента РФ с главами МИД стран ШОС;
- заседание Совета министров иностранных дел государств ШОС;
- 7-е совещание министров юстиции государств ШОС;
- 18-е заседание генеральных прокуроров стран ШОС;
- 5-е совещание министров сельского хозяйства стран ШОС;
- 19-е совещание министров по внешнеэкономической деятельности государств ШОС;
- 8-е совещание министров транспорта государств ШОС;
- 15-е совещание председателей Верховных судов государств ШОС;
- 10-е совещание руководителей компетентных органов государств ШОС по борьбе с незаконным оборотом наркотиков;
- 1-й Форум глав регионов государств ШОС;
- 16-е заседание Совета Межбанковского объединения ШОС;
- 15-е заседание Форума ШОС;
- 1-й Международный межпартийный форум «ШОС+»;
- 13-е заседание Молодёжного совета ШОС;
- 20-й Саммит ШОС;

- 19-е заседание Совета глав правительств государств ШОС [Секретариат ШОС].

Сохранение работоспособности ШОС, её быстрая адаптация к функционированию в новых условиях является также проявлением совместных политических усилий Москвы и Пекина. Кроме того, именно в рамках ШОС обе страны начали обсуждать и выработать решения по противостоянию главному вызову 2020 г. — пандемии COVID-19. В июле 2020 г. ШОС выпустила документ «Обзор передовых мер, предпринимаемых странами ШОС по противодействию распространению COVID-19» [Секретариат Шанхайской...], которые можно было применять в глобальном масштабе.

Политическим следует считать и решение о начале совместной работы ведущих центров вирусологии России и Китая по созданию вакцины против вируса. В августе 2020 г. в рамках Годов китайско-российского научно-технического и инновационного сотрудничества российский НИИ вакцин и сывороток имени И.И. Мечникова и китайский Институт микробиологии КАН подписали меморандум о создании совместной лаборатории по исследованиям COVID-19 [Российский НИИ предложил...].

17 августа 2020 г. Государственное управление по правам интеллектуальной собственности КНР выдало патент на разработанную в Китае вакцину Ad5-nCoV, которую создала компания CanSino Biologics совместно с Академией военно-медицинских наук НОАК.

Китай запатентовал свою вакцину против коронавируса на неделю позже России. Но фактически испытывать вакцину Пекин начал раньше Москвы, однако не решался регистрировать ее, пока не была закончена III фаза клинических испытаний, то есть стадия массовых проверок эффективности и безвредности препарата на широких слоях населения.

Поскольку правила регистрации вакцин на международном уровне официально нигде не формализованы, то Россия, основываясь на имеющемся опыте, зарегистрировала «Спутник V» после фазы II, то есть после проведения испытаний на группах молодых, здоровых, физически крепких добровольцев, фаза III была совмещена с началом массовой вакцинации.

Формально китайская сторона выразила поздравления Москве, однако, осознавая потенциальные экономические дивиденды от экспорта вакцины, Пекин последовал российскому примеру и тоже зарегистрировал свою вакцину. К сентябрю 2020 г. компания Sinovac и фармацевтическая группа Sinopharm также заявили о регистрации

своих вакцин по ускоренной процедуре для применения в чрезвычайных ситуациях.

Политическое взаимодействие России и Китая на международной арене в рассматриваемый период сохранило преемственность и отличалось взаимной поддержкой по основным вопросам глобальной и региональной повестки.

В частности, в СБ ООН РФ и КНР выступали с общей позицией по западному проекту резолюции о доставке гуманитарной помощи в Сирию; схожие позиции Москва и Пекин занимают в рамках четырёхсторонних консультаций по урегулированию в Афганистане; по участию Китая в договоре СНВ-3; по запрету размещения вооружений в космосе. Обе страны подтвердили приверженность принципу невмешательства во внутренние дела другого государства по ситуации в Гонконге, на китайско-индийской границе, а также по поводу выступлений в Беларуси. Политическая солидарность была проявлена Россией и Китаем по заявлениям США по Гонконгу, в отношении обвинений в распространении COVID-19, а также по обвинениям РФ и КНР в кибератаках.

Показательным примером политического взаимодействия Москвы и Пекина следует считать совместную статью послов РФ и КНР в США, опубликованную в одном из ведущих американских изданий *Defence One* по случаю празднования 75-летия Победы во Второй мировой войне, в которой было высказано предупреждение международному сообществу о недопустимости переписывания истории и которая стала призывом к США отказаться от мышления эпохи холодной войны.

Таким образом, политическое взаимодействие между Россией и Китаем в условиях пандемии COVID-19 развивалось по нескольким направлениям и имело ряд особенностей. Так, была сохранена многовекторная повестка обсуждаемых вопросов; был выработан механизм, позволяющий провести основные политические мероприятия в онлайн-формате; в отдельных областях двустороннего сотрудничества были достигнуты прорывные результаты, в частности в сфере совместной работы по противодействию пандемии COVID-19 — оказание взаимной гуманитарной помощи, стимулирование развития межрегионального сотрудничества, — но наибольшую динамику показало взаимодействие медицинских ведомств в части разработки тест-систем, вакцин и обмена медицинским опытом.

Отдельные элементы конкуренции наблюдались при регистрации вакцины и введении ограничительных мер в отношении въезда на

территорию друг друга. При этом на глобальном уровне и в многосторонних форматах Россия и Китай демонстрировали схожесть позиций по основным международным вопросам.

Результаты первой после начала пандемии встречи глав МИД РФ и КНР, состоявшейся в апреле 2021 г. в очном формате, подтвердили, что обе страны успешно прошли кризисный период, показав высокий уровень взаимного доверия. Действия политического руководства двух стран в условиях пандемии COVID-19 подтвердили искренность намерения Москвы и Пекина развивать долгосрочное и взаимовыгодное сотрудничество.

Библиографический список

AliExpress выделил 90 млн рублей на компенсации россиянам за ожидание посылок из Китая. 20.03.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8033927> (дата обращения: 30.05.2021).

В Приамурье усилили санитарный контроль из-за пневмонии в Китае. 02.01.2020. URL: <https://ria.ru/20200102/1563071519.html> (дата обращения: 30.05.2021).

Габуев А. Невпроворот на Восток. Почему азиатские инвестиции не заливают Россию. 14.02.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3880415> (дата обращения: 30.05.2021).

Джек Ма подарил Минобороны РФ более 1 млн медицинских масок. 26.03.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8085301> (дата обращения: 30.05.2021).

Фененко А. «Черные лебеди» глобализации. 13.04.2020. URL: <https://russianco uncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chernye-lebedi-globalizatsii/> (дата обращения: 30.05.2021).

Китай и Россия начали вместе создавать вакцину от коронавируса. 29.01.2020. URL: <https://www.interfax.ru/world/693132> (дата обращения: 30.05.2021).

Лавров провел переговоры с главой МИД Китая. 01.02.2020. URL: <https://ria.ru/20200201/1564144900.html> (дата обращения: 30.05.2021).

Небензя прокомментировал обвинения США в адрес Китая в Совбезе ООН. 24.09.2020. URL: <https://ria.ru/20200924/obvineniya-1577731569.html> (дата обращения: 30.05.2021).

О рабочем визите Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в Китайскую Народную Республику. 23.03.2021. URL: https://www.mid.ru/main_en/-/asset_publisher/G51iJnfMMNKX/content/id/4647946 (дата обращения: 30.05.2021).

Первый самолет ВКС с 82 россиянами вылетел из Уханя в Россию. 04.02.2020. URL: <https://ria.ru/20200204/1564258319.html> (дата обращения: 30.05.2021).

Российский НИИ предложил Китаю начать совместные исследования COVID-19. 27.08.2020. URL: <https://ria.ru/20200827/issledovaniya-1576362758.html> (дата обращения: 30.05.2021).

Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. Документы. URL: rus.sectscs.org/load/677693/ (дата обращения: 30.05.2021).

References

AliExpress vydělil 90 mln rublej na kompensacii rossiyanam za ozhidanie posylok iz Kitaya [AliExpress allocated 90 million rubles to compensate Russians for waiting for parcels from China]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8033927> (accessed: 30 May, 2021). (In Russian).

V Priamur'e usilili sanitarnyj kontrol' iz-za pnevmonii v Kitae [In Amur region, sanitary control was strengthened due to pneumonia in China]. URL: <https://ria.ru/20200102/1563071519.html> (accessed: 30 May, 2021). (In Russian).

Gabuev A. (2019). Nevprovorot na Vostok. Pochemu aziatskie investicii ne zalivayut Rossiyu [A lot of things for the East. Why Asian investments are not flooding Russia]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3880415> (accessed: 30 May, 2021). (In Russian).

Dzhek Ma podaril Minoborony RF bolee 1 mln medicinskih masok [Jack Ma donated more than 1 million medical masks to the Russian Ministry of Defense]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8085301> (accessed: 30 May, 2021). (In Russian).

Fenenko A. (2020). «CHernye lebedi» globalizacii [«The Black Swans» of Globalization]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chernye-lebed-i-globalizatsii/> (accessed: 30 May, 2021). (In Russian).

Kitaj i Rossiya nachali vmeste sozdavat' vakcinu ot koronavirusa [China and Russia start to create a vaccine against coronavirus together]. URL: <https://www.interfax.ru/world/693132> (accessed: 30 May, 2021). (In Russian).

Lavrov provel peregovory s glavoy MID Kitaya [Lavrov held talks with Chinese Foreign Minister]. URL: <https://ria.ru/20200201/1564144900.html> (accessed: 30 May, 2021). (In Russian).

Nebenzya prokomentiroval obvineniya SSHA v adres Kitaya v Sovbeze OON [Nebenzya commented on US accusations against China in the UN Security Council]. URL: <https://ria.ru/20200924/obvineniya-1577731569.html> (accessed: 30 May, 2021). (In Russian).

O rabochem vizite Ministra inostrannyh del Rossijskoj Federacii S.V.Lavrova v Kitajskuyu Narodnuyu Respubliku [Foreign Minister Sergey Lavrov's working visit to the People's Republic of China]. URL: https://www.mid.ru/main_en/-/asset_publisher/G51iJnfMMNKX/content/id/4647946 (accessed: 30 May, 2021). (In Russian).

Pervyj samolet VKS s 82 rossiyanami vyletel iz Uhanya v Rossiyu [The first VKS plane with 82 Russians flew from Wuhan to Russia]. URL: <https://ria.ru/20200204/1564258319.html> (accessed: 30 May, 2021). (In Russian).

Rossijskij NII predlozhl Kitayu nachat' sovmestnye issledovaniya COVID-19 [Russian research institute invited China to start joint research on COVID-19]. URL: <https://ria.ru/20200827/issledovaniya-1576362758.html> (accessed: 30 May, 2021). (In Russian).

Sekretariat SHOS [SCO Secretariat]. URL: <http://rus.sectSCO.org/> (accessed: 30 May, 2021). (In Russian).

Sekretariat SHanhajskoj organizacii sotrudnichestva. Dokumenty [Shanghai Cooperation Organization Secretariat. Documents]. URL: rus.sectSCO.org/load/677693/ (accessed: 30 May, 2021). (In Russian).

Научное издание

**Сотрудничество России и Китая
в интересах обеспечения безопасности
геополитического пространства ШОС:
проблемы и перспективы**

Редактор *Н.И. Иванова*

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 31.12.2021. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 11,0. Уч.-изд. л. 11,6.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 100 экз.)

Электронная библиотека ИДВ РАН

www.ifes-ras.ru

Почтовый адрес ИДВ РАН

Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32

АО «Т8 Издательские технологии»
109548, Москва, Волгоградский пр-т, 42, корпус 5